

ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ БОЛЬШЕ ХОДИТЬ В ЦЕРКОВЬ?

Джейк Колсен

ГЛАВА 1. Незнакомец, и все еще незнакомец.....	1
ГЛАВА 2. Прогулка в парке.....	6
ГЛАВА 3. Вот тебе и христианское просвещение!.....	14
ГЛАВА 4. Почему трудно сдерживать обязательства перед теми, кому обязан.....	22
ГЛАВА 5. Любовь на крючке.....	29
ГЛАВА 7. Когда копаешь яму — комья куда-то надо кидать.....	42
ГЛАВА 8. Все тайное становится явным.....	48
ГЛАВА 9. Шоры... только под другим названием.....	54
ГЛАВА 10. Доверие и еще раз доверие.....	63
ГЛАВА 11. Пробный полет.....	71
ГЛАВА 12. Великое единение.....	79
ГЛАВА 13. Последняя глава.....	89

ГЛАВА 1. Незнакомец, и все еще незнакомец

В тот момент он был самым последним человеком, которого я хотел бы видеть. День был и без того тяжелым, теперь я был уверен — события еще более усугубятся.

И, тем не менее, он был тут. В тот момент, когда он просто заглянул в кафетерий — еще до того, как зайти, пройти к стойке и налить себе соку — мне подумалось: а не спрятаться ли под столом? Но я вовремя сообразил, что буду выглядеть, как идиот... Может быть, он меня просто не заметит здесь, в дальнем углу? Я медленно опустил голову и закрыл лицо руками.

Сквозь пальцы я увидел, что он повернулся, оперся о стойку и отпил из стакана, глядя в никуда. Потом он взглянул в мою сторону, обнаружил, что был не один и с удивленным видом направился ко мне. Господи, почему здесь и почему сейчас?

Сегодняшний день был худшим из всех в нашем долгом и мучительном противостоянии. С трех часов дня, с того момента, когда первый приступ астмы начал удушающее наступление на нашу двенадцатилетнюю дочь, мы боролись за ее жизнь. Сначала мы все вместе неслись в больницу, с тревогой глядя на то, как она отвоевывает каждый свой вздох. Потом беспомощно наблюдали за тем, как врачи и медсестры боролись с астмой, подключая к дыханию ее легкие.

Должен отметить, что морально я с этим справляюсь плохо, несмотря на весь свой опыт в этой области. Мы с женой наблюдали за страданиями нашей дочери всю ее жизнь, в непрерывном ожидании очередного приступа, который мог наступить когда угодно, готовые рвануть в больницу, в любую секунду. Я переполняюсь злостью, когда вижу, что она не перестает страдать, а приступы усугубляются, несмотря на все наши молитвы и молитвы других верующих.

Однако пару часов назад лекарства подействовали, и она задышала более спокойно. Жена отправилась домой немного поспать и освободить своих родителей от дежурства, которое они несли в это время с нашим сыном. Я сказал, что останусь в ночь. Андреа, наконец, уснула, и я решил, пройтись в прибольничный кафетерий, выпить кофе и немного почитать в тишине. Я был слишком взвинчен, чтобы быстро поддаться сну.

Благодарю Бога за то, что кафетерий был полностью пуст. Я налил себе кофе и сел в дальнем темном углу. Внутри было столько, что мысли в голове неровно блуждали, и я не мог сосредоточиться ни на одной. Что я такого мог сделать, что моя дочь так страдает? Почему Бог не обращает внимания на все мои отчаянные молитвы о её исцелении? Другие родители ворчат о том, как им трудно успевать за всеми «этими детскими занятиями», а я не уверен,

переживет ли моя дочь очередной приступ астмы и боюсь за то, что прописанные нам стероиды могут затормозить ее рост.

И как раз в середине очередной волны злости он то и просунул голову за завесу моей «святая святых». Теперь он еще и направлялся к моему столику. И я откровенно подумывал о том, чтобы заткнуть ему рот кулаком, если он вообще посмеет его открыть. Однако мне было известно, что этого не произойдет. Буря происходила у меня внутри, там, где ее никто не мог видеть.

Ни один человек в моей жизни не принес мне столько крушений планов и надежд, как Джон. Я был так счастлив, когда впервые встретил его, и могу сказать однозначно, что еще не встречал ни одного человека, наделенного такой мудростью, как он. Тем не менее, он не принес мне ничего, кроме горя. С тех пор, как он вошел в мою жизнь, я потерял работу, о которой мечтал всю свою жизнь, был отлучен от церкви, в основании которой я был активным участником 20 лет назад, и даже мой брак подвергался определенной опасности.

Чтобы понять, как я себя чувствовал теперь, нам надо бы отмотать немного назад и вернуться в тот самый день, когда я впервые встретился с Джоном. Невероятное начало этих отношений не шло ни в какое сравнение с тем, через что мне пришлось пройти с тех пор.

Мы с женой только что отметили нашу 17-ю годовщину свадьбы трехдневной поездкой на центральное побережье Калифорнии в Призмо Бич. По пути домой субботним утром мы остановились в центре Сан Луис Обиспо, чтобы пообедать и сделать кое-какие покупки. Местный обновленный «Сити», казалось, был любимым местом всего города. В этот солнечный апрельский день народ высыпал на улицы как никогда.

После обеда мы решили разделить, поскольку объекты нашего с женой внимания весьма разнятся. Я отправился побродить по книжным магазинам, а она — проредить полки подарочных отделов и магазинов одежды. Как раз перед тем, как отправиться к намеченному месту нашего «рандеву», я решил не торопясь разделаться с шоколадным мороженым, и остановился, не найдя ничего лучшего, чем прислониться к стене магазина.

Мое внимание не мог не привлечь спор, разгоревшийся в нескольких метрах от меня выше по улице, между людьми, стоявшими на тротуаре напротив магазина стильной одежды «The Gar». Четверо студентов и два гражданина среднего возраста жестикулировали, размахивая ярко голубыми листовками. Я видал такие подсунутыми под «дворники» автомобилей на ветровых стеклах, и валяющимися яркими пятнами в сточных канавах. Это приглашения на постановки о пламени ада, обычно старательно подготовленные поместными церквями.

«Кто пойдет на эти второсортные представления...?»

«Я в церковь больше ни ногой...»

«Бывали, больше не куплюсь, надо бы еще раны залечить от того...»

С того момента, как я начал прислушиваться к происходящему, ни один из них фактически не закончил ни одной начатой фразы. Они так перебивали друг друга, что, казалось, если один из них не добавит свою каплю яда, то это разорвет его изнутри. «Эти лицемеры думают, что они могут судить меня и...», «Хотелось бы мне знать, что подумал бы Христос, окажись он сегодня в одной из этих церквей...»

«Я не думаю, что он бы туда пошел, он же...»

«А если бы он туда попал, он бы там заснул от скуки». Говорившего заглушил смех. «А то и умер бы со смеху...»

«Скорее, с горя...» — добавил один из них, реплика заставила всех замолчать и на мгновение задуматься.

«Как бы он пришел, в костюмчике и...?»

«Только для того, чтобы спрятать под ним хлыст для произведения небольшой уборки в доме».

Нарастающее волнение привлекало внимание проходивших мимо прохожих, которые замедляли движение, чтобы понять, вокруг чего сыр-бор. Некоторые из них, привлеченные разгорающимися страстями и заинтригованные возможностью побороться вокруг такого сокровенного предмета, как религия, подтягивались, как щенки к миске с вкусным варевом. Кое-кто ходил по кругу, прислушиваясь, а кое-кто даже обращался ко мне с вопросом, что, собственно, происходит.

Спор входил в достаточно развитую фазу, поскольку некоторые присоединившиеся противостояли антицерковным циникам. Упреки слышались там и тут, большинство из которых были мне уже знакомы: роскошество и лицемерие, скучные проповеди и изматывающие бесконечные собрания. Защитники церкви не могли не признать, что «некоторые слабые стороны есть», но как же не заметить то доброе, что производит церковь.

Вот тут-то я его и заметил: возраста непонятного, ему могло быть от сорока до пятидесяти, роста коротковатого, как говорится, метр с кепкой, темные вьющиеся волосы, и неухоженная борода, с проблесками появляющейся седины. Его выцветшая толстовка, джинсы, кроссовки и совсем не лощеный вид навели меня на мысль, что он похож на пережиток бурных 60-х, с тем только отличием, что не блуждал тут бесцельно.

Собственно, это и привлекло мое внимание — его твердое, целенаправленное шествие непосредственно к центру разгоревшейся дискуссии. Со стороны было очевидно, что он заметил толпу, нацелился на нее и медленно приближался, с настороженностью немецкой овчарки, уловившей подозрительный звук в ночи. Он прошел сквозь толпу, как нож сквозь масло, в одно мгновение, оказавшись в центре круга и оценив самых шумных возмутителей спокойствия. Когда его взгляд скользнул в мою сторону, я был обескуражен заключенной в нем силой. Он был глубокий и... живой! Я не мог оторваться. Он, казалось, знал то, чего не знал никто.

К этому времени дебаты ожесточились. Атаковавшие церковь развернули оружие против самого Христа, разоблачая Его как самозванца. Это естественно произвело толчок ярости, оживив ту часть толпы, которая выступала за посещение церкви. «Вот подождите, посмотрите ему в лицо и сразу провалитесь в пламя адово!» Мне казалось, что силы противостояния вот-вот столкнутся в битве, когда незнакомец запустил свой вопрос в толпу.

«Похоже, что вы и понятия не имеете о том, кто такой Христос, не так ли?»

Слова слетели с его уст, как свежий ветерок, покачивавший верхушки деревьев у нас над головами, и произвели контрастный эффект, в сравнении с разгоравшимися вокруг страстями. Они были произнесены так тихо, что я, скорее, прочитал их по губам, чем услышал, но эффект на толпу был произведен. Шумные возмущения мгновенно стихли, а разгневанные лица обрели недоуменные выражения. «Это кто сказал?» — вопрос повис в воздухе и в глазах, теперь они смотрели друг на друга по-другому.

Я беззвучно засмеялся — никто даже не смотрел в сторону человека, который только что говорил. Да и не мудрено, его трудно было заметить из-за низкого роста. Но я то наблюдал за толпой и за ним уже несколько минут, заинтригованный таким необычным поведением.

Пока люди в толпе озирались, он вновь произнес в тишине: «Знаете ли вы, каким Он был?»

В этот раз все повернули взгляды вниз, на голос, и были крайне удивлены видом того, кто говорил к ним. Этот еще откуда взялся? Он-то что об этом знает? Невысказанные вопросы усиливали напряженную тишину.

«Ну, а ты-то сам, что об этом знаешь?» — наконец произнес один из них, вложив все свое презрение в каждое слово, и осекшись только тогда, когда неодобрительные взгляды окружающих заставили его замолчать. Он хохотнул и отвел глаза в смущении, будучи рад тому, что внимание толпы вернулось к незнакомцу. Но тот не торопился говорить. Пауза затянулась и перешла всякие границы дозволенного. Начались нервные взгляды, пожимания плечами..., но никто не сказал ни слова и никто не покинул своего места. Все это время незнакомец обводил взглядом лица стоявших в толпе, задерживаясь на каждом доли секунды. Когда он встретился взглядом со мной, во мне, казалось, все растаяло. Я мгновенно отвел глаза. Через некоторое время, в надежде, что он больше на меня не смотрит, я украдкой бросил косой взгляд на него и снова наблюдал за происходящим.

После мучительно долгого молчания он заговорил опять. Его первые слова были произнесены тихо, почти шепотом, и предназначались непосредственно тому, кто страдал всех адовыми муками. «Вы, вероятно, даже и не подозреваете о том, что вами движет». Тон его голоса был печален, он как бы о чем-то умолял, в его обращении не было ни тени гнева. В смущении бывший обвинитель повел руками, скривил губы, как бы показывая, что вопрос ему не понятен. Да и что другого он мог придумать, когда вдруг оказался в центре всеобщего внимания.

Незнакомец ненадолго оставил его на обозрение толпы и, оглядывая всех по кругу, начал говорить снова. Слова слетали с губ легко и мягко. «Он был из тех, на ком не задерживается взгляд. Если бы сегодня Он прошел бы по этой улице, никто из вас Его бы и не заметил. Кроме того, человек с таким лицом, как у него не бывает популярен, и уж точно Он не вписался бы в ваше собрание.

«Но Он был самым благородным из всех людей, которых знал мир. Он мог унять клеветников, даже не повышая голоса. Он никогда не шел напролом, никогда не привлекал к себе внимания и никогда не делал вид, что Ему нравится то, что Его на самом деле раздражало. Он был настоящим до мозга костей.

«И сущностью Его была любовь». Незнакомец остановился и покачал головой. «Да! Вот это была любовь!» Его глаза смотрели сквозь толпу. Было похоже на то, что он просто смотрел сквозь столетия и пространства. «Мы и понятия не имели о том, что такое любовь до тех пор, пока не увидели ее в Нем. Все, даже те, кто ненавидел Его; те, кто не удостаивали Его даже малости своего внимания. Он заботился и о них, надеясь, что как-нибудь они все-таки вырвутся из своих избитых собственными руками душ, и поймут, Кто стоит теперь среди них.

«И в любви Он был абсолютно искренен. Даже тогда, когда Его слова и действия обличали самые темные побуждения людей, они не чувствовали порицания. С Ним все ощущали себя в безопасности. В Его словах не было и намека на осуждение, а просто мольба: придите к Богу и Он освободит вас. Никому другому вы так скоро не доверили бы свои тайны. И если бы вашим грязным делишкам надлежало открыться во всей красе пред глазами кого-либо, вы предпочли бы, чтобы это был Он».

«Он не тратил понапрасну время на высмеивание ни людей, ни их религиозных заблуждений». Он посмотрел на тех, кто только что был занят именно этим. «Если у Него было, что сказать, Он говорил это и шел дальше, а вы вдруг ощущали, что вот она эта любовь, та, которую вам никто доселе не являл». На этом незнакомец прервался — закрытые глаза и стиснутые зубы говорили о том, что он пытался подавить слезы так усердно, словно они могли растопить его изнутри.

«И я не говорю вам теперь о слюнявом сентиментализме. Он любил, и по-настоящему любил — будь кто из вас фарисеем или проституткой, учеником или слепым нищим, евреем, самаритянином или язычником — Его любовь могла объять всех. И многие прилеплялись к этой любви, когда видели Его. Немногие, однако, последовали за Ним, но даже те, кто провели с ним недолгое время, спустя многие годы не могли отрицать того, что в те мгновения они испытали нечто такое, чего у них больше не было в жизни. Казалось, что Он каким-то образом знал о вас все, и глубоко любил в вас то истинное, что было Его собственным творением».

Он замолчал и осмотрел толпу. Она выросла человек на тридцать за последние несколько мгновений, и присоединившиеся не могли оторвать взглядов от этого человека, которого они слушали, в недоумении приоткрыв рты. Я могу сейчас прописать все его слова, но не могу в полноте передать тот эффект, который они произвели. Никто из слушавших не рискнул бы отрицать силы его искренности, исходившей из самой глубины души.

«И когда Он висел на том прискорбном кресте, — взгляд незнакомца скользнул по деревьям, раскинувшим над нами свои кроны, — эта любовь все еще струилась и на насмешника, и на разочарованного бывшего друга. Во всем течении времен не было более важного момента, чем тот, когда Он приблизился к чертогам смерти, отягощенный битвой с грехом. Его муки — это тот самый канал, по которому Его жизнь струится к вам. Он не был сумасшедшим. Он был Сын Божий, исчерпанный до последнего издыхания ради того, чтобы мы могли жить свободно».

Я был поражен тем, как он говорил о Христе, так мог говорить только человек, который жил с Ним рядом. Я даже подумал тогда: «Этот человек — точный портрет того, как я себе мог бы представить Иоанна Богослова».

Не успел я подумать, как он прервался на полуслове, повернулся, как бы отыскивая кого-то в толпе. Внезапно мы встретились взглядами. Я почувствовал, как волосы стали дыбом, а по спине пробежал холодок. Он выдержал взгляд несколько мгновений, затем моментальная, но определенная улыбка пробежала у него по лицу, он подмигнул мне и кивнул.

По крайней мере, так я это теперь вспоминаю. Я был шокирован. Он прочитал мои мысли? Глупо... Даже, если это и был Иоанн, он не мог читать мысли. Что это я? Как этот человек может быть учеником о двух тысячах лет от роду? Это невозможно!

Когда он отвел взгляд, я обернулся: нет ли кого-либо еще за моей спиной, кто мог быть мишенью такого внимания. Никого не было, более того, никто кроме меня даже и не заметил улыбки и подмигивания. Я был ошарашен, как если бы меня прибило отрикошетившим футбольным мячом. Заряды энергии пробивали меня с каждым новым вопросом, проносившимся в мозгу — однозначно, нужно поподробнее узнать о нем.

Народ прибывал. Все новые и новые слушатели с любопытством пытались понять, где эпицентр происходящего и что, собственно происходит. Даже незнакомец уже не чувствовал себя комфортно, учитывая размах так быстро произведенного эффекта.

«Если бы я был на вашем месте,— сказал он, указав пальцем на тех, кто затеял всю эту дискуссию, — я бы предпочел потратить гораздо меньше времени на разбор религиозных мировоззрений, но точно бы выяснил, насколько сильно Он меня любит». С этими словами он развернулся, прошел сквозь толпившихся как раз в противоположном направлении от меня. Никто не двинулся, не сказал ни слова, в замешательстве — как же закончить беседу и разойтись.

Я попытался прорваться напролом через народ, чтобы пообщаться лично. Неужели — Иоанн? А если нет, то кто он такой? Как он может знать все это и говорить так уверенно об Иисусе Христе?

Пробиваться через толпу и одновременно следить за передвижением Иоанна, было сложно. Я протолкался как раз вовремя, чтобы увидеть, как он повернул в переулок между зданиями. Он направлялся к Бубль-Гум Аллее, кирпичной стене, раскинувшейся на сорок ярдов и соединявшей торговый район с автомобильной стоянкой. Свое название она обрела вместе с тысячами блямбами отжеванных остатков жевательной резинки, наклепываемых на эту самую стену в течение долгих лет. Цветовой ряд создавал картину если не в стиле импрессионизма, то уж точно отдавал гротесковыми веяниями.

Он был всего в четырех с половиной метрах от меня, когда исчез за поворотом, а я утешил себя мыслью, что теперь никто не помешает нашему разговору, поскольку других преследователей не наблюдалось. Я повернул за угол, уже готовый окликнуть незнакомца, но остановился, в изумлении обозревая аллею.

Там никого не было. В полном замешательстве я вернулся на улицу — точно ли он свернул именно сюда? Я смотрел в оба направления, вдоль и поперек, но зеленой толстовки незнакомца нигде не наблюдалось. Ну, он же точно пошел сюда. Я был уверен. Однако не мог же он пролететь сорок ярдов за три секунды, которые мне потребовалось, чтобы свернуть вслед за ним.

Сердце начало бешено биться — неужели я его упустил. В отчаянии я побежал вдоль аллеи мимо ярких бесформенных пятен жевательной резинки. Никаких подворотен, подъездов, в которые он мог бы свернуть. Я ринулся к автомобильной стоянке, одновременно осматривая окрестности — никого... Несколько человек выходили из своих автомобилей, но ни одного, напоминающего моего незнакомца.

Совершенно озадаченный я побежал назад по аллее на улицу, выглядывая так значимую для меня зеленую толстовку, одновременно вознося молитвы о том, чтобы все-таки внезапно натолкнуться на него, и заглядывая в окна магазинов и проезжающих мимо машин. Никого... Он пропал. Я был готов стукнуть себя за то, что упустил его тогда, когда он был так близко.

В конце концов, я сел на скамейку, слегка в недоумении от всего произошедшего. Я сдавил лоб ладонями, пытаюсь собраться с мыслями. Но они скакали в моем мозгу совершенно беспорядочно: кто это был и куда он делся? Его слова обострили уже давно созревший голод в глубине моей души, при воспоминаниях о его подмигивании холодок пробежал у меня по спине.

Я был уверен в том, что никогда больше не увижусь с этим незнакомцем, и полагал, что можно будет отнести произошедшее к тем невероятным явлениям в жизни, которые просто не поддаются объяснению.

Как далек я был от истины...

ГЛАВА 2. Прогулка в парке

Тысячу раз в течение последовавшей недели я прокручивал заново в уме все события того утра, восстанавливая каждое слово, сказанное незнакомцем и свои наблюдения. Мысль о том, что это мог быть Апостол Иоанн, становилась уже проходящей фантазией, с единственной противоречащей зацепкой в форме необычного подмигивания, которое не только оказалось на удивление своевременным, но и пробиравало до глубины души.

Но как Апостол Иоанн мог быть до сих пор живым в возрасте 2000 лет? А может быть, это было чудо, равное тому, как Моисей и Илия преобразились в явление Иисуса Христа? Даже если так, мог ли он читать мои мысли и просто так исчезнуть в никуда?

Я даже перечитал загадочные слова Спасителя, которыми он ответил Петру о том, что ожидало Иоанна. Но там он просто предсказывал, что настанет день, когда самого Петра поведут на смерть за то, что он последует за Господом. Обеспокоенный таким пророчеством, и, возможно, потрясенный сказанным Петр, обернувшись, указал на Иоанна: «А что он?» Ответ озадачил всех: «...если Я хочу, чтобы он пребывал, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною».

Иоанн написал, что слова Христовы положили начало слухам среди учеников, о том, что Иоанн не умрет. Однако он далее уточняет, что это было не совсем то, что сказал Господь — «но: если хочу, чтобы он пребыл...». И основной мыслью в этих словах было призвание Петра к следованию по пути Господа, вне зависимости от того, каким будет путь других. Весьма важный урок — вне сомнений — но не было ли вложено в эти слова чего-то большего, чем просто иллюстрации?

Я переосмыслил все произошедшее в то утро. Мое решение поделиться этой историей с женой и одним близким другом не было блестящим — их несерьезное отношение, сопровождавшееся изображением саундтрека из фильма «Промежуточная Зона» и нежелание отнестись ко всему так же трепетно как я, поколебали мою уверенность в том, что все это действительно произошло там именно так, как я это помнил. Однако, единственное, в чем я оставался тверд, так это то, что кто бы ни был тот человек, его слова поколебали основания того христианства, в котором я стоял.

Я никогда ни от кого не слышал таких речей о Боге. То, как он проповедовал, порождало неудержимый голод к познанию того Иисуса Христа, Которого, по моему мнению, я знал. Он, однозначно, видел Христа не так, как меня тому учили, и его немудреная уверенность в том, что он говорил, подводила к вопросу — что именно я мог упустить? В течение нескольких последовавших недель я перечел все Евангелия вновь. Глядя сквозь проповедованное учение, я пытался увидеть человека стоявшего за ним. Я осознал: несмотря на тот факт, что я был христианином вот уже более двадцати лет, я и понятия не имел о том, каким человеком был Христос, и самое тяжелое то, что я не знал, как подойти к этой теме. Чем больше я на этом сосредотачивался, тем больше отчаивался. Я с головой ушел в служение, надеясь, что в нем смогу похоронить свой голод в разрешении вопросов, порожденных тем злосчастным утром.

По прошествии четырех с половиной месяцев со времени того удивительного дня, события развивались еще более невероятным образом. Описываемое утро я специально выделил, чтобы подготовиться к редкой возможности проповедовать на воскресных службах в церкви, но ряд непредвиденных обстоятельств не позволил мне даже прикоснуться к материалам. Во-первых, наш доброволец-технарь, специалист в области звуковой техники, воспользовался возможностью улизнуть за город в грядущее воскресенье. Кем бы его заменить? Во-вторых, одна из семейных пар, якобы проходя мимо, решила заглянуть и пожаловаться на отсутствие гостеприимства в нашей церкви — они вот уже два года с нами, но никто не сподобился пригласить их в гости ни к обеду, ни даже на чашку кофе.

Затем позвонили Бен и Маша Хопкинс для того, чтобы сообщить мне, что они не придут на группу вечером. Третий раз подряд — не самый лучший пример заместителя лидера — моего заместителя, в конце концов. Я решил надавить на них, но они сказали, что вообще-то все это от недовольства церковью и, что они подумывают об уходе. Тут уж я попытался их отговорить. Сколько было в них вложено, знал только я — бесконечные часы натаскивания на то, чтобы вести домашнюю группу... Уйти теперь — как можно? «Нашим детям нравится „молодежка“ в другой церкви, которая ближе к нашему дому. Да и смущает то, что наша церковь становится все более обезличенной». Вот это да! Когда они впервые появились на

пороге нашей церкви, их брак дышал на ладан! Я провел с ними бесконечность, пытаюсь наладить их взаимоотношения. И вот теперь, когда пришла пора выйти на тропу отдачи, они вдруг решили, что в другом месте «пастбища позлачнее и воды потише».

Сверх всего, сразу же после обеда позвонил старший пастор и отменил встречу, которую он же сам попросил меня организовать для него с двумя нашими поручителями, у которых были некоторые замечания по нашей строительной программе. Видите ли, он просто не был настроен на разговор сегодня. Три недели я утрясал детали по этой встрече! Я был вне себя! На свежий воздух, иначе я за себя не ручаюсь!

Офисная дверь, хлопнувшая сильнее, чем я предполагал, выдала состояние моего духа всем окружающим сотрудникам. Я понял, что погорячился по испуганному взгляду секретарши и недоумению обернувшихся людей в рекреации. Как мог, я возмущенно отжестукировал, что, мол, сквозняк. Обернувшись, я вдруг невольно остановил взгляд на родной до боли табличке: «Джейк Колсен, первый помощник пастора».

Я и теперь помню день, когда я впервые вошел в эту дверь, приятно удивленный тому, что табличка уже была на месте, и охваченный благоговейным страхом перед той ответственностью, которая ложилась на мои плечи. Несмотря на то, что я никогда не планировал полностью посвятить себя служению, в день, когда я перешагнул порог этого офиса, я понял: вот и сбылись мои мечты. Четыре года спустя эти мечты все еще маячили как мираж.

По происхождению из рабочего класса, я, как водится, вырос в церкви. За исключением буйного подросткового периода, который пришелся на начало 70-х, я никогда не отрывался от своих духовных корней. Закончив колледж в 1979 году с дипломом в области ведения бизнеса, я управлял коммерческой структурой по недвижимости в Кингстоне, Калифорния — метрополии, неумолимо надвигавшейся на плодородные сельскохозяйственные владения Центральной Калифорнии. Экономика процветала в 80-х и начале 90-х, что позволило мне выстроить прибыльный бизнес и укрепиться в стабильно-положительной репутации.

Мы с женой помогли основать то собрание, которому я теперь служил. Пятнадцать лет назад пара семей и несколько студентов, разочарованных интригами и борьбой за власть в той традиционной церкви, которую они посещали, решили, что лучше начать что-нибудь свое. Некоторое время мы встречались по домам, бережно храня общение друг с другом, потом как-то скоро нам посчастливилось снять здание — его мы украсили табличкой с названием нашего собрания. Вначале рост церкви был медленным, но за последние 10 лет количество членов превысило 2000 человек; при этом, мы умудрились построить свое собственное здание и обеспечить церковь полным пасторатом.

Как же мне польстило, когда пастор пригласил меня на работу в церковь на должность специалиста по вопросам деловых отношений церкви и помощника по делам паствы. Мне было в то время 39 — абсолютно довольный жизнью отец двоих детей. Занятия в Воскресной школе, которые я вел, были наиболее популярны среди всех представленных в расписании, кроме того, завершался второй семестр моего участия в церковном совете.

Он убедил меня в том, как я был нужен. Это освободило бы его от массы дел, которые были выше его способностей. Понятное дело, что я зарабатывал гораздо больше на недвижимости, но я знал, что это просто деньги — маммона, как я слышал, называли этого идола в проповедях. Может, я прожигаю свою жизнь в плотских удовольствиях? В чем смысл моей жизни? У меня редко бывало время задуматься о подобных вещах, которые, несмотря на это, были весьма важны. И я принял предложение, в надежде, что смогу успокоить надоедливое чувство вины.

И на время смог. Примерно два первых года я был польщен известностью в качестве сотрудника растущей церкви, у меня было достаточно времени на чтение Слова и молитвы. Вскоре, однако, груз навалившейся деятельности стал меня угнетать. Я не только работал целыми днями, но и был занят вечерами по пять, а то и шесть дней в неделю. Мои надежды на то, что я смогу дополнительно, играючи, подрабатывать на недвижимости и покрывать незначительные счета, оказались несостоятельными.

Когда напряжение нарастало, я частенько находил отдушину в длительных прогулках. Я говорил секретарше, что скоро буду, выходил из административного комплекса и направлялся к парку, находящемуся в двух кварталах от него. Этот парк частенько служил мне убежищем, а иногда — молитвенным местом, хотя в невыносимо душные дни, которыми славится лето в

Центральной равнине, я не был там частым гостем. Сегодня градусник показывал чуть выше 80 по Фаренгейту — явное свидетельство того, что лето неумолимо клонится к осени.

Завернув за угол, я с удивлением отметил, что парк был полон людей, но тут же вспомнил: жена что-то говорила о коротком дне для школьников, уже начавших учиться. В определенном разочаровании я шарил глазами, высматривая уголок потише, где я бы мог ненадолго пристроиться. Вот тут-то я его и заметил — фигуру, одиноко восседавшую на одной из многочисленных скамеек парка. Даже с порядочного расстояния было ясно, что он очень напоминает того незнакомца, которого я видел в Сан Луис Обиспо.

Сердце лихорадочно забилось. Я молился о том, чтобы Господь позволил мне поговорить с этим человеком, но по прошествии времени уже отчаялся в своих надеждах. Эта встреча всколыхнула невероятные воспоминания того утра и той духовной жажды, которую оно породило в моем сердце. Я был почти уверен — это был не он, но все-таки решил, что надо бы посмотреть поближе, раз уж так случилось.

Подходя ближе, я оценивал: рост примерно тот же, но трудно определить, поскольку он сидит; внешне похож и борода знакомая, но солнечные очки и бейсболка сбивали с толку. Со стороны выглядело так, что он просто осматривал окрестности, не обращая внимания на мое приближение.

Я не мог оторвать глаз от него, а сердце отбивало чечетку.

Что если это он?

Что делать? Я прошел мимо, он повернул голову в мою сторону и я тут же отвел взгляд. Нет, не может быть. Я не мог решиться, да и никаких соображений по поводу, что сказать у меня не было, как не было и возможности поразмыслить над этим моментально, поэтому, замешкавшись насколько это было прилично, я двинулся дальше по дорожке. Я прошел уже десять ярдов, когда осмелился приостановиться на мгновение и сделать вид, что осматриваю парк, и будто случайно оглянулся на этого человека, сидевшего на скамейке.

Невероятно похож.

Он стал поворачиваться в мою сторону, я отвернулся снова, почувствовав себя неловко. До конца не осознавая, что делаю, я двинулся снова прочь от него. В пятидесяти ярдах по ходу моего движения стояла пустая скамейка. Я продефилировал к ней и сел, имея прекрасную возможность просматривать весь свой путь от начала. А он вдруг встал и направился как раз в том направлении, откуда я пришел.

Ну, нет! Что ж делать? Сейчас или никогда.

Я сорвался с места и ринулся за ним, стараясь сократить расстояние шагами пошире. Наконец мы поравнялись. Теперь я мог либо его окликнуть, либо пронестись мимо. «Извините, пожалуйста!» — слова сорвались с губ самопроизвольно, еще до того, как я осознал, что говорю.

Он остановился и обернулся ко мне. «Да...» Одно короткое слово не дает правильной картины, но голос вроде бы похож.

«Может показаться странным, но вы напоминаете мне человека, которого мне довелось видеть несколько месяцев назад на побережье, в центре Сан Луис Обиспо. Вы не можете быть тем человеком?» Солнечные очки смотрели на меня, ничего не выражая. Как бы увидеть глаза, тогда бы я мог сказать точно.

«Вообще-то я был там несколько месяцев назад, но только несколько дней. Мы с вами встречались?»

«Нет. Но человек, похожий на вас был в центре города, во время интересно разыгравшейся сцены и говорил с людьми там на улице».

«Это мог быть и я», — он пожал плечами.

«То был спор о религии. И если вы именно тот человек — вы вступили в дебаты и говорили об Иисусе Христе и о том, как Он любил. Не припоминаете?»

«Такое возможно. Я постоянно говорю с людьми, особенно с теми, которых волнует духовное. Мог быть и я».

«Меня зовут Джейк Колсен», — я протянул руку для рукопожатия.

«Очень приятно, Джейк. Я — Джон», — ответил он на рукопожатие. Я задохнулся — Иоанн, Джон — одно и то же. Последовавшие слова дались трудно, как после удара в живот. «Так вы тот самый человек, который тогда говорил с толпой? Это было в субботу утром. Вы меня помните?»

«Не могу припомнить вас, но, судя по обсуждавшейся теме, я мог быть частью произошедшего».

«Можно я немного задержу вас?», — я вскользь оценил, сколько свободного времени у меня было, судя по моим часам — 30 минут до намеченной встречи в офисе. Я повел рукой в сторону свободной скамейки недалеко от нас. «Буду рад». Мы прошли и присели — пауза. «Может показаться несколько странным, — наконец произнес я, — но я молился о том, чтобы встретить вас. Ваши слова меня тогда невероятно тронули. Вы говорили об Иисусе так, как если бы вы лично Его знали. В какой-то момент мне даже показалось, что вы — Апостол Иоанн».

Он засмеялся. «Надеюсь, я не выгляжу настолько старо, а?»

«Я знаю, что это прозвучит глупо, но, в тот момент, когда я об этом подумал, вы вдруг остановились в середине предложения, повернулись в мою сторону и кивнули, как бы соглашаясь с моей мыслью. Я пытался догнать вас, после того, как вы ушли от спорщиков, но потерял в толпе».

«Наверное, тогда это было ни к месту. Хорошо, теперь есть возможность. Так о чем вы хотели поговорить?»

«Ну, .. вы — он?» «Кто — он?» «Вы — Иоанн?»

«Апостол Иоанн, Христов ученик? — он улыбнулся, явно развеселенный таким измышлением — Ну вы знаете, что меня зовут Джон — или Иоанн, что, собственно, то же самое — и я считаю себя учеником Христовым».

«Нет, ну вы — Иоанн?»

«А почему это для вас так важно?»

«Если вы — он. У меня к вам есть вопросы».

«А если нет?»

Я не знал, что сказать. Его слова глубоко проникли в меня, кто бы он ни был. Он, похоже, знал об Иисусе то, что определенно ускользало от меня.

«Наверное, все равно есть». «Почему?»

«Ваши слова тогда в Сан Луис Обиспо глубоко задели меня. Вы, как мне кажется, знаете Христа так, как мне и не снилось. Я штатный пастор большой церкви в этом городе — Собрание Городского Центра. Слыхали?»

«Нет, не думаю!» — он покачал головой.

Я слегка напрягся от такого ответа: однако — обидно. Как это — не слышал о нас? «Вы живете где-то здесь поблизости?»

«Нет. Сказать по правде — я в Кингстоне впервые».

«Да? А что привело вас к нам?»

«Может быть, ваши молитвы, — сказал он полусерьезно — Я честно, не знаю».

«Послушайте, Мне надо идти уже через пару минут. Мы не могли бы встретиться как-нибудь снова?»

«Не знаю. У меня нет такой свободы, чтобы обещать кому-либо что-либо. Если нам надлежит встретиться снова, у меня нет сомнений на этот счет. Встреча произойдет без всяких расписаний».

«Можно пригласить вас на ужин? Поговорим...»

«Нет, прошу прощения. На вечер у меня уже есть кое-какие планы. А в чем дело-то?»

С чего начать? Всего каких-то несчастных 20 минут до того, как сорваться и бежать в офис, и при всем том наверняка опоздать.

«Знаете, я в каком-то тупике. Похоже, что в последнее время все опустошены, даже христиане, которых я знал десятилетиями. Вчера я разговаривал с одним из наших старших служителей, который для меня всегда был духовной скалой. Джим как будто разочарован в последнее время. Он сказал мне, что даже часто думает, есть ли Бог или все это христианство — пустой дым».

«Ну и что вы ему ответили?»

«Я постарался поднять его дух. Сказал ему, что мы же не можем жить по осязанию, но только верую, что он так много сделал всего прекрасного для Бога, и это будет оценено в свое время. Надо только быть верными и не полагаться на чувства».

«Так на что, по-вашему, у него нет права: на такие чувства или на такие вопросы?»

«Я этого не говорил».

«В самом деле?»— вопрос был ненавязчивым и не обвиняющим.

Я прокрутил ситуацию опять, вспомнил, что сказал.

«Тут надо понять Джейк, что жизнь в Боге — реальность. Это не игра. Когда люди чувствуют, что что-то не так — знаешь, что я заметил по опыту?— что-то действительно не так».

«А я сказал — чепуха, не обращай внимания»,— мои слова были обращены больше к себе, чем к Джону. Я покачал головой, понимая все больше.

«Думаешь, ты ему помог?» Джон уже по-дружески перешел со мной на «ты». Я не возражал, мне это даже нравилось, но со своей стороны я еще не находил это возможным.

«Не знаю. Я постарался поддержать его как мог. Мне показалось, он воспрял немного».

Джон молчал, давая мне возможность поразмыслить.

«М-да, вы правы, я совсем ему не помог. Скорее, я его просто осудил».

«В следующий раз, когда у него возникнут подобные мысли, пойдет ли он на искреннюю беседу с Джейком?»

Я отрицательно покачал головой, сожалея в душе обо всем, что я наговорил Джиму этим утром. Надо позвонить и попытаться все исправить.

«А сам-то ты Джейк? У тебя как с этим?»

«...с чем?»

«С твоей верой. Жизнь с Богом на такой высоте, на которой она тебя устраивает?»

«Время от времени я впадаю в расстройствa на грани срыва, как, например, сегодня. Но в целом, я не представляю себе, чем бы я мог заниматься, если не тем, что я делаю теперь».

Джон даже не повернул головы.

«Ну, конечно, денег не хватает, свободного времени тоже... Не так как раньше. Но это того стоит. Мы много делаем для нашего города».

Снова никакой реакции. Я не знал, что еще добавить, и не успел додумать, как вдруг слезы наполнили мне глаза, а дыхание стало прерывистым. Я внезапно ощутил свое отчаянное одиночество.

Наконец-то Джон повернулся в мою сторону. «Я не говорю о том, чем ты занимаешься. Наполняет ли тебя любовь Христова так, как в тот первый день, когда ты уверовал в него?» Слова расплылись по моим внутренностям, и я почувствовал, как моя душа тает, словно кусок масла на горячей сковороде.

«Н-н-нет!»— я, казалось, не мог выдать из себя ни слова, голос срывался от недостатка дыхания. Когда, наконец, я это произнес, мое «нет» споткнулось о долгий глубокий вздох.

«Уже давно нет...Похоже, чем больше я делаю для Бога, тем дальше он от меня оказывается».

«А может ты от него?»

«Что?»— кто бы он ни был, он точно видел все под другим углом зрения.

«Знаешь, почему ты так опустошен?»

«Я, Джон, об этом как-то и не думал. Я все время занят, Господь использует меня в жизни других людей. Для меня это единственно возможный жизненный путь. Я даже не позволяю себе лишний раз и задумываться над этим. Зачем расстраиваться? Я к тому, что есть столько всего, за что надо благодарить Бога: прекрасные дети, добротный дом, я — служитель Божий при всем том, что имею. Но вот тут почему-то тесно...»,— я стукнул себя кулаком в грудь и глаза заблестели слезами еще более явно.

«Джим тебя озадачил, да?»

«М-м?»— я снова, во второй раз, был в замешательстве.

«Не исключено, что ты настолько же опустошен, как и он, но не желаешь чуть притормозить, чтобы признаться себе в этом. Я бы сказал, что твой ответ ему был на самом деле адресован тебе самому».

«Я бы никогда об этом и не подумал. Но тогда, когда он со мной говорил, я чувствовал себя неловко. Он задавал вопросы, на которые я не хотел отвечать».

«Знаешь, Джейк, что в центре всего этого?— Джон откинулся на скамейке, скрестил руки на груди и глянул вдаль на игровую площадку.— В центре всего этого — жизнь, настоящая Божия жизнь, наполняющая твою собственную. Жизнь Божья — это ведь не теологическая абстракция. Это полнота... свобода... радость и мир от пребывания в Нем, такой

мир, который не перестает даже пред лицом самых тяжелых обстоятельств жизни. Эта жизнь была в Сыне, и он пришел разделить ее со всяким, кто доверится ему. Дело не в усердных трудах, крупных служениях или новых помещениях. Дело в жизни, которую можно увидеть, попробовать и потрогать, которой можно наслаждаться каждым отмеренным тебе днем. Тут и словами адекватно не передашь, но ты то знаешь, о чем я говорю. Такое в жизни уже было, не правда ли?»

«Да. Да, было, но как-то это все слишком краткосрочно. Сначала так оно и было, как ты говоришь, но такое ощущение, что это было вечность назад. Что со мной не так? Как я могу, будучи христианином уже так долго, будучи при том таким активным церковным служителем, не иметь этого? Как я теряю связь с этой самой жизнью, это же не может быть намеренно».

«Я много раз видел, как это происходит. А сегодня — это вообще эпидемия. Неким образом наш духовный опыт смещает приоритеты и неглавное становится главным, а заканчивается все тем, что мы теряем из виду эту самую настоящую жизнь. Разве не происходило то же самое в ранней церкви? Вспомни, что написано о церкви в Ефесе...И что говорит о них Христос в своем послании к ним в книге Откровения?»

Их теология была безупречна. Они знали истину настолько хорошо, что могли заметить ошибку, как мошку в тарелке с супом, со ста шагов. Они не боялись противостоять тем, кто выдвигался вперед в церковном служении, и если надо было — обличали их, определенно зная, кто тут говорит правду, а кто фабрикует подлог в корыстных целях, дабы сделать на этом имя. Их стойкость во времена гонений была непревзойденной за все времена существования христианства. Казалось, что страдания, чем дольше длились, тем больше закаляли их, и разве жаловались они на тех, кто подвергал их резким нападкам. Но вот странно, был ли Христос доволен ими?»

Я совсем недавно проповедовал по этому отрывку, поэтому знал, о чем говорил Джон. «Нет, он упрекал их за то, что они оставили свою первую любовь».

«Совершенно верно. Разве не удивительно? То, чего им не доставало, создало черную дыру, в которую всасывалось все достигаемое ими добро. Они оставили ту восхитительную любовь, которую имели к Господу вначале. И без нее их служение было бессмысленным. Можно так увлечься деятельностью ради Него, что легко потерять Его самого из виду. Их, дела — все без исключения — не имели в основании ни их любви к Нему, ни Его любви к ним. И поэтому все произведенное не только теряло смысл, но и несло в себе разрушительную силу».

«Это — я! Вы говорите обо мне»

«Это старая история, Джейк. Она повторялась миллион раз под таким же количеством названий. Ты помнишь тот день, когда любовь Христова охватила всю твою душу?»

Воспоминания поплыли перед глазами: «Да, я учился в средней школе, мне было двенадцать, а может тринадцать, я знал, что со мной что-то происходит. Мои родители были в другой комнате на собрании, где тридцать, а то и больше человек молились. Они находились там уже больше четырех часов, без всяких намеков на завершение. При всем том, это доставляло им удовольствие. Это повторялось каждую пятницу вечером. Они не могли дожидаться назначенного времени, когда могли все собраться и молиться. Иногда там пели, бывало — смеялись, а то и плакали. Редкий вечер заканчивался раньше 11:00 ночи, чаще все затягивалось гораздо дольше».

Все это было новым для моих родителей, которые также как и я выросли в церкви. Мы — третье поколение баптистов по отцовской линии и пресвитерианцев — по материнской. Мои родители примкнули к Баптистской церкви, как активные члены, постоянно посещали службы и состояли во многих комитетах. Но я никогда не замечал, чтобы церковь доставляла им удовольствие. Были такие воскресные утра, когда нам даже удавалось отговорить их и не ходить».

А тут было что-то другое. Из той комнаты их невозможно было вытянуть даже на буксире. Из постных церковных христиан они превратились в таких, которых больше волновала их жизнь с Богом. И я видел, как Бог менял их. Старые привычки отшелушились, Божие присутствие было выше их нужд, чтение Библии было в почете при каждой возможности. Я помню, они молились о каждой мелочи. Была радость, свобода и живая вера в самом начале. Как нас это притягивало! Они молились и за нас, тогда то впервые я почувствовал прикосновение к жизни Божией. Я даже помню, как впервые услышал то, что называют Божьим откровением».

«И что было дальше?»

«Несколько лет все это приобретало силу, и они захотели приобщить остальную церковь. Но подозрительность оказалась выше, а обвинения сильнее. Когда, спустя несколько месяцев туман развеялся, стало ясно, что в церкви им никто не рад. Многие из той группы отказались от членства в церкви, но их пыл от этого не угас. Все воспринималось ими как гонения.

Ну и уж раз в той церкви их никто не ждал, они решили основать свою собственную совместными усилиями. Первое собрание привело 80 человек, которые едва поместились в небольшом доме. Дух был поразительным. И они решили организовать, снять помещение и нанять пастора».

Удивительно, как я раньше этого не вспоминал! «А потом все тихо умерло. Вся деятельность ради Иисуса, которая их захлестнула, убила ту простую радость пребывания в Его любви».

«Поразительно, да? Облагораживание всего в форму, которую они принимали за церковь, смогло произвести то, что гонения не смогли. В попытке придать собранию ту конфигурацию, которую мир считает церковью, они потеряли из виду суть. Из всего существующего на свете наш Небесный Отец желает только одного: чтобы вы упали к нему в объятия, утонули в Его любви и провели в ней всю свою оставшуюся жизнь. Божий план, приносящий свободу, от сотворения до Дня второго пришествия состоит в том, чтобы привлечь людей к той любви, которую Отец, Сын и Дух Святой разделяют в вечности. Он желает ни больше, ни меньше и ничего кроме этого!

Это не отдаленный Бог, который послал Сына Своего со списком законов по соблюдению ритуалов и правил. Его приход был приглашением к тому, чтобы разделить Его любовь и к общению с Отцом, которое описывается им как дружба. А мы? Нас мгновенно поглощает деятельная религиозная культура, бесследно пожирающая эту Любовь, .. которую она думает, что имеет.

В Ефесе — охота за лжеучителями, в Галатии — привлечение всех к соблюдению ветхозаветных ритуалов. Сегодня — давайте сделаем так, чтобы все участвовали в церковных программах! Неважно, что уводит людей от Божией жизни, достаточно, чтобы этого было сполна, дабы выглядеть равноценной заменой. Естественно, выявить несоответствующих легче, когда стандарт четко определен — например, обрезание, как в Галатии, сложнее, когда рамки смыты, пример — обязательное посещение воскресной службы, как в Кингстоне. Но говорю тебе, что результат и в одном и в другом случае один и тот же — паства, пораженная скукой и недоверием, более не стремящаяся объять жизнь, данную от Отца».

Я не знал, что сказать. Сомнения мешали понять, был ли я с ним согласен. Как можно ставить на одну планку весов посещение службы и обрезание?

«Ответь мне на один вопрос, Джейк. Сколько потолочных плиток в вашем зале для собрания?»

Что тут думать? «312 полных и 98 половинок».

«Как ты узнал?»

«Пересчитываю, когда мне скучно»

«Похоже, что скучно тебе частенько. И не тебе одному. Знаешь сколько таких? Я как-то беседовал с одним товарищем, который не поленился „счесть“ все номера гимнов прославления на обложке сборника из любопытства, не сойдется ли ббб. Как-то не верится, чтобы люди, разделяющие жизнь Божию, не находили ничего лучшего, чем практиковаться в таких „славных“ занятиях. Не настораживает ли этот факт, как нездоровый симптом?»

М-да, пожалуй, он прав.

«Не помнишь, какая мысль пришла тебе в голову как раз перед тем, как войти в церковь в прошлое воскресенье?»

Тут надо подумать. «Я прокручивал свои записи, пытался найти ассоциативную иллюстрацию, которую не успел придумать».

«Понятно, а что ты себе подумал, когда припарковал машину возле церкви?»

Мгновение порывшись в памяти, я вспомнил: «Что я буду рад, если все это поскорее закончится и я смогу вернуться домой». Я повеселился над своими мыслями. «А как вы угадали?»

«Я и не угадывал, но меня это не удивляет. Ты и не подозреваешь, сколько людей думают также, даже те, которым платят за работу, как тебе. Рутинa обескровливает их жизнь, неважно насколько она у них полнокровна».

«Значит, разочарование Джима на самом деле хороший симптом?»— спросил я недоверчиво.

«Так же, как и твое. Когда ты вдруг осознаешь, что рутинa, о которую ты постоянно претыкаешься, совершенно не подвигает тебя на лучшее познание Бога, начинает происходить невероятное. Прокручивание одних и тех же программ неделю за неделей истощает. Ты разве не устал год за годом впадать в те же самые искушения, молиться одними и теми же молитвами без ответа и не наблюдать никаких свидетельств тому, что более четко слышишь глас Божий?»

«Устал»,— я и сам был удивлен как тому, с какой резвостью ответ сорвался у меня с губ, так и тому, какое отчаяние последовало за ним. «Так почему мы этому не противимся?»

«Ответ на этот вопрос, Джейк, раскроет тебе истину скорее о тебе самом, чем о церкви. А сейчас не лги себе о степени твоей апатии и разочарованности. Наш Отец никогда не оставлял своего стремления обрести вновь те особенные отношения с тобой, которые вы имели когда тебе было не более, чем тринадцать лет».

«Бывало и после».

«Бывало, но длилось недолго, так? Если бы не так, ты бы и не подумал утаивать состояние таких как Джим и подпитывать его душу утешительными, но пустыми банальными фразами. Таких людей как он нельзя утихомиривать, словно маловерных. Им нужно аплодировать за то, что они отважились относиться к своей духовной жизни, как к реальности. Если откровенно, то честность Джима демонстрирует больше веры, чем твое затруднение в этом вопросе».

«Что же мне делать, Джон? Я хочу обладать той жизнью, о которой вы говорите».

«Многих жертв тут не надо. Просто будь самим собой перед Отцом и противостой искушению вернуться обратно в свою скорлупу и безмолвно сносить пустое существование. Твое противостояние произрастает из того зова, который твой дух слышит от Духа Божия. Проси его простить тебя за то, что в твоей жизни многое стояло на пьедестале вместо его любви, проси его показать, как так возможно, что упорные попытки делать добрые дела во имя его, затеяют Его любовь к тебе. Остальное предоставь Его воле. Он сам приблизит тебя к себе».

Я взглянул на часы, понял, что надо бежать. «Прошу прощения. Мне пора. Извините, что задержал...Но я буду пробовать!»

«Правильно. Разве это не радость — просыпаться каждый день в любви Божьей, не пытаюсь ее заслужить никакими праведными деяниями со своей стороны? Это и есть секрет первой любви. Не пытайтесь заслужить ее. Надо знать, что вы приняты и любимы не за то, что вы можете сделать для Бога, а за то, что он избрал вас во Христе по своей неизмеримой милости».

Я встал, чтобы идти и схватил Джона за руку. Он пожал мою и задержал ее на минуту. «Это не трудно, Джейк. В Его царствии точно получаешь то, чего ищешь. И все! Если ты ищешь отношений с Богом, ты найдешь их».

«Так почему их нет? Я то думал, что именно к этому все время и стремился».

«Поначалу может быть, так и было. Но события разворачиваются не всегда в одну сторону. Только тогда, когда оценишь то, что имеешь, понимаешь, к чему стремился!» Он отпустил мою руку.

Его слова прозвучали на необратимо завершающей ноте, мне уже давно надо было возвращаться в офис, чтобы успеть на встречу,— и я просто кивнул. Я тогда так и не понял, что он имел в виду.

«Надеюсь, как-нибудь еще увидимся». «Думаю, конечно, ...в свое время».

Я поблагодарил его еще раз, помахал на прощание и, уже точно опаздывая, почти побежал по парковым дорожкам на свою встречу. Что меня всегда удивляет, так это то, что самые значимые дороги в нашей жизни начинаются так просто... Даже не придаешь всему происходящему значения до тех пор, пока не оглядываешься назад!

ГЛАВА 3. Вот тебе и христианское просвещение!

Моя короткая встреча с Джоном в парке принесла больше разочарований, чем пользы. Хотя я и расстался с ним в предвкушении новых перспектив, и прошел сквозь тот день, не давимый стрессом, гнет которого я ощущал раньше, энтузиазм иссяк быстро.

Я плохо помнил все, что он сказал и продумывал тысячу вопросов из тех, которые я бы мог ему задать. Тот факт, что времени у нас было мало, а он не хотел назначать никаких свиданий, меня просто бесил. Да кто он такой, в конце концов? Не разыгрывает ли он надо мною какую-нибудь злую шутку? Может, он вообще — преследующий меня сумасшедший.

Но он не вел себя как сумасшедший. Беседовать с ним мне было совершенно комфортно. Это напоминало те беседы, которые у меня были с отцом, до его гибели в аварии пять лет назад. Странно, но у меня было такое же благорасположение к этому Джону, кем бы он ни был. С его легкой руки у меня разгорелась жажда к познанию Иисуса, и она не угасла за прошедшие месяцы, несмотря на мои безуспешные попытки ее утолить.

После той нашей встречи, я специально спланировал 45 минут с утра на чтение Библии и молитвы, подгадав их на то время, когда все остальное семейство еще спало. Несмотря на мою сознательность в этом деле, никаких изменений не наблюдалось. Рабоче-семейный стресс быстро вернулся. Мои молитвы не производили никакого результата, даже в тех сферах, о которых я молился наиболее усердно. Я терял надежду, но был тверд в постоянстве.

К тому времени, я уже лелеял надежды на новую внезапную встречу с Джоном, но она не происходила. В течение нескольких недель я ловил себя на мысли, что невольно ищу его глазами повсюду. Шел ли я в магазин, сидел ли в ресторане или просто ехал по городу — я шарил взглядом по прохожим — не он ли? Когда возникала фигура, похожая на него ростом и видом, мое сердце замирало. Но, когда я подходил ближе, мои надежды улетучивались. Я даже несколько раз навевывался к скамейке в парке — проверить.

Представьте мое удивление пять месяцев спустя, когда я увидел знакомое мне лицо там, где я меньше всего его ожидал — заглядывающим в шестигранное окно на одной из дверей, ведущих в зал собрания нашей церкви. Было воскресное утро, шло самое большое наше богослужение, а я как раз шагал по проходу к свободному месту; на лице у меня было написано «что бы они тут без меня делали!» поскольку я только что справился с нашей хай-тек звуковой системой, устранив какие-то неприятные шумы. Всего-то надо было подергать за два проводка, проложенных под сценой, — на время сработало и мы решили, что потом надо будет посмотреть, в чем там дело.

Двигаясь по проходу, я чувствовал на себе взгляды людей, не смотря на то, что пастор как раз в это время произносил молитву. Я тоже держал голову склонено, пока не дошел до своего ряда, тут я поднял глаза, посмотрел вдоль прохода — и сразу же увидел его. Ошибки быть не может: те же глаза, мое сердце почти прекратило биться, когда я его узнал.

Я решил не пробираться к своему свободному месту, и проскользнул в вестибюль сквозь другую секцию дверей. Он стоял все там же, нахмурившись. Я помню, что первой мыслью было, что как-то он не вписывался в картину нашего здания. Не знаю, что натолкнуло меня на эту мысль. Точно не его наряд. Он был одет в спортивную рубашку с коротким рукавом, обычные брюки — более чем приемлемо для наших демократичных калифорнийских богослужений. К нам приходили и не такие: с похожими бородами, только волосами подлиннее, которые вообще выглядели как опоздавшие за течением времени хиппи. Но он просто был тут ни к месту.

«Джон, вы, что тут делаете?» — прошептал я.

Он медленно повернулся ко мне, улыбнулся в знак приветствия, и снова вернулся к тому, что происходило внутри зала. После нескольких секунд он, наконец, произнес: «Я подумал, не повидаться ли с тобой, конечно, если у тебя найдется время поговорить».

«Где вы были? Я надеялся, что встречу вас где-нибудь?» Он продолжал смотреть в окно. «Я бы очень хотел поговорить. Но сейчас не самое лучшее для этого время. Там проходит наше основное богослужение».

В этот раз он оторвался от окна: «Я понял». Я услышал, как в зале все встали, и оркестр прославления заиграл очередной гимн.

«Может чуть позже? После служения?»

«Я тут проездом и подумал, что стоит тебя проведать, посмотреть, как идут твои дела. Находишь ли ты ответы на свои вопросы?»

«Не знаю. Делаю все, чему научен. Мое „тихое время“ приходит в норму — лучше, чем сейчас никогда не было».

Его молчание подсказало мне, что я не ответил на вопрос. Я подумал перемолчать его, но пауза так неловко затянулась, что я не смог не заговорить снова. «М-м-м — ну вот...» — как бы это ему сказать? «Думаю, что нет...Больше того, кажется, что чем сильнее я стараюсь, тем опустошеннее себя чувствую».

«Вот и замечательно», — кивнул Джон, не отрываясь от того, что происходило в зале собрания. «Значит, ты извлек невероятно важный урок, правильно?»

«Как это...?» Я подумал, что он меня не понял. «Я сказал, что ничего не выходит. Я, правда, старался, как мог, но все еще чувствую ту же пустоту внутри». «Я понял», — ответил Джон, снова оборачиваясь в мою сторону. «Хочешь знать почему? Пойдем, покажу».

Сказав так, он развернулся, кивнул мне следовать за ним и замаршировал вдоль по коридору, ведущему к крылу, в котором размещался наш образовательный блок. Видя, как он удаляется от меня, я бросил взгляд назад, в зал собрания. Я не могу идти за ним сейчас.

Я должен присутствовать на служении. Что, если звуковая система снова забарахлит? Что если...? Он заворачивал за угол. Знакомая ситуация, так я его один раз уже потерял. Времени на раздумье не было, еще один короткий взгляд в зал собрания — и я бросился вдоль коридора догонять его.

Заворачивая за угол, я чуть не сбил с ног молодую пару, двигавшуюся в обратном для меня направлении. Я извинился за столкновение, но они не поняли в чем дело. Их лица горели смущением.

«Стоит только раз опоздать», — выдохнула женщина, — «и смотри, кто нас поймал — один из пасторов! Честное слово, мы никогда не опаздываем». Через ее плечо было видно, что Джон остановился, подпер стену, и наблюдал за нашим обменом любезностями, поджидая меня. Брови его игриво изогнулись, а улыбочка выражала «Ну, брат, ты попался!»

Я вдруг почувствовал себя церковным постовым. Пару воскресных служб назад я обратился к пастве с архисерьезным воззванием о том, как это важно — приходиться на служение во время, чтобы не отвлекать своими опозданиями других верующих от общения с Богом. Я просто ощущал, как Джон пеленговал нашу беседу, напрягая слух.

«У нас колесо спустило», — оправдывался мужчина.

«Повезло вам, сегодня не буду выписывать штрафов за опоздание», — пошутил я, в надежде сгладить их неловкость, да и свою тоже. «Я рад, что вы, тем не менее, добрались. Проходите, пожалуйста». Я обнял обоих и провел в зал собрания, у дверей которого благополучно передал их в руки наших швейцаров, позаботившихся о том, чтобы найти им свободные места.

Я снова рванулся через вестибюль и повернул по ходу коридора, ведущего к образовательному блоку. Он там и стоял, как раз напротив информационной доски по делам Воскресной школы. Взгляд был направлен вверх нее, он рассматривал трехдюймовые буквы, составленные в слова: «ВОЗРАДОВАЛСЯ Я, КОГДА СКАЗАЛИ МНЕ: „ПОЙДЕМ В ДОМ ГОСПОДЕНЬ“».

«Что это значит?» — спросил он, проведя указательным пальцем дугу, следуя по тексту.

«Что мы должны радоваться, приходя в присутствие Бога». Интонация моего высказывания невольно изогнулась в форму, более напоминающую вопрос.

«Замечательный ответ. А почему это помещено именно сюда?»

«Это слоган нашего служения в области христианского просвещения». Ответил я, стараясь показаться невозмутимым, но точно знал, что он к чему-то клонит. Только не понимал к чему.

«Мы стараемся создать такую атмосферу, которая привлекала бы детей на наши занятия».

«А „Дом Господень“, значит и есть вот это здание?» — он повел руками в обе стороны от себя.

Ну вот! Такой поворот в разговоре меня не очень устраивал. После некоторой паузы я отпарировал: «Ну, конечно, мы все знаем, что этот стих имеет гораздо более глубокий смысл». Я лихорадочно искал правильный ответ, но меня терзало неумолимое чувство того, что в моем арсенале его не было.

«А какой смысл несут эти слова тем людям, которые их читают?» «Скорее всего, они полагают — суть в том, чтобы ходить в нашу церковь».

«А вы хотите, чтобы они именно так и думали?» Я решил, что если не отвечу теперь, он продолжит. Но молчание вновь продлилось гораздо дольше, чем я мог вынести.

«Наверное, хотим».

«А вам не приходило в голову, что основная мощь новозаветного писания заключена в том, что оно освобождает нас от убеждения, утверждающего, что Бог живет в каком либо строении. Для народа, погрязшего в ритуальном храмовом служении, это была либо потрясающая либо убийственная весть. Христовы последователи полагали, что она невероятно радостная. Им больше не надо было представлять себе Бога, заключенного в храмовом святилище, доступного только особым людям и в особо отведенное время».

Я услышал ноты грусти в его голосе и промолчал.

«Ну, так если не в этом здании, Джейк, то где же Дом Господень?»

«В нас». Я покачал головой, осознавая всю глупость того, куда и как был помещен этот стих. Что бы сказал Джон, если бы узнал, что это была моя идея. Об этом я ему точно не скажу.

«А если так, то как же нам попасть в себя?» Он вздохнул как бы с досадой «Ты помнишь, какие слова сказал Стефан, прямо перед тем, когда его вывели, чтобы побить камнями? „Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет...“. Вот, когда они заскрежетали на него зубами. Это напомнило им о том, что Христос обещал разрушить храм и восстановить его за три дня. Когда дело касается собственности в форме недвижимости, люди идут на многое, особенно, если они убеждены, что в ней живет Бог».

Я просто молча кивнул, соглашаясь со сказанным. «А сами они рады, когда приходят?»

Мне пришлось немного сосредоточиться на том, кого он подразумевал под своим вопросом. «А, ну мы надеемся. Мы много над этим трудимся».

«Это уж точно». Взгляд Джона скользил по информационной доске, где были помещены все объявления о наших обучающих семинарах, собраниях сотрудников, занятиях, а по контуру красовались хозяйственные просьбы о церковных нуждах.

«Качественная программа требует приложения усердного труда».

«Вне сомнений. И вовсе не навешивает на вас груз вины». Я проследил за его взглядом, который упирался прямо в центр нашего рекламного плаката по привлечению к работе преподавателей. На нем красовался подросток, увенчанный панк-гребешком, один, в ночи, на улице в большом городе. Большими буквами внизу слева было написано «Кто, если не ты пожертвует своим временем, чтобы он узнал Иисуса Запишись сегодня»

«Вины? Мы не пытаемся повесить ни на кого чувство вины, просто обнародуем факты».

Он покачал головой и пошел дальше по коридору. Я снова оглянулся в сторону зала собрания, туда, где я должен был находиться. Но тут же решил, что лучше мне остаться с Джоном, который в этот момент уже поворачивал в следующую рекреацию.

Обогнув угол, я услышал детские голоса вразнобой тянувшие:

«Все стоим мы по местам, интересно будет нам. С добрым утром! С добрым утром!»

Джон заглядывал в полураскрытую застекленную дверь. Первоклашки сидели рядами на миниатюрных стульчиках, расположенных как было удобно учителю. Не успела закончиться приветственная песенка, как в классе все заерзали, начались щипания, толкания и смех. Мальчуган, облаченный в голубую трикотажную жилетку, повернулся и показал язык одной из девочек. Увидев, однако, что двое взрослых мужчин наблюдают за происходящим, он тут же развернулся и сделал вид, что он весь — внимание.

С нашего угла обозрения учителя видно не было, но умоляющий голос, срывающийся на крик, слышался справа от нас.

«Давайте повторим стих, который был задан на дом». Пыталась она перекричать шум.

«Ну-ка! Успокойтесь, а то останетесь без угощения!» Очевидно, это была отработанная угроза, потому что класс начал утихомириваться.

«Кто учил заданный на дом стих?» По классу поднялся лес рук. «Давайте повторим вместе». «Возрадовался я, когда сказали мне» четкие голоса не меняли тональности. «„Пойдем в Дом Господень“ Псалом 121:1» Большая часть хора потерялась по ходу цитирования, однако был слышен голосок одной девочки, которая всем хотела показать, что она знала задание.

«Что это значит?» — постаралась перекричать нарастающий шум учительница.

Две руки взметнулись вверх, и неудивительно, что одна из них принадлежала той самой девочке, которая громко цитировала писание.

«Шерри нам скажет!»

«Это моя девочка»,— прошептал я Джону.

Она встала. «Это значит, что нам должно нравиться ходить в церковь, потому что тут живет Бог».

«Правильно»,— отметила учительница, и я почувствовал, что краснею от стыда.

Я смог только пожать плечами, когда Джон обернулся, весело улыбаясь. Беззвучно он прошептал: «Сработало!» Выражение его лица сняло чувство неловкости с моей души. Было ясно, что он здесь не для того, чтобы стыдить меня.

Когда мы оба вернулись к происходящему за дверью, учительница раздавала поощрительные звездочки, которые дети сами лепили на настенную оценочную таблицу. Это была наша методика поощрения за посещаемость, выученные стихи из Библии и за наличие Библии на уроках. Класс пришел в хаос: опережая друг друга, дети рвались за знаками отличия, искали свои имена на доске и пытались прилепить звездочки на место.

Когда все, наконец, вернулись на места, учительница подошла к доске и выделила несколько имен. «Посмотрите-ка на все эти звездочки у Бобби. Шерри тоже молодец, и Лиз, и Келли. Надеюсь, вы помните, что пять наших Суперзвезд получают особый приз в конце четверти. Трудитесь поусерднее. Обязательно приходите на занятия каждую неделю, приносите Библии и учите стихи, заданные на дом».

«Список составлен и дважды проверен...»— тихонько промурлыкал Джон. Я не сразу припомнил песенку Санта Клауса, она была не из нашего репертуара. «Этого достаточно?»— спросил он, поворачиваясь ко мне.

«Кому... мне? Я просто сопровождаю вас. Мне хорошо известно, что тут происходит».

«В этом я не уверен». Джон развернулся от застекленной двери и двинулся дальше по коридору, остановившись, наконец, у фонтана. Правая рука, прижатая к груди, поддерживала локоть левой, которой он мял лоб опущенной головы.

«Джейк, ты заметил того мальчугана, который сидел рядом с твоей дочкой? Такой: в шортиках и светло-желтой футболке?»

«Нет, не совсем».

«Ну, не удивительно. Его особо и не заметишь. Он не шумел, просто сидел, опустив голову и сложив ручки».

«А, я знаю, о ком это вы. Это — скорее всего, Бенджи».

«Бенджи. Ты заметил, что он не знал ни слова из того стиха и даже не привстал, чтобы взять свою звездочку, которую он заработал за то, что пришел сегодня?»

«Нет, не заметил».

«Как ты думаешь, что он должен испытывать от происходящего?»

«Я надеюсь, что ему захочется подтянуться, начать приносить Библию и почаще приходить подготовленным к занятиям. На то они и побуждающие приемы. Все их используют».

«Ну а как ему обскакать...Шерри — так ее зовут? Его родители могут уделить ему столько же внимания, сколько ты своим детям?»

«У него только мать, своего отца он никогда не видел. Мать его трудолюбивая женщина, любит его сильно, но вы то догадываетесь, что значит одной растить ребенка. Я и представить себе этого не могу».

«На твой взгляд, уйдет ли у нас сегодня Бенджи вдохновленный?»

«Мы на это надеемся...», я вспомнил Бенджи, сколько раз я видел его там, сидящим с отсутствующим взглядом. «Полагаю, мы должны отметить, что пока это не произвело своего эффекта. Но с большинством детей все в порядке. У нас в городе самое успешное детское служение».

«То есть ты хочешь сказать, что чувство успеха у Шерри стоит того, чтобы строить его на чувстве стыда Бенджи?»

Я попытался ответить на этот вопрос, но не нашелся, что сказать такого, чтобы оно не звучало совершенно глупо.

«Ты, Джейк, сам ходил в детстве в воскресную школу?»

«Ходил. Мои родители буквально взрастили нас в церкви. Я даже выиграл соревнование по заучиванию стихов из Библии — выучил 153 стиха за три месяца».

Джон широко открыл глаза «Правда? И что тебя на это сподвигло?»

«Победитель получал новую Библию».

«Я подозреваю, что тебе она как раз меньше всего была нужна».

Я на минуту задумался и вспомнил, что незадолго до того, родители действительно купили мне новую Библию. Я сделал удивленное лицо и взметнул брови в недоумении, как бы говоря: откуда вы знаете.

«Обычно тем, кто выигрывает, нужен не приз».

«Ну, у меня была другая Библия. Однако эта была особенная — я же ее выиграл».

«Сто пятьдесят три...Это много стихов».

«Заучивание всегда давалось мне легко. Стоит пару раз прочитать — и я помню наизусть. На самом деле, было не трудно. Большую часть стихов я выучивал утром, перед тем, как идти в церковь».

«А на сколько стихов вытянуло второе место?»

«Чтобы быть точным — 35. Я их далеко обскакал».

«И ты полагаешь, что все это было здоровым проявлением порыва духа?»

«Надеюсь, что мы не будем это оспаривать...» подумал я, но говорить не стал.

«Расскажи-ка мне о других своих победах».

«Когда мне было десять, я получил золотой значок в награду за непрерывное посещение воскресной школы в течение трех лет. Пастор вручил его мне во время воскресной службы перед всей церковью. Все хлопали — это надо было слышать и видеть такие моменты в жизни не забываются...»

«И дают ощущение, что есть ради чего жить, да?» «Что вы имеете в виду?»

«Разве не это ты преследуешь в своей жизни с тех пор — это чувство того, что ты особенный?»

Словно завеса упала у меня с глаз. Большая часть моих решений в жизни принималась с учетом страстного желания получить признание и почет. Я любил общественную похвалу и часто представлял себе ту или иную ситуацию и себя в ореоле славы. Говоря искренне, это и было одним из основных мотивов, заставивших меня оставить работу в недвижимости и принять предложение в церкви, где я мог быть у всех на виду, всем известный и всеми любимый. «Неужели тот единственный случай и стал всему этому причиной?»

«Конечно, нет. Таких случаев было множество, все они откапывали и подпитывали ту жажду, которая уже жила внутри». Он указал на мой живот. «Кому же не хочется быть любимым и признанным? Легче всего манипулировать этим чувством, когда призываешь кого-либо делать добрые дела. Другой вопрос — помогли ли тебе заученные стихи и посещение воскресной школы познать Отца лучше?»

Что тебе дается легче: стремиться — к более близким отношениям с Отцом или к удовлетворению чувства собственного успеха? Вот где задачка! По моему мнению, ты не был бы в таком отчаянии, если бы все те преуспевания научили тебя познанию Отцовской любви. Однако ты продолжаешь усердно искать общественного признания, а заодно и Его признания, не осознавая, что последнее ты уже имеешь».

«Как это? Как я могу иметь признание Отца, если я все еще борюсь за него?»

«Потому что ты борешься не за то, что надо. Ты думаешь, что можешь заработать Отцовское признание, и эта удавка — самая жуткая из всех. Мы имеем Его признание не потому, что мы его чем-то заслужили, а по причине того, что Он сделал для нас на кресте. Поверь мне, Джейк, нет ничего в этой жизни, что ты можешь сделать, чтобы Он любил тебя сегодня больше, чем вчера; а также нет ничего из того, что могло бы заставить Его любить тебя меньше. Он просто любит тебя».

И только полное осознание твоего покоя в этой любви может изменить твою сущность, но не борьба за попытки заслужить ее».

Мои глаза наполнились слезами. Он отворил во мне что-то такое, о чем я даже не подозревал.

«Так значит, что — все мои усилия тщетны?»

«Если они во имя того, чтобы заставить Его любить тебя больше, то — да... Даже если ты, Джейк, не подготовишь больше ни одного занятия по Библии и не проведешь ни одной душепопечительской беседы — от этого Он не станет любить тебя меньше».

Я ему не верил. Мысли вращались вокруг смысла этого последнего предложения. Вот почему большая часть моих усилий оказывалась совершенно тщетной. Я не прекращал зарабатывать то, что уже было мне отдано. И вместо того, чтобы жить в том, что уже было, я пытался создавать нечто свое собственное.

Прошло несколько мгновений, Джон оттолкнулся от стены и направился дальше по коридору, я присоединился к нему.

«Знаешь, что? В то утро, когда ты получил золотой значок за хорошую посещаемость, пастор — если бы он действительно тебя любил — должен был сказать что-нибудь такое: „Уважаемые братья и сестры, вот стоит перед нами молодой человек, который сегодня завершил трехлетний цикл занятий воскресной школы, ни разу не пропустив, ни одного. Я бы хотел помолиться за него, потому что все это говорит нам о том, что приоритеты его семьи непомерно искажены — за три года им не удалось ни разу отправиться в отпуск всем вместе. Это также означает, что он приходил на занятия даже больным, в то время как должен был быть в постели. Это говорит нам и о том, что погоня за золоченой безделушкой и обретение вашего признания значит для него больше, чем быть вам братом. Кроме того, ни один день из всех этих занятий не приблизил его к Богу ни на йоту“».

«Не слишком ли грубо?» — возразил я.

«Но и определенно отрезвляюще, Джейк. Однако если бы он так сказал, возможно, ты бы больше не стремился завоевать общественное мнение, которое скорее уведит тебя от Бога, чем открывает тебя Ему».

«То есть, вы пытаетесь сказать, что использование поощрения для похвалы Шерри не только пагубно для Бенджи, но и губительно для самой Шерри?»

Указательным пальцем он как бы нажал на воображаемую кнопку между нами. «Бинго! Тебе известно, что более чем 90% детей, возвращенных в воскресных школах, покидают церковь одновременно с родительским домом?»

«Ну, я слышал... Мы считаем, что это государственная система образования настраивает детей против их веры в Бога».

Джон скептически поднял брови. «Да ну? Очень удобная версия». «Ну, мы же со своей стороны делаем все», — оборонялся я. «Гораздо больше, чем тебе известно, как я думаю».

«Хорошо, значит, по-вашему, все плохое, что я мог узнать о Боге, я вынес из воскресной школы?» — некоторая издевка и недоумение были нескрываемы в моем голосе.

«Не совсем. Я же не сказал, что там все было плохо».

«Как же так? Мы учим детей познаниям о Боге, о Его Слове и о том, как быть хорошими христианами...» — моя пламенная речь стухла, когда меня вдруг осенило, что знания о Боге и о том, что значит быть хорошими христианами совсем не то же самое, что умение жить с Ним.

«Я хочу, чтобы ты понял: то замечательное, что у вас тут есть, пронизано системой религиозных обязательств, которые искажают все. И пока ты это не поймешь, ты никогда не узнаешь, что значит держать Отца за руку».

«Как это?»

«Он заплатил слишком высокую цену за наше освобождение от этой системы, чтобы решить снова повесить ее нам на шею. В других твоих отношениях по жизни — возможно, но только не в общении с Ним. Эти отношения основаны не на том, что мы для них делаем, а на том, что сделал Он».

«Значит, я слишком перетруждался, — вы это говорите? Поэтому, значит, мои усилия не принесли результатов?» Что-то неловко выпирало. «Мои усилия» — это что ли? Ну, а разве мы не должны исполнять свою часть? Я глянул на Джона.

«Не совсем правильно», — сказал Джон, слегка усмехнувшись в бороду. «Но уже теплее. Лучше сказать, что ты пытаешься заслужить отношения, которые никогда не сможешь заслужить. Люди могут воздавать тебе аплодисменты за количество выученных стихов из Библии, за непрерывное посещение богослужений, но этого не достаточно, чтобы заслужить того непостижимого благорасположения. К тому же, ты стремишься ко всему этому не для того, чтобы познать Бога, а чтобы все вокруг тебя думали, какой ты духовный. И знаешь, что? — именно это ты и получаешь!»

«Значит, об этом Христос и говорил, когда указывал на то, что фарисеи показывались в своей праведности прилюдно и уже получали свою награду. Они получали то, к чему стремились. Я тоже. Но это не то, чего я хочу».

«И замечательно. Разве ты не видишь: путь, по которому ты идешь, не ведет туда, куда тебе сказали? Этот путь научит тебя быть хорошим христианином в глазах других, но не даст тебе познания Бога». Джон, казалось, уже никуда не направлялся. Он просто прослеживал глазами остававшиеся за нашей спиной классные комнаты, да и некоторых прихожан, стремительно, проходивших мимо нас. Я так был увлечен нашим обсуждением, что не замечал недоуменные взгляды, которыми нас одаривали. Расплата за это будет, но позже.

«То есть, я могу стать выдающимся христианином на фоне других, и упустить суть?»

«А разве нынче это не так? Взгляни на полноценные программы вашей церкви. А этот церковный комплекс, нужды детского служения, оборудование... Это же все не на голом месте?»

«Однозначно! Требуются люди и деньги и духовное присутствие — я так полагаю».

«Ну да, именно это и поощряется, в основном. Скажи, что значит быть на хорошем счету в вашей церкви?»

«Постоянно посещать службы, жертвовать на нужды и не жить в очевидном грехе».

«Имеются в виду все грехи?» «Не понял вопроса...»

«Я не знаю, как у вас, но в большинстве церквей обозначены некоторые грехи, которые вообще не допускаются,— это обычно аморальность и исповедание того, что руководство церкви не приветствует. Остальное даже не принимается во внимание — такие мелочи, как сплетни, высокомерие или чувство вины. Иногда последние даже поощряются, потому что их всегда можно развернуть в свою пользу, когда нужно, и заставить человека поступить так, как ты хочешь».

Даже наше понятие о грехе было избирательным. Теперь я это понимал. Я хорошо знал тех, кто умели использовать эту систему в своих интересах, не беспокоясь о том, как это отразится на других. Я и сам был одним из них. Мы играли в религию для удовлетворения чувства собственного достоинства.

«Разве это не поразительно, что группа людей, регулярно собирающихся вместе, может превратиться в этакое „духовное братство“, диктующее даже то, как в нем одеваться, что говорить, какие реакции себе позволять и какие песни любить петь. Разве не становится при этом четко ясно, в чем заключается образ хорошего христианина, и разве не приподнимается при этом основное правило — не мутить воду, задавая вопросы, которые ставят остальных в тупик?»

Точно подмечено.

«Одним из основных уроков, которые преподнес Господь своим ученикам, было прекратить рассматривать жизнь Бога в контексте ритуалов и обязанностей. Он пришел не для того, чтобы подмазать их религию в тех местах, где она поизносилась. Но пришел, чтобы предложить им отношения. Все исцеления в Шаббат и все записи о них — разве являются указанием на то, что по стечению обстоятельств, именно тогда Он нашел более больных людей? Конечно, нет! Он хотел, чтобы его ученики знали, что человеческие ритуалы и традиции всегда встают на пути силы и любви Отца Его Небесного. Кроме того, система захватывает,— потому что все, что мы делаем, мы делаем, думая, что это угодно Богу. Нет ни одной тюрьмы, крепче, чем религиозные обязательства. Мы попадаем в нее даже тогда, когда поощрительно похлопываем друг друга по спине. Вчера я проходил мимо синагоги. Вышел раввин и попросил меня зайти и включить ему свет. Ушедшие вчера забыли, а сам он не мог — иначе нарушил бы Шаббат».

«Ну, уж это просто глупо...?»

«Для тебя — возможно. Но, впрочем, некоторые твои условности, не покажутся ли глупыми ему?»

«Некоторые мои? Я в субботу таких условностей не соблюдаю».

«Конечно, нет. Но что если ты вдруг не появишься на воскресной службе в течение месяца — просто будешь дома; или отдашь свою десятину нищим вместо того, чтобы положить ее на церковное блюдо?» «Разве это одно и то же?» Джон кивнул.

«Да, но я так поступаю, не потому, что принимаю это как закон, а потому что я свободен поступать так».

«Раввин ответил бы также. Но если ты будешь до конца откровенен с собой, ты поймешь, что делаешь это именно в силу своего убеждения в том, что все это приближает тебя к Богу и содействует Его благорасположению к тебе. И если ты отстранишься от всего этого, тебя загрызет чувство вины».

В тот момент я не понимал, что подразумевается под сказанным, но осознавал, что он был прав. Когда несколько лет назад наша церковь отказалась от проведения вечерних воскресных богослужений, я еще долго не находил себе места каждый воскресный вечер. Душой я все еще был там. Потребовалось два года, чтобы я смог спокойно оставаться дома в выходной, не чувствовать за собой вины и не планировать всякие группы в церкви на вечер, чтобы победить ощущение того, что я зря теряю время.

«Вот почему ты никогда не можешь расслабиться, Джейк. Готов поспорить, что даже в выходной тебе тяжело просто ничего не делать. Тебе стыдно, что ты прожигаешь время, которое мог бы как-нибудь использовать для Бога».

Пока я усваивал сказанное, до нас донеслось новое песнопение одного из детских классов.

Осторожно, мои глазки, не на все будем смотреть. Осторожно, мои глазки, не на все будем смотреть. Зная то, что лишь с любовью смотрит Иисус на нас, Будем очень осторожны, будем знать, на что смотреть.

«Хуже не придумать»,— сказал Джон, с очевидной болью покачивая головой. «Не могу слышать, когда детвора распевает эту песню».

Я сначала не понял, о чем это он говорил. Песня была знакомой. Я сам ее распевал, когда был ребенком, и своих детей научил, потому что она сопровождалась движениями, а детям это нравилось. Кроме того, я надеялся, что осознание того, что Бог видит все, поможет им принимать правильные решения. «Вы утверждаете, что в этой песне что-то не то?»— наконец спросил я.

«Порассуждай сам».

«Не знаю. В ней говорится о Господней любви к нам, о его желании уберечь нас от неугодных ему дел». «И кем он представляется в этой песенке?» «Не пойму, к чему вы клоните...»

«В песне используются прекрасные слова, такие как: „любовь“ и „Иисус“», но смысл ее превращает Бога в некоего небесного полицейского, который засел за рекламным щитом с радаром. Кому захочется приблизиться к такому Отцу? Любить того, кто внушает страх невозможно. Как невозможно и наслаждаться взаимоотношениями с тем, кто постоянно оценивает твою жизнь, с тем, чтобы определить, в полной ли мере она достойна его расположения. Чем больше ты сосредотачиваешься на своих собственных нуждах и недостатках, тем более удаленным будет казаться тебе Отец.

Чувство вины. Оно отбрасывает нас от Бога в периоды, когда Он нам более всего нужен, вместо того, чтобы позволить нам броситься к Нему с нашими низкими падениями и большими вопросами, чтобы получить милость и благодать.

А теперь еще мы подключили Бога и его наказание к тому, чтобы укрепиться в понимании, что значит быть хорошим христианином.

Явен ли в этой песенке Отец, который знает нашу предрасположенность ко греху, который знает, насколько мы слабы, любовь которого готова уловить нас во всей полноте нашей греховности, преобразить нас в Его детей, и не на основе наших усилий, но на основе Его».

«Не думаю, что это когда-нибудь приходило мне в голову».

«Однако приходило... Каждый раз, когда ты ее пел, ты думал о том, что видели твои „глазки“ и слышали твои „ушки“ из того, что Отец не одобряет. И от этого ты чувствовал себя плохо, но это чувство не подвигало тебя на то, чтобы быть лучше. Таким образом, умом ты осознавал любовь Отца, но душой стремился быть подальше от Него. И это худшее из всего, к чему может привести религия. Кто захочет приблизиться к такому Богу, который только и ждет, чтобы подловить человека в самый из худших его моментов, да и еще наказать покрепче за проступок? Мы слишком слабы перед таким Богом. Мы никогда не сможем достаточно преуспеть, чтобы заслужить Его любовь. Один единственный промах — и вот Он, Бог, уже тут — смотрит сверху и готов обрушить на нас бедствие за нарушение установленных стандартов.

А мы манипулируем чувством вины человека, чтобы подтянуть его поведение до принятых норм, никогда не осознавая, что это же чувство вины держит их на расстоянии с Богом».

К тому времени мы вернулись в вестибюль. Джон остановился и прислонился к стене. Он взглянул на меня, я заговорил: «Не удивительно, что мы всегда перепроверяем людей, побуждаем их к тому, чтобы поступать „правильно“, и редко оставляем время на то, чтобы помочь им понять, что именно означает — иметь отношения с Отцом, который знает о них все и любит их безгранично».

«Да. Христова смерть это и означала. Вот почему, она была не только мощью, но и устрашением для культуры, возвращенной на религиозных обязательствах. И если вы больше не могли ее сносить и понимали, что одни обряды не могут открыть вам двери к небесным отношениям, ваше сердце ликовало, потому что это была самая знаменательная новость из всех. Но если, однако, ваше благосостояние или заслуженный статус зиждились на системе — Крест был крушением всего. Сегодня мы можем жить в любви, не делая ничего для того, чтобы заслужить ее».

«Но разве нельзя использовать такое утверждение в целях прикрытия своих грехов?»

«Конечно можно. Но то, что люди могут спекулировать на этом, не лишает истину ее истинности. Если кто-то желает жить ради себя, он и будет провозглашать подложную благодать, что с того? Но тем, кто действительно желает знать Бога, Он сам откроет эту дверь. наших усилий тут будет явно недостаточно».

«Не потому ли мои последние месяцы оказались совершенно бесплодными, что я просто пытался заслужить?»

«Точно. Отношения с Ним — Его дар, безвозмездно данный. Смысл креста заключается в том, что Он смог сделать для нас то, чего мы для себя никогда не смогли бы. Ключик к ларцу — не то, как мы его любим, но то, как Он любит нас. Начало в Нем. Осознай это и твои отношения с Ним начнут расти».

«При таком положении дел, большая часть из того, что мы делаем, совершенно неправильна. Что произойдет, если мы просто это прекратим?»

На этой ноте мы подходили назад к залу собрания, из которого звучало завершающее песнопение, наполнявшее вестибюль, поскольку наши швейцары уже открывали двери, готовя путь для выхода нашей паствы. Неужели я отсутствовал так долго?

«Не в этом же суть вопроса, Джейк! Я говорю о твоих отношениях с Живым Богом, а не о том, как исправить дела в данной религиозной организации. Конечно, это повлечет за собой радикальные перемены. Вместо того чтобы организовывать концерты, мы будем собираться для того, чтобы праздновать Его дела в жизни Его народа. Вместо того чтобы искать приемы, как бы заставить людей поступать „по-христиански“, мы будем помогать им познавать Христа лучше и предоставлять Ему возможность изменять их изнутри. Это перевернет жизнь церкви и жизнь ее паствы. Но все это не начинается отсюда», — он повел рукой в сторону зала собрания. — «Все начинается тут», — он постучал кулаком в грудь.

Один из служителей оглянулся и увидел меня. «Джейк, вот ты где! Пастор не мог отыскать тебя во время богослужения. Система барахлила всю службу, а он так и не дождался твоей помощи».

«Вот дрянь!» — простонал я. «Мне надо идти», — сказал я Джону и рванул к дверям, выигрывая шаг у надвигавшегося на меня потока людей. Даже не знаю, что произошло с Джоном после того, но я точно знал, что мою собственную жизнь ждали перемены, как, впрочем, и ту информационную доску в воскресной школе.

ГЛАВА 4. Почему трудно сдерживать обязательства перед теми, кому обязан

Терпеть не могу вставать в 6:00 утра, тащиться на молитвенные завтраки и обнаруживать, что кроме меня никто не появился.

Это же группа взаимной ответственности и подотчетности, в конце концов!

Пятеро из нас сформировали ее после мужской конференции полгода назад с целью нести взаимную ответственность друг за друга в том, чтобы быть хорошими мужьями, достойными отцами и преданными верующими. После первых нескольких недель

посещаемость стала спонтанной, а сегодня вообще пришел только один человек, кроме меня, да и то — который отсутствовал на группе как минимум два месяца. Мы уже его и не ждали!

Боб Миллер, один из членов церковного совета, пришел лишь затем, чтобы оповестить меня, что он и Джойс разводятся. Я сильно надеялся, что Джил Родригес появится, он был единственный, с кем я мог обсудить свои нарастающие проблемы в церкви, — в которых я больше всего винил Джона.

Но вместо того, чтобы снять бремя со своих плеч, я провел все это время, обсуждая вопросы, касающиеся развода Боба. Они с Джойс были женаты уже больше тридцати лет, вырастили троих детей, и до сегодняшнего дня я думал, что они — одна из наших идеальных семейных пар. И поскольку Боб был одним из членов Совета, я знал, что их разрыв плохо отразится на нашей пастве.

Джойс случайно натолкнулась на скачанные из Интернета порно картинки в его компьютере и была настолько этим убита, что потребовала, чтобы он ушел. Я даже на миг не мог усомниться в том, что это какая-то нелепая ошибка, но Боб уверил меня, — это правда. Для него это была постоянная борьба с юности, в которой время от времени он выигрывал. «Через Интернет просто все стало намного доступнее», — признался Боб. Не было необходимости подвергать себя никакому риску, будь то в салонах — отбирая видео на прокат, или киосках, покупая журнал на виду у всех.

Пока мы беседовали, — тут же, в другой кабинке ресторана за перегородкой, кто-то неумно смеялся. Помню, что еще подумал тогда: как ни к месту был этот смех в противовес тому горю, которое раскрывалось прямо здесь, передо мной. Как может этот некто так веселиться, в такое время дня, да еще, когда тут люди страдают от душевной боли!

Я попробовал предложить Бобу разные возможные варианты решения его вопроса, но он сказал, что все бессмысленно. Последний инцидент был только частью серьезной проблемы — их брак неумолимо умирал с тех пор, как дети оставили родительский дом, — и стал последним звеном в длинной цепи мучительно болезненных казусов. В конце концов, наше время истекло, и Бобу нужно было спешить на работу.

Мы поднялись и прошли к кассе, чтобы оплатить счета. Внутри я кипел от злости на тех, кто сегодня так и не показался, на Боба, за то, что он такой идиот... Получив сдачу от девушки на кассе, я поднял глаза и увидел знакомое мне лицо. Он направлялся в зал со стороны мужской комнаты. Прошло почти два месяца со дня нашей экскурсии по крылу воскресной школы церкви. Наши взгляды встретились, и он был также искренне удивлен, как и я.

«Джон, а вы тут что делаете?»

Его лицо расплылось в широкой улыбке, и он ответил с веселой нотой в голосе: «Джейк, как поживаешь?» — подошел и пожал мне руку.

Я попытался представить его Бобу, но вспомнил, что не знаю его фамилии. «Боб, это Джон — друг, которого я обрел несколько месяцев назад». Повернувшись к Джону, я добавил: «Извините, не припомню, называли ли вы себя по фамилии».

«Можно просто — Джон», — сказал он, пожимая руку Бобу.

Боб улыбнулся ему в ответ, но его улыбка быстро перекосилась недоумением. «Вы — тот...?» Уже обратившись ко мне: «Это тот...?» Он замялся, не зная, как продолжить.

Я уже понял, как он хотел завершить свой вопрос и как мог, сигнализировал ему, пожалуйста, мол, не надо. «Это тот... самый человек, из-за которого ты попал в такие неприятности?»

Я смотрел на Джона, как провинившийся пес, когда он повернулся ко мне. «Ну, я бы так не сказал...»

«Ну, может, это был кто-то другой», — Боб посмотрел на часы, объявил, что ему пора на работу, а то он опаздывает и, махнув нам на прощание, быстро двинулся к дверям.

«Не могу выразить словами, как я удивлен нашей встречей!» Вернулся я к разговору с Джоном.

«Я проездом через город. Подумал, что могу воспользоваться такой возможностью и встретиться за завтраком со старым другом. Он уже ушел, а у меня еще час до отправления автобуса». Он кивнул в сторону автовокзала, ниже по улице.

«А куда направляетесь?»

«У меня встреча в северной части штата».

«Меня планировали навестить?»

«Не думаю, что в этом была необходимость, Джейк. Да и времени на планирование чего-либо у меня вправду нет. Но если ты находишь для себя возможным присесть и поговорить, мы можем пройти ко мне за столик. Часок для этого у нас имеется».

Я прошел за ним через зал и сел за столик в том самом углу, откуда ранее, все утро доносился смех. «Это вы тут веселились так от души, или это происходило за другим столиком?» Спросил я, оценивая зал.

«А, это Филипп! Жаль, я не знал, что ты тут. Мне бы хотелось, чтобы вы познакомились — может быть в другой раз. Он проходит через то же, что и ты, и только что вынырнул с глубокого дна. Так что теперь ведет себя как дитя, плескающееся в летнем бассейне. Радость его еще более заразительна, чем его смех».

«Я рад, что хоть кто-то испытывает радость»,— слова оттенились сарказмом. «Как-то это не весело звучит».

«С нашей последней встречи все идет из рук вон плохо, а сегодняшнее утро — просто розочка на торт. Никто не пришел на утреннюю группу, кроме Боба, который уже давно на ней не появлялся. И тот пришел только за тем, чтобы объявить мне, что они с женой расстаются, потому что она обнаружила порно в его компьютере. А он — не просто так кто-то, а лидер в церкви! Кошмар!»

«Да ты ведь и вправду зол! Ну и как это отразится на тебе?» «На мне никак это не отразится, а вот церкви, я думаю, вред нанесет». «Ты именно поэтому на него зол?»

Тут я впервые за все утро воспользовался возможностью проанализировать то, что я чувствовал в отношении Боба. Я настолько был расстроен его разводом и тем, какой отрицательный эффект это произведет на церковь, что даже не думал о нем самом. «Не то чтобы я злюсь на Боба. Я зол на его грехопадение и...»

«И на то, чего это тебе будет стоить».

«Не считаю, что я думал об этом именно так, но теперь, когда вы так говорите, я понимаю, что был слишком суров с ним. Я, как мне показалось, обвинил его в нерегулярном посещении группы и в том, что он бы мог и поделиться своим преткновением с нами».

«Группы подотчетности не лучшее место для тех, кто слаб перед грехом, Джейк. Они для сильных и преуспевающих».

«Ну, а разве мы не подотчетны друг перед другом?» «Откуда у тебя это убеждение?» «Из Библии, откуда же еще!»

«Можешь показать, в каком месте это написано?»— Джон потянулся, выудил Библию откуда-то из своих вещей, лежавших на соседнем кресле, и положил на стол прямо передо мной.

Я взял ее и стал пролистывать, одновременно лихорадочно пытаюсь вспомнить, что это мог быть за отрывок. Отрывка я вспомнить не смог ни одного. Я даже в «симфонии» искал, но все предлагавшиеся там отрывки относились к тому, что мы должны быть подотчетны Богу, но не друг другу. «Разве в Послании Евреям не сказано как-то так, что мы должны быть подотчетны руководству?» «Нет»,— со смешком ответил Джон,— «там сказано, что наставникам обязательно придется дать отчет о душах, к которым они прикасаются. Все стихи в Библии относительно подотчетности, так или иначе, связаны с именем Бога, а не с церковными братьями и сестрами. И когда мы ждем, что кто-то будет нам подотчетен, мы тем самым пытаемся узурпировать место Бога. Именно поэтому и раним друг друга так сильно!»

«Как же нам в этом случае изменять себя? Мы все время учим людей тому, что они растут во Христе, когда дают обеты поступать праведно, и следуют своим обещаниям. Мы необходимы друг другу, чтобы помочь устоять в этом!»

«Как это практически происходит в твоей жизни, Джейк? Или в жизни других участников этой группы?»

«Не очень успешно, должен отметить. Но это все из-за того, что люди не вполне осознают своей ответственности».

«Ты действительно так думаешь?»

Этот тон вопроса я уже слыхивал и раньше, и успел усвоить — это намёк на то, что Джон так не думал. Я колебался с ответом. «Знаешь, какой плод производят обеты, данные в подобных подотчетных группах?»— спросил Джон.

«Они помогают людям в их попытках исправить свою жизнь, разве нет?»

«С первого взгляда — да», — Джон покачал головой и глубоко вздохнул. «Но это не так. Перемены в нас происходят не от тех обещаний, которые мы даем Богу, а, напротив — от тех обещаний, которые Он дает нам. Провозглашая свои обеты, которые можем сдержать лишь недолгое время, мы удваиваем свое чувство вины, когда вдруг обнаруживаем, что снова впали в искушения. Раздосадованные на Бога за то, что он не помогает нам настолько, насколько мы надеялись, обычно заканчиваем мы тем, что лечим свое чувство вины примочками в виде наркотиков, алкоголя, еды, ненужных, но приятных покупок — ну и других средств, которые могли бы заглушить боль. Бывает, что она прорывается как гнойник и в виде порывов ярости или похоти».

«Вы намекаете, на то, что это и произошло с Бобом?»

«Я не знаю ничего про Боба, но и это не исключено. Достаточно ли он вам доверял, чтобы прийти и выложить перед вами свои самые непреодолимые искушения?»

«Очевидно, нет!» — теперь я качал головой в недоумении. «Наши жены, в большинстве своем, заявили, что нам необходимы мужские конференции каждый месяц, для того, чтобы подогреть в нас пыл. Я иногда думаю: может они в этом и правы».

«Конечно легко появляться в семье на пике движения духа, соответствовать всем своим обетам пару недель, но что делать потом, когда слава от всего этого испаряется и уже совсем не в радость обращаться со своей женой, как с царицей и возиться с детьми, когда на работе ситуация требует куда большего внимания. Какой мужчина не сдастся перед всем этим — внутри то ничего не изменилось! Это внешний подход, основанный на человеческих усилиях, и он никогда не даст результатов».

«То есть, вы говорите, что наш подход к этому вопросу производит только умножение греха?»

«У большинства людей — да, — именно это я и имею в виду. Вот почему Боб не желает приходить, да и другие тоже. Даже пред лицом своего отчетного собрания они, скорее всего, не раскрывают истинного положения дел в их противостоянии. Им слишком стыдно за себя. Вместо больших вопросов они выносят на обсуждение приемлемые грехи, как-то: сверхмерная деятельность, гнев, осуждение...

В том-то и сила религиозного мировоззрения. Оно принимает наши самые наилучшие побуждения и обращает их против нас. Люди, желающие быть более религиозными, на самом деле все больше и больше погрязают в своих аппетитах и страстях. Именно это и произошло с Евой. Ее единственным желанием было стать богоподобной, обрати внимание, что именно этого для нас хочет и Бог. Не само по себе желание ввергло ее в грех, а то, что она решила достичь этого своими силами.

Павел понимал, что в жизни есть три пути, в то время как большинство людей видит только два. И это большинство считает, что наша жизнь — выбор между добрыми и злыми деяниями. Павел, однако, различал еще два пути в том, как достигать добродетели: один — усердно стараться подчинять себя правилам Бога. Он говорил, что этот путь никогда никого не приводил к цели. Даже тогда, когда Павел описывал себя полным внешним последователем Божьего устава, он также называл себя худшим из всех грешников, по причине ненависти и гнева, живших в его душе. Конечно же, он мог представить все свои регалии внешнего соответствия Закону, но это бы только сильнее усугубило его проблемы. Он, то, если ты помнишь, вообще истреблял ранних христиан во имя Бога».

«Да, но Павел в том писании говорит о ветхозаветном Законе. Мы не пытаемся соблюсти Закон. Мы стремимся жить по новозаветным принципам».

«Нет, Джейк, Павел говорит о религии — человеческих усилиях в том, чтобы умиловить Бога своими делами. В добрые времена, этот подход позволяет нам умиляться своей, как бы контрабандно протасченной, праведности, — что, как ты понимаешь капкан еще тот. В худшие времена, он наваливает на нас такой груз вины, который гораздо тяжелее, чем мы можем снести. Ваши „новозаветные принципы“ — еще одна вариация жизни под Законом. Вы все еще увлечены бегом по кругу, в попытке получить Божию награду за благопристойные дела».

«Однако, ...исполнение добрых дел может быть пагубным?» — я не верил тому, что слышали мои уши.

«Если говорить в том аспекте, который обсуждается, то определенно — да. Но Павел видел и второй путь — жизнь в Боге, — который был настолько захватывающим, что изменил

всю его сущность. Он понимал, что все наши грехопадения — результат того, что мы не доверяем Богу заботу о себе. И чем больше Павел возрастал в познании Бога, тем больше он открывал, что может доверяться Божией любви к нему, а чем больше он прорастал в Божией любви, тем свободнее становился от страстей, охватывавших его. Только доверие Христу может позволить ощутить такую свободу, и те, кто Ему доверяют в этом и живут. Это настоящая свобода».

«Разве подобная формулировка не позволит людям использовать ее как оправдание к тому, чтобы делать всё, что они хотят, не обращая внимания на то, что говорит Бог?»

«Конечно, будет и такое. Многие уже так и делают. Но ты не можешь игнорировать истину просто из-за того, что те, кто думают, что их пронесло, злоупотребляют ею. Те, кто действительно знают, кто есть Бог, будут желать быть ему подобными».

«Ну, должен же быть хотя бы какой-то стандарт, чтобы люди знали, с чем сверяться».

Вот тут то он и бросил тот снаряд, который разорвал в клочья всю мою издавна выстроенную концепцию о Христианстве.

«Джейк, когда ты уже прекратишь возвращаться к этой ошибочной идее, о том, что христианство — это нравственность?»

Что? Я посмотрел на него и не мог собрать в кучу ни единой вразумительной мысли, достойной высказывания. Если это все не про нравственность, то про что же? Я вырос с убеждением в том, что христианство — это правила нравственности, исполнение которых полагает для меня место в Его сердце. Я даже не знал, в какой ряд поместить это последнее сказанное предложение, но он был последователен в том, чтобы эта мысль устоялась в моей голове.

В конце концов, я нашелся: «Даже не знаю, как на это реагировать. Всю свою жизнь я полагал, что христианство — это вопрос нравственности».

«Именно поэтому ты и не можешь схватить главного. Ты настолько поглощен системой кнута и пряника, что просто теряешь те простые отношения, которые Он тебе предлагает».

«Как же тогда распознавать чувства Бога к нам в том или ином случае, если не стремиться прийти в соответствие с Его стандартами?»

«Вот тут ты Джейк все понимаешь наоборот. Мы не получаем Его любовь, живя по Его стандартам. Мы обнаруживаем Его любовь в самые тяжелые периоды своей жизни. И если мы раскрываемся Ему тогда, и понимаем, насколько любим Его в ответ, наша жизнь начинает меняться через эти отношения».

«Как так может быть? Разве мы не должны уходить от греха, чтобы познать Его?»

«Движение к Нему — вот движение от греха. Чем лучше ты знаешь Его, тем свободнее от греха ты будешь. А уйти от греха ты не сможешь, Джейк — только не своими силами, — даже в самый твой светлый день! Бог хочет иметь с тобою тесные отношения. Все, что Он желает произвести в твоей жизни, случится тогда, когда ты научишься жить Его любовью. Истина, Джейк, заключается в том, что каждый акт твоего грехопадения происходит в результате того, что ты не доверяешь Его любви и Его намерениям в твоей жизни. Мы грешим, в попытке заполнить брешу: либо боремся за то, что считаем необходимым в собственной жизни, либо реагируем на чувство вины или позора. Как только ты осознаешь, насколько Он тебя любит, все это меняется. А когда твое доверие к Нему возрастает, ты чувствуешь, насколько свободнее становишься от греха».

«Вы так легко об этом рассуждаете, Джон. Вы понимаете, что научиться жить так, как вы говорите, значит — жить противоположно всему тому, чему я был научен?»

«Именно поэтому ее и называют Благой Вестью, Джейк. Она самая невероятная из всех внезапностей твоей жизни...она лучше, чем выигрыш в лотерею или получение наследства от давно всеми забытого заморского дяди».

Я знал, усвоение этого разговора потребует времени, а я еще не успел разобраться с предыдущим. Что вдруг напомнило мне: я то на него зол! Я не был уверен, как правильно вставить это в нашу беседу, но поскольку Джон начал собирать вещи, я решил выдать побыстрому.

«Я надеюсь, это не повлечет за собой таких же последствий, как в прошлый раз!» в тоне моего голоса появились угрожающие нотки.

«Это то, о чем говорил Боб сегодня? Что там произошло, Джейк?»

«Ваш недолгий визит произвел фурор. Пастор Джим был зол, потому что звуковая система издавала неприятные шумы всю службу — это его отвлекало, и он уверен: вся сила проповеди была сломлена. Я должен был быть там, чтобы помогать устранять шероховатости, а я в это время проводил экскурсию по нашему образовательному крылу какому-то гостю, которого я даже фамилии не знал. Объяснения не очень убедительные, учитывая, что я даже не мог сказать, откуда вы. Он был вне себя от ярости, ужасаясь мыслью, что я мог быть обманчивым образом втянут в беспечность, открывая наше детское крыло какому-нибудь педофилу.

«Ай, да размах мысли», — спокойно ответил Джон. Я думал, что такие обвинения повергнут его в гнев, но его это даже не потревожило.

«Я уверил пастора, что это было не так, но он, в свою очередь, спросил меня, как он может доверять тому, кто не достаточно ответственен, чтобы быть, где ему было положено в то утро. Он накинулся на меня, Джон. Таким я его еще никогда не видел. Мы с ним друзья уже больше двадцати лет, и остались ими даже после того, как я пришел работать в церковь. Он был рядом со мной в самые тяжелые времена моей жизни и оказывал поддержку даже тогда, когда другие готовы были меня разорвать в клочья. Теперь он нападает на меня по всякой мелочи, и я уже забыл, когда мы проводили время вместе».

«Разве все это началось после моего визита? Мне показалось, что тогда, в парке, несколько месяцев назад, ты уже жаловался на появившийся между вами холодок».

Я поразмыслил над сказанным. «М-да, вы правы, это началось гораздо раньше. С ним трудно работать уже с полгода или больше. Он как-то удалился, и уже почти не реагирует ни на какие мои предложения».

«Это указывает на то, что с ним что-то происходит».

«Что бы это ни было, от этого все только хуже. Ему не понравилось ни одно из моих нововведений».

«Нововведения? Какие это нововведения?»

«Те, которые вы мне советовали».

«Я тебе не советовал проводить никаких нововведений, о чем ты Джейк?»

«Ну, как же! Я убрал тот слоган, который вам не понравился, о том, что церковь — это дом Божий и тот плакат, который наводил чувство вины».

Джон игриво гоготнул и помотал головой, как будто бы я только что сморозил глупость. «Я даже не сомневаюсь в том, как замечательно все прошло!»

«Это совсем не смешно, Джон. По прошествии нескольких дней, после того, как я произвел эти перемены с информационной доской, Джил Харпер — та самая леди, которая вырезала все эти буквы и делала плакат по моему заказу, — явилась в мой офис. Она задала вопрос о том, что такое происходит с нашей информационной доской. Я сказал, — некоторые вещи на ней были наполнены не совсем однозначным смыслом, и я кое с чем не согласен и, добавил, что нам придется потрудиться над ней еще немного. Она была в ярости из-за того, что я начал менять все, не посоветовавшись. Я извинился, но это ничего не изменило. Говорить об этом она категорически отказывается и, как мне кажется, срывает зло на всех, кто работает в детском служении. Они тоже на меня в обиде».

«За что?»

«Несколько недель назад я представил новое предложение о том, чтобы сдвинуть приоритеты нашего детского служения в ту сторону, о которой мы говорили, тогда в церкви».

«Ого!»

«Ого? Я был в восторге. Я ночами не спал и, в конце концов, выдал трактат о десяти страницах на тему, как нам репрофилировать наши занятия и переучить учителей. Я даже не подвергал сомнениям то, что они увлекутся так же, как и я, движением нашего служения вперед, в лучшем направлении. Я перечислил все конкретные рекомендации о прекращении использования звездочек и оценочных досок, о том, чтобы поменять наши песенки на те, которые больше концентрируются на Божией милости...»

«И...»

«Они заподозрили меня в том, что я обвиняю их в фарисействе. Они сказали мне, что верят в благодать не меньше, чем кто-либо другой, ответили, что выросли на системе оценочных досок, и, что распределение на них звездочек дает детям чувство завершенности задания. Я не знал, что сказать, я был ошеломлен. В ходе того жаркого спора, я даже не мог вспомнить, что вы мне говорили. Тот вечер был просто кошмаром».

«Могу себе это представить, Джейк. Мне жаль, что все так обернулось».

«Я, Джон, не понимаю, чего такого я сделал неправильно. Жизнь в церкви и до того была тяжелой. Теперь — вообще ужас, не думаю, что у пастора после всего этого осталась хоть капля уважения ко мне. Я постоянно в ожидании неприятностей».

«Джейк, усвой одно — если ты намерен и дальше слушать то, что я тебе говорю — никогда не используй наши с тобой беседы для того, чтобы менять других людей. Я всего лишь помогаю тебе учиться тому, как жить в Божией свободе. Если окружающие тебя люди не ищут того же, чего и ты, тебя не поймут..., тебя будут обвинять еще в больших грехах. Ты пытаешься воплотить в жизнь то, что я тебе говорю, не позволяя Богу произрастить это в тебе. Так не пойдет. Ты просто изранишь многих вокруг, да и себя в процессе». Джон поднялся со стула и порылся в кармане в поисках мелких купюр для чаевых.

«Это уж точно», — сказал я, вставая вслед за ним.

Джон заметил, что ему уже пора на автовокзал, если он хочет успеть на автобус. Я предложил подбросить его, чтобы сэкономить немного времени — для него, да и заодно завершить нашу беседу — уже для меня. Не прекращая разговора, мы прошли к кассе, оплатили его чек и вышли к моей машине.

«Я смотрю, что Его присутствие в твоей жизни не стало более реальным с тех пор, как мы впервые с тобой поговорили, я прав?»

«Почему это вы так говорите?»

«Потому что ты еще пока пытаешься приобщить других к тому, чтобы они исполняли все, а сам не живешь этим. Как это естественно для нас — исправить собственную опустошенность путем принуждения всех окружающих изменить себя. Вот почему жизнь большей части Тела Христова выстроена вокруг взаимной отчетности и общественных усилий. Если бы вот только мы могли заставить всех делать все правильно, жизнь бы изменилась».

«А разве нет?»

«Нет, Джейк! Мы ее никогда не изменим. Люди все равно все испортят. Налаживание отношений с Христом — это приключение всей жизни. Жизнь в вере уже сама по себе — непомерная битва в этом греховном мире, и мы не должны усложнять ее для других верующих. Почему, как ты думаешь, тебя не оказалось рядом с Бобом, точно так же, как твоего пастора нет теперь рядом с тобой? Это же не из-за желания или нежелания».

«А из-за чего?»

«Все потому, что настоящая жизнь Его Тела не основана на подотчетности. Она основана на любви. Мы даны друг другу, чтобы подкреплять уставших в пути, а не для того, чтобы подгонять людей под стандарты, которых, на наш взгляд, они еще не достигли».

«Это уже пахнет релятивизмом, Джон!»

«Вовсе нет, это просто значит — не вмешиваться в тот процесс, который Бог использует, чтобы вывести людей к истине. И я сейчас говорю не об общем понимании фактов, которые являются истиной, а о том, что каждый из нас познает одну и ту же истину не в одно и то же время. Если мы будем держать людей в ежовых рукавицах, они никогда не научатся жить в любви. Мы будем выставлять напоказ тех, кто получше, воздавая им почести, и забывать тех, кто находится в реальной битве за познание того, что же это такое — жить во Христе».

«Я даже и представить себе не могу, как разделить такой путь с другими».

«И это — лучше всего! Потому что, таким образом открывается дверь в истину о самом себе, и ты понимаешь, что у тебя внутри. Именно это подвигает людей на то, чтобы стать поближе к Иисусу Христу, а не пытаться исправить всех и каждого своими на все готовые ответы».

«Где бы найти такое общение? Вы не знаете, в Кингстоне нет таких собраний?»

«Джейк, ты не понял. Я не о собраниях. Я о том, как жить рядом с другими верующими. Есть другие, которые готовы жить также? Конечно! И вы друг друга найдете в свое время. Но вначале дождись изменений в себе».

Я подъехал к автовокзалу и остановился, Джон щелкнул ручкой двери. «Я побежал, Джейк, а то опоздаю...»

«Номер телефона хоть дадите, чтобы я мог связаться в случае, если нужно будет поговорить?»

«Последнее не так легко, как ты думаешь», — сказал Джон, уже выходя из машины и закрывая дверь. — «Я тебя найду снова, в этом у меня нет сомнений», — добавил он, наклонившись к открытому окну.

«У меня есть».

«Пока, Джейк. Ты на правильном пути. Может стать хуже, прежде чем выровняется, но это то же самое, как при операции. Однако уж если станет лучше, то так, что ты это отметишь!»

«Что-то пока на это не похоже».

«Я знаю. Добираться до своих потемок не самое лучшее занятие. Но это всего лишь первая стадия. На этом этапе, чем ближе мы будем к собственной сути, тем отдаленнее Он будет нам казаться. Вот почему я хочу предупредить тебя — прилепись к Иисусу. Он выпрямит для тебя все так, что даже если я тебе все это заранее мог бы рассказать, ты все равно не поверил бы».

«Спасибо Джон за поддержку». Когда он повернулся, чтобы идти, я вдруг вспомнил то, что так и не спросил у него. «А фамилию свою вы мне хоть назовете?»

Громкий сигнал такси позади меня должно быть заглушил мою просьбу, потому что Джон вошел в двери автовокзала, так и не обернувшись.

ГЛАВА 5. Любовь на крючке

Получилось так: я думал сбежать от всего, но вместо этого притащил все за собой. С момента, когда я открывал глаза утром, не проходило ни одной минуты, чтобы я не думал о происходящем там, — дома. Душа моя кипела гневом и возмущением, — так что даже девственно чистая окружающая меня природа не могла ее успокоить.

Озеро Нелли одно из самых любимых моих мест на Земле. Оно затеряно высоко в горах. В него упирается лишь одна дикая тропа длиною в пять миль, которая извивается вверх практически вертикально. В Калифорнии говорят, что если отойти подальше от дороги на двадцать минут, уже оставляешь позади 90% конкурентов — рыбаков. А тут — поход на два с половиной часа, так что я редко кого здесь встречаю — даже в середине лета. А поскольку наступал сентябрь, все озеро было моим в этот нежаркий полдень.

Озерцо по размерам небольшое, но я наживал в нем немало радужной форели приличных габаритов.

Больше того, это было единственное место, в котором пойманная мной рыба вела себя именно так, как это изображают на обложках журналов про загородное времяпровождение. Стоило мне ее зацепить, как она выскакивала из воды, в отчаянной попытке освободиться от крючка и ретироваться. Кто будет оспаривать, что мне процесс ловли доставлял больше удовольствия, чем рыбе?

Лори уехала за город, к своим родителям на выходные. В порыве отчаяния, который не прошел без причуды, я решил позволить себе восстановить нервы посредством самоличного выезда на природу, а именно к берегам озера Хантингтон, взяв наш прицеп тур-вагончик в качестве убежища. Я уже отпечатал заявление об уходе с работы, но чтобы не пороть горячку, пока спрятал его в ящике стола.

Я принял близко к сердцу нашу последнюю беседу с Джоном, за прошедшие с того момента полгода мои отношения с Богом действительно начали возрастать. Я чувствовал Его присутствие постоянно. И только я начал научиться доверять больше Богу, чем своим собственным усилиям, как в церкви разразился скандал. Я вдруг перестал видеть перед собой Бога во всем и уже опять блуждал взглядом в поисках знакомого лица Джона в каждой толпе, мимо которой мне случалось проходить. В конце концов, я сдался и решил уехать от всего прочь, хотя бы на несколько дней.

Прошло вот уже два часа, как я, устроившись на своем любимом месте с южной стороны озера Нелли, отыгрывался на рыбе. То, что я выловил десятка два рыбин и всякий раз испытывал радость, подтягивая их к берегу, лишь на мгновение отвлекало меня от той обширной боли, которая жила у меня внутри. Как только я отпускал очередную жертву на свободу и оснащал крючок, я возвращался к этой боли, кипя изнутри. За годы работы в недвижимости, я видал и не такие конфликты, но я никогда еще не сталкивался с людьми, которые усердно трудятся над тем, чтобы внешне выглядеть милым и невинным сообществом, но раздирают его изнутри враждой и обманом.

«Идиоты!»— крикнул я на все озеро, высвобождая часть гнева — раз уж моя удочка пока не подавала признаков успеха.

«Надеюсь, я не из них?»— знакомый голос донесся с высоты прямо за мной. Вздвигнув от неожиданности, я резко вскочил и повернулся. Джон, с рюкзаком за спиной, прокладывал себе путь с верхушки пригорка к берегу озера.

Я чуть было не споткнулся о свою удочку, одним движением пытаюсь положить ее, повернуться и поприветствовать Джона. «Что вы делаете тут?»

«Я, собственно, приезжаю сюда каждый год, примерно в это же время на пару недель — просто, чтобы побродить в горах и насладиться покоем и тишиной. Обычно тут тяжело кого-нибудь встретить, и уж тем более тех, с кем знаком!»

«Это уж точно! За это я и люблю этот уголок».

«Так, может, я тогда пойду?»

«Шутите?!»

Он ослабил нагрудный ремешок и снял рюкзак с плеч, поставив его у старого пня. Потянувшись, он спросил «Частенько ты сюда выбираешься?»

«Не особо, раз в год максимум...» внезапно моя удочка дернулась и свалилась с бревнышка, на котором я ее устроил. Я спохватился и начал подтягивать добычу. То, что было похоже на 45 сантиметровую рыбку, стремительно приближалось ко мне, периодически прорывая водную гладь. Внезапно леска, ослабла, свидетельствуя о том, что рыбка сорвалась с крючка. Джон и я вместе усмехнулись, я подтянул пустые снасти и положил удочку на берег. Рыбалка занимала меня теперь меньше всего.

«Сорвалась»,— сказал Джон. Потом, устроившись на бревнышке, он спросил: «Ну, так кто идиоты, Джейк? Рыбины?»

Мое лицо залилось краской при воспоминании о вспышке гнева несколько секунд назад. «Нет, рыбалка идет как раз, как нельзя лучше. Это я о людях в церкви, там — дома. Не поверите, Джон. Все вылезло на поверхность буквально за последние несколько недель. Кажется, оно произвело на свет все самое худшее в каждом...»

Джон прервал меня на том месте, где я начал заводиться. «Погоди, давай начнем не с последних событий. Расскажи мне, как идут у тебя дела с момента последней нашей беседы».

Мне потребовалось немного поостыть и перевести мысли с того, что я хотел ему сказать на нашу последнюю встречу.

«Все шло очень хорошо. Я, было, начал радоваться возрождающимся отношениям с Богом, как тогда, когда впервые познал Его. Я прекратил свои попытки производить что-либо своими усилиями, и Он стал являть мне Себя все больше и больше. Я начал видеть в себе то, что никогда раньше не замечал: насколько я притязателен, как мало я доверяю Христу в мелочах. Но знаете, что? Его это особо не заботило. Он просто снова и снова показывал мне, насколько явственным Он хотел быть в том, как я живу».

«Это здорово! Я знаю, поверить в это трудно, но удовольствие от таких простых отношений завершит полноту во всем том, что Бог хочет произвести через тебя».

«Возможно, но, наверное, не сейчас. На меня навалилось сейчас столько всего! И я постоянно так зол, что это уже настораживает мою собственную жену».

«Ты и на нее зол?» Джон поднял мою удочку. «Не думаю, но бывает и на нее срываюсь».

«Ты на пастора злишься?»

«Я пытаюсь не злиться, но он делает это невозможным для меня. Я выровнял свои отношения с ним: перестал пытаться изменить его или насильно привлекать к взаимоотношениям, которых он больше не искал. Но тут грянул этот злополучный концерт».

«Ты говорил ему, о том насколько ты зол?»— спросил Джон, закинув пустой крючок в озеро.

«Пока еще не говорил! Он же меня точно уволит — и куда я пойду? Я уже подумываю об увольнении — уже даже заявление написал, но все-таки хочу сначала найти хоть какую-нибудь работу. Я на этого парня столько спину гнул... и вот тебе на: такой разворот событий!»— я глубоко вздохнул и покачал головой. Я чувствовал, как кровь пульсирует в висках. «Он хочет, чтобы я солгал ради него».

«О чем?»

«Наш молодежный пастор спланировал открытый концерт в честь начала учебного года две недели назад, в целях привлечения неверующей молодежи в церковь. Он выбрал

музыкальную группу, песни которой действительно несут глубину евангелия, и которая к тому же за день до того провела акцию против наркотиков для старшекласников в местной школе. Он и наши дети развесили объявления, разнесли их по всем близлежащим кварталам. Народу пришло много, но это только усугубило глубину конфликта. Наше старшее поколение как раз в это время, проводившее что-то свое, услышало музыку и решило, что она слишком похожа на мирскую. Всем обществом они пошли проверить, что происходит, и увидели там девушек, одетых в непристойно открытые майки, и парней, вырядившихся, как бандиты. Я так думаю, что тогда это их просто испугало, но теперь они обвиняют молодежного пастора в осквернении святыни.

Чуть позже мы обнаружили, что кое-какие из наших новых кресел были исполосованы ножами, и чьи-то инициалы красовались там и сям на спинках. Пропало кое-что из звукового оборудования, а в мужском туалете на стене появилась картинка в стиле граффити. Мы насчитали убытков на \$3,500, так что теперь все требуют чью-нибудь голову на плаху. Некоторые родители делились, что по слухам, после концерта на стоянке распивались спиртные напитки, и молодежь курила».

«Акции по привлечению сопряжены с недоразумениями», — предложил свое утешение Джон, все еще наблюдая за недвижимой леской на поверхности воды.

«Я так понял, что последние имеют тенденцию усугубляться по завершении этих акций. Некоторые люди вообще обозлились, когда услышали, что произошло. Надо было только слышать, что выкрикивалось в пылу гнева: „Нам достаточно, что это входит в наши дома с телевидением. Не желаем, чтобы это проникло и в церковь!“ „Что это мы пытаемся спасти чьих-то детей, когда теряем своих!“» «Церковь наполнили бандиты!»

«Что на самом деле — большой плюс, если намеченная цель была действительно привлечь молодежь с улицы».

«Это мне и проясняется теперь. Ужасает то, что люди, оказавшиеся по разные стороны баррикад развернули друг против друга ожесточенный бой».

«Если память мне не изменяет, то с парадного входа в вашу церковь красуется обетование „Основания жизни — в любви“?»

Я не смог сразу вспомнить, о каком обетовании он говорит. «А, это.... Оно висит там так давно, что вряд ли кто-нибудь уже обращает на него внимание».

«Нельзя не согласиться», — хмыкнул Джон.

«Вам весело?» — огрызнулся я, не находя ничего смешного в сказанном.

«Нахожу в этом больше иронии, чем веселья. Но в основании всего этого конфликта разве не лежит проблема административной и функциональной структуры? Последняя предоставляет нам нечто, гораздо более важное, чем просто любовь друг к другу. Как только вы выстраиваете вместе организацию, то вам, чтобы быть хорошими в ней служащими, необходимо охранять ее саму и то, что ей принадлежит. Все запутывается. Даже понятия любви и нелюбви приобретают другой смысловой оттенок: любишь — значит, защищаешь организацию, не любишь — не защищаешь. И тогда даже самые замечательные по жизни люди неистовствуют, как безумные и им не приходит в голову, что брань и упреки противоположны тому, что есть любовь».

Джон подтянул леску с пустым крючком и, продемонстрировав его мне, сказал: «Это любовь на крючке. Если делаешь, что мы хотим, мы тебя похвалим. Не делаешь — мы тебя накажем. А это к любви не имеет никакого отношения. Мы проявляем свое расположение только к тем, кто служит нашим интересам, и удерживаем его от тех, кто нет».

«Ну и базар!»

«Понимаешь, насколько это болезненный вопрос? Вот почему организация может отражать Божью любовь только тогда, когда ее члены соглашаются в том, что они будут делать. Каждое несовпадение мнений превращается в поединок за главенство».

«Это правда. И продолжается гораздо дольше, чем того заслуживает сам конфликт мнений. Люди наполняются злобой друг к другу. Меня так словесно отхаживали, что этим... — в недвижимости — надо бы еще поучиться. Недовольства не унимаются, не смотря на то, что одна семья уже пообещала взять на себя расходы по необходимому ремонту и покупке украденного оборудования. Ничего не понятно».

«Не понятно в том случае, если под этим не лежит более глубокий конфликт».

Об этом я как-то не задумывался, но, проанализировав и более ранние выступления, обнаружил, что мнения разделялись и по другим вопросам также. «Вы, может быть и правы, Джон. У нас, случалось, оставались неразрешенными конфликты между теми, кто думают, что наше собрание уж слишком откровенно вращается само в себя, и теми, кто считают, что новые люди испортят все, что мы имеем».

«Это тоже нельзя назвать редкостью. Мне приходилось бывать на таких собраниях, где верующие вели войну по поводу того, какие песни петь и кому разрешать пользоваться новым спортивным залом. Одни думают, чем привлечь новых верующих, другие — как сделать так, чтобы пользоваться этими благами самим. Такие вопросы нелегко разрешать».

«Я просто устал от всего этого бреда и в ужасе вспоминаю о том, что мне придется туда возвращаться. Завтра на вечер назначено особое собрание паствы для разрешения: кто прав, кто виноват. Все прилично обозлены! Некоторые из членов совета настаивают на увольнении пастора по молодежным делам и сердиты на Джима за то, что он позволил всему этому произойти».

«Как ты думаешь, чем все закончится?»

«Если пастор ничем не побрезгует, он спасет свою шкуру. Скорее всего, он выпроводит пастора по молодежи. Он уже намекнул ему на то, что если тот напишет „по собственному“, то хорошая рекомендация ему обеспечена. Но именно вот в этом месте он и хочет, чтобы я солгал ради него».

«И что же он хочет от тебя услышать?»

«Он пытается устраниться от всего произошедшего и хочет сказать всем, что не имел понятия, что за музыкальная группа была приглашена. Но он знал! Он прослушал один из их дисков заранее, и его предупреждали, что музыка — пограничная и близка к мирской. Пастор слышал ее, единственное, что он сказал мне и Бену — то, как его радует мысль о том, что мы проведем такую акцию для погибающей молодежи нашего района».

«Ну и ну!»

«Да! А теперь он извратил факты. Пару дней назад один из наших служителей надавил на него, и он выгородил себя, сказав, что его вообще втянули в то, к чему он непричастен. Оказывается, за все несу ответственность я, потому что это я все одобрил! Теперь, версии пастора и Бена совершенно противоположны. И каждый из них объявляет другого обманщиком. Когда я напомнил пастору о нашей беседе до концерта, он сказал, что на пике разбирательств он совсем забыл о том, что прослушивал диск. Когда я предложил ему уточнить факты в своей версии, он сказал, что голые факты дела не меняют и меньше всего отражают истину: если бы он знал, что произойдет тем вечером, он никогда бы не разрешил проведение этого концерта. Теперь он хочет, чтобы я поддержал его версию произошедшего и отдал Бена на растерзание. По его мнению, после всего того, что он сделал для меня, я обязан сделать это для него».

«Поверь мне, если он говорит, что ты ему должен, то на самом деле он для тебя ничего не сделал».

Его слова повисли в воздухе, пока до меня доходил смысл сказанного: «Ничего не сделал для меня? А для кого тогда? Не для себя же?»

«Именно так я и думаю. Однако, проясняется теперь, как наше определение любви извращается, когда дело касается приоритетов общественной организации? Я не говорю, что он не заботится о тебе,— вовсе не отнимаю это от него. Но он все равно строит вокруг себя. А теперь еще и взыскивает с тебя должок, которого нет. Проблема церкви, как ты знаешь Джейк, в том, что она превращается не во что иное, как в склад эгоцентричных требований. Все хотят иметь свое. Некоторым хочется вести, некоторые — хотят быть ведомыми. Кому-то хочется учить, а другие счастливы быть аудиторией. И вместо того, чтобы превращаться в ничем не приукрашенное отражение жизни Божьей и Его любви для этого мира, мы становимся кучкой народа, отчаянно защищающей свой навоз на поле. В этом меньше всего заметна жизнь в Боге, гораздо больше выпирает страх и желание прилипнуть к таким условиям, в которых потребности находят свое наилучшее удовлетворение».

«Значит, внезапный угрожающий запах потери всего этого и превращает людей в злейших врагов? Они ведут себя прямо как злые собаки, у которых отнимают кость».

«Точно! Но хуже всего — делают это, думая, что Бог на их стороне. В такие моменты часто бывает, что группа распадается на новые, в которых обиженные могут лучше

поддерживать страхи друг друга. После того, как горечь оседает, движение по тому же кругу продолжается».

«Значит, что бы я ни сделал, лучше не станет...»

«Что тебя сейчас больше всего заботит?»

«Я должен стать на сторону одного или другого».

«Значит, скажи правду...— лес рубят, щепки летят. По-моему, от тебя не требуют стать на сторону Джима или Бена, тут вопрос правды и лжи».

Я не знал, что сказать, я еще не был уверен в том, как поступлю. Хотя, Джон и прояснил суть дела, он не облегчил ситуации. На кону лежало многое, и лучше бы это вообще было не со мной. Молчание становилось неловким.

Наконец, Джон встал. «Я не знаю, Джейк, как ты поступишь, но есть одна мудрость, которую я обрел с годами. Та дружба, которая требует лжи во имя ее спасения, скорее всего не дружба вовсе».

Мысль о том, что моя дружба с Джимом была не настоящей, сильно отдавала горечью. «Я уверен, что это просто момент слабости. У него неприятности с уважаемыми людьми и он просто пытается обернуть все в лучших интересах церкви».

«Это он тебе так сказал, или ты сам сейчас придумал?»

Я уставился на него, понимая, что эта беседа не облегчает моего положения. Больше того, мои тревоги усиливались. Я глубоко вздохнул и низко опустил голову.

«Эх! Если бы это было легко. Мы знаем друг друга уже столько лет!»

«Дружба — великое дело, Джейк, но не тогда, когда ее извращают подобным образом. Я припоминаю, что ты говорил уже давно о том, что она сходит на нет».

Он был прав. Я как-то это упустил, когда Джим пришел со своей проблемой. Он был так заботлив тогда, извинился в том, что его занятость затмила нашу дружбу. И меня снова всосало назад. «Вы правы, Джон. Я действительно забыл об этом. Он давно отдалился и редко высказывает, что у него на сердце во время совещаний или молитвенных групп».

«Как ты думаешь, что он скрывает?»

«А я откуда знаю? Я даже не уверен, скрывает ли он что-нибудь».

«Опыт показывает — по крайней мере, в моей жизни — что если люди отдаляются от друзей, с которыми они съели пуд соли, то это значит — им есть, что скрывать. Ну и что ты намерен делать?»

«Я не знаю. Если прикрою его — буду иметь все. Если нет — не буду иметь ничего».

«Значит ты пока еще царек в своем мире, собственно, также как и Джим в своем».

Мне это не понравилось.

Джон продолжал: «Я знаю, как привлекательно это выглядит для тебя, Джейк. Но не обольщайся! Если хочешь до конца пройти по этому пути, тебе придется ставить честность превыше собственной выгоды. Очень легко прикрывать ложь, оправдываясь интересами церкви, но — это шаг в том направлении, где Бог не живет».

«Но мне нужна эта работа, по крайней мере пока я не найду что-нибудь подходящее».

«В жизни происходит многое, что гораздо хуже потери работы, Джейк. Но это вовсе не означает, что Бог снимает с себя ответственность за твою жизнь».

«Ну что, по-вашему, вот так просто встать и уйти? Да я своей жизни не представляю без этой церкви! Она была моим домом больше двадцати лет! Я просто не смогу без нее выжить».

«Именно так они и хотят, чтобы ты думал! Но это не так. Больше того, именно по этому поводу все так отчаянно и бьются — не на жизнь, а на смерть! Другие-то тоже думают, что они не могут все оставить, и значит — должны победить. В этот капкан попадали многие дети Божии. Когда нас охватывает ужас от того, что мы не проживем без церковной организации, то все правильное и неправильное уже не имеет смысла. Единственное, что остается важным — выжить самому. Такие рассуждения в истории церкви вели к невероятным страданиям».

«Я не имею в виду то, о чем говорите вы, Джон».

«Возможно, но это реальность сегодняшнего дня, имеешь ты ее в виду или нет. Это проблема устройства жизни церкви на основании потребности. И от нее вся путаница — что же именно хочет произвести Бог через свою Церковь?»

«То есть?»

«Зачем люди приходят в вашу церковь, Джейк?»

«Затем, что необходимо иметь общение. Нам надо насыщаться, быть подотчетными друг перед другом и расти совместно в Божием Духе. Или тоже скажете, что это не правильно?»

«Ну, а если кто-то перестает ходить, что тогда?»

«Тогда тем, кто перестает нужно найти другую поместную церковь и они должны ходить в нее. Иначе они духовно обмельчают или вообще впадут в ересь».

«Джейк, прислушайся к тому, что ты говоришь! И слова-то, какие: „нужно“, „должны“, „положено“. Это к такой Христовой жизни призвал тебя Бог?»

«Я думал, что да!»

«В писании нет никаких требований, когда речь идет о той жизненно важной связи, которую Бог устанавливает среди верующих. Нам требуется только один Христос! Кроме Него нам никого не нужно. Он единственный за кем мы идем, единственный, в кого Бог заповедал верить и единственный, в чьи руки мы все полагаем. Стоит поставить на это святое место Его тело, что есть церковь,— тут как тут колосс! А ты потом выпутывайся, как хочешь. Религия выживает только за счет того, что: либо загоняет в строй, либо устрашает жуткими несчастьями, которые падут на твою голову, если ты в этот строй не станешь. Такие убеждения уводят от Бога.

Мы разделяем тело Христово не потому, что обязаны, а потому что мы к этому приходим произвольно. Принадлежащий к семье Божией не может не принять ту жизнь, которую Отец дал им для общей радости. И эта жизнь не означает биться за то, кто в доме хозяин, а просто помогать друг другу глубже прорасти в Нем. И стоит только допустить чему-то заслонить это — любовь сразу же становится приманкой на крючке. И мы поощряем своим вниманием выслужившихся и наказываем провинившихся, удерживая от них проявления любви».

Где-то в глубине моего сознания начались проблески того, что я не понимал ранее. Я знал: это так, и он прав. «Как я мог не видеть этого раньше, Джон? Вся система напичкана крючками. Мы даже используем то, что называем „доктринальным единством“, для контроля и подавления любых разногласий. И поскольку большинство людей выстраивает о себе мнение только по способности удовлетворить других вокруг себя, то их стремление вписаться в наше учение и программы вполне естественно. Джон, это ужасно!»

Джон сидел, не говоря ни слова, тихо наблюдая за тем, как происходили глубокие открытия в моей душе.

Я не мог поверить, в какой темноте я пребывал относительно тех манипуляций, которые мы в полной мере использовали друг против друга. Не удивительно, что я постоянно умирал от усталости! С одной стороны нужно не разочаровать ожиданий тех, кто манипулирует мной, а с другой стороны требуется подтянуть их самих под соответствие моим требованиям. Я вел себя с другими людьми именно так, как пастор теперь со мной. Я даже Лори подтягивал к этой категории, принося рабочие передрыги, домой и в наши отношения. «Это обесценивает практически все, что я делаю, Джон».

«Я знаю. Тут надо помнить, что ты не один такой. Вспомни, даже сами ученики Христовы строили планы на то, кто получит более престижное местечко в Его Царствии, чтобы в облачении Божьей власти, наконец, разделаться с Самарянами. Пока не научишься доверяться Богу по каждой мелочи, постоянно будешь искать пути манипуляции другими и организовывать их на то, в чем, как ты думаешь, состоит твоя потребность».

«Что мне теперь делать, Джон? Просто уйти с работы?»

«Не думаю, что суть вопроса в этом, а Джейк? Если бы я был на твоем месте, я чуть ближе придвинулся бы к Иисусу Христу и спросил Его, чего он теперь от тебя ожидает. Он определит это достаточно четко, если ты не начнешь усложнять все приемами самозащиты: ни возможностью сохранить работу, ни желанием быть на высоте перед всеми, ни даже — попытками спасти свою репутацию.

«Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее. Так?»

«Эти слова лежат в корне познания того, что значит жить в действительности Царства Христова. Но не забывай, что у этой мысли есть продолжение: "...а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее". Этот путь редко бывает легким, но радость от этой жизни всегда перевешивает боль в процессе».

«А если я не прав?»

«Не прав в чем? Или может, ты думаешь, что Отец позволит тебе разок солгать, только бы сохранить какую-никакую зарплату?»

«Нет, в этом я уже разобрался. Что если я вообще не правильно смотрю на все и просто веду себя эгоистично?»

«Эгоизм — это, как правило, защита себя за чей-либо счет. А поставить на кон работу, репутацию и дружбу против того, чтобы сохранить совесть чистой — далеко от этого, по крайней мере, на мой взгляд».

«А как мне быть уверенным, что я все не испорчу?»

«Испортишь — не испортишь... по-моему, не в этом дело, как, впрочем, и не в твоей уверенности. У тебя есть возможность взять на себя ответственность и сделать то, что считаешь нужным. Если сделаешь ошибку — со временем поймешь это и извлечешь уроки. По крайней мере, научишься больше полагаться на Него, чем на то, что зовешь церковью. Идеальных людей нет, Джейк, и когда ты перестанешь постоянно оглядываться на то, как ты выглядишь, только тогда будешь свободен в том, чтобы идти за Ним».

Джон положил мне руку на плечо и заверил, что будет молиться за меня. «Ну, мне пора двигаться», — сказал он, взгромождая свой рюкзак себе на спину. Я тоже бросил взгляд на часы и не поверил своим глазам. Жена всегда нервничает, когда я выезжаю на дикую природу в полном одиночестве, и взяла с меня обещание быть поближе к цивилизации уже к 3:30 и прозвониться. А еще добрый час ходьбы! Это означало, что я опоздаю, а она может поднять всю Службу лесных спасателей на ноги!

«О, Боже! Я почти на час опоздал!» — проговорил я, бросившись собирать вещи. «Вы не в сторону озера Хантингтон случайно?»

«Нет, я на запад отсюда, там пробуду еще пару дней».

«Конечно, нет смысла спрашивать, когда мы снова встретимся...»

«Никто из нас не может этого предугадать, Джейк, да это и не нужно! Сам посуди — как это произошло сегодня. Я думаю, что Бог достаточно велик, чтобы пересечь наши пути, когда Ему надо».

Спорить с ним у меня не было времени, поэтому мы обнялись на прощание, и я отправился вниз по тропе. Я бросил последний взгляд на Джона, и увидел, как он взбирался на скалистую высотку к западу от озера Нелли. Если бы я знал, что ожидало меня впереди, я бы предпочел тогда остаться на этом озере навеки.

ГЛАВА 6. Любящий Отец или крестная мать — фея?

Прошло почти два месяца с тех пор, как я встретился с Джоном на берегу озера Нелли, но казалось, что минула вечность. Заседание паствы, которое последовало за нашим разговором, как и ожидалось, стало моей битвой при Ватерлоо. Я не переставал надеяться на то, что мой друг, пастор и руководитель придет в чувство и станет на сторону истины до собрания или, по крайней мере, сразу же после него. Но этого не произошло. Он не поспешил нашей дружбой, чтобы прикрыть себя. Я был в шоке!

Перед началом собрания он выдвинул ультиматум — либо я поддерживаю его версию произошедшего, либо ищу другую работу. Я, было, почти сдался, но, в конце концов, не смог заставить себя солгать в его пользу. Краеугольные выступы истины я все-таки пообтесал, как мог, сказав людям, что, на мой взгляд, пастор поддерживал концерт, хотя я мог и не правильно понять его. Пронзительный взгляд в ответ выдал то, что мой хитрый прием оказался совсем нехитрым. На следующее утро он просто прошелся по мне танком, обвинил в предательстве нашей дружбы и потребовал заявления на увольнение не позднее конца рабочего дня. Я не обременил его таким долгим ожиданием и вытянул требуемое из тетради, которую я захватил на нашу встречу, — не успел он и глазом моргнуть.

«Я весьма разочарован», — сказал он, не поднимая на меня взгляда. «У тебя были такие перспективы, а ты выбрасываешь их как мусор! Ради чего?» Он объявил мне, что проследит за выплатой мне зарплаты в конце месяца, и пригрозил, что раздавит меня, как комара, если я посмею сплетничать о нем по городу. Когда я направился к двери, он немного смягчился: «Не смотря на то, что произошло, мы не забудем тот вклад, который ты внес в нашу церковь как достойный работник. Надеюсь, что ты продолжишь ходить в наше собрание, дабы получить исцеление, которое тебе так необходимо».

Я смог только кивнуть на выходе, пораженный его дерзостью. Там, где наносят раны, вряд ли занимаются их исцелением, для последнего надо найти больницу получше. Когда Лори, я и все наши дети не появились на очередном служении в воскресенье, Джим зачитал наше прошение об исключении из собрания, и, как нам рассказывали позже, впал в двадцатиминутное рассуждение о том, какой безупречной репутации должен быть человек, служащий в церкви. Он поделился с собранием тем, что я проявил нечестность в попытке дискредитировать пастора, с целью занять его место. Я был в шоке, узнав, как ловко он обернул свой собственный грех в обвинение против меня.

Несколько наших друзей позвонили нам, чтобы поддержать и сказать о своем уходе из церкви, но большинство людей нас избегало. Поначалу я смертельно переживал всякий раз, когда знакомые от меня просто отворачивались в магазинах, делая вид, что не видят. Я мог только догадываться, что они обо мне думали. Лори и я несколько раз сходили на службы в другие церкви, просто потому, что были убеждены — нам это необходимо. Но, поскольку теперь мы знали, что скрывается за внешним проявлением благочестия, сердце к этому не лежало. Я был в растерянности. Те, кто ушел из церкви вслед за нами, были уверены, что я теперь начну свою. Но расположения к этому у меня также не было. И чем дальше я оттягивал время, тем больше их дружба отдавала холодком. Вернуться на работу в недвижимость тоже оказалось нелегкой задачей. Рынок был на спаде, и все фирмы были перенасыщены служащими. Я начал сколачивать свое дело, но мои прежние клиенты уже нашли новых представителей, так что и это выглядело не совсем многообещающе.

Оставленный друзьями, без средств к существованию, не имеющий надежд на будущее, я, как мне показалось, наконец, ударился о то, что — по моему мнению — было каменистым дном. Я понял, насколько обольщался в тот момент, когда Лори позвонила мне по мобильному и сообщила, что у нашей дочери в школе случился приступ астмы и она срочно везет ее в больницу. Вот тут то, когда я неся на помощь, мой гнев и выплеснулся наружу. После всего, что я сделал для Бога, Он мог бы позаботиться о моей семье и получше! Я кипел внутри — лишенный медицинской страховки, не имеющий ни малейшего понятия, чем буду расплачиваться за больницу.

Поэтому, я полагаю, теперь вам понятно, почему я хотел просто бегом бежать прочь, когда Джон зашел в кафетерий этим вечером. Да, на текущий момент ей стало лучше, но охваченный гневом, именно сейчас я не хотел больше никакого Божьего вмешательства. Что я такого мог сделать, что моя дочь так страдает? Почему Бог не обращает внимания на все мои отчаянные молитвы о ее исцелении? Другие родители ворчат о том, как им трудно успевать за всеми «этими детскими занятиями», а я не уверен, переживет ли моя дочь очередной приступ астмы и боюсь за то, что прописанные нам стероиды могут затормозить ее рост.

Я искал недолгого прибежища в кафетерии, где я мог за чашкой кофе просмотреть журнал с последними новостями и обдумать еще раз все, что меня переполняло. Вот тут-то он и просунул голову за завесу моей «святая святых». Теперь он еще и направлялся к моему столику. И я откровенно подумывал о том, чтобы заткнуть ему рот кулаком, если он вообще посмеет его открыть. Однако мне было известно, что этого не произойдет. Буря происходила у меня внутри, там, где ее никто не мог видеть. Я надеялся, что по моей реакции он все поймет и просто уйдет прочь, но он продолжал надвигаться, как туча. Наконец, он остановился у стула напротив меня, и начал выдвигать его, чтобы сесть. «Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?»

Конечно, возражаю! Шел бы ты! С момента, как я тебя встретил, ты для меня стал ходячей неприятностью! Но фильтры вежливости, сформированные с детства, не пропустили эмоции на язык. Наружу вышло только: «Пожалуй, сейчас мне лучше побыть одному».

Мне показалось, он удивился. Тихонько засунув стул назад, под стол, своим негромким голосом он сказал: «Не возражаю, Джейк. Можем поговорить и в другой раз». Я поднял на него глаза и блеснул яростным взглядом, когда он обошел стол и положил руку мне на плечо. Дружески сжав его, он сказал: «Я хочу, чтобы ты знал, как я сопереживаю тебе во всем, через что тебе приходится теперь пройти. Мне совсем не все равно». Похлопывание по плечу, и вот он уже отправился к двери.

Я смотрел ему в спину. Он шел, направляясь к выходу. Битва разгоралась внутри. Вся рать моих чувств билась за то, чтобы отдалить его прочь, однако малюсенькая, но непобедимая часть меня хотела знать, и что же он может такого сказать про все те руины, в которые

превратилась моя жизнь. И если он сейчас выйдет за дверь, я не узнаю этого, до тех пор, пока мы встретимся снова, если вообще сможем... Не успел он потянуться к дверной ручке, как я услышал собственный голос: «Джон, постой...те!»

Он повернулся через плечо, и, не отрывая руки от двери, посмотрел на меня. «Прошу прощения за грубость. Можем поговорить, если есть желание».

«Уверен, Джейк? Иногда одиночество в таких ситуациях, как у тебя, — лучшее из всего, что можно придумать».

«Я уже устал от одиночества...» Мои слова растворились в неконтролируемом стоне, который пробил ком в горле и вынес за собой весь шторм моей боли. Я не мог вымолвить ни слова пока, как из прорвавшейся трубы, из меня рыданиями выливалось все, что накопилось. Будучи не из тех, кто плачет — даже в самые худшие моменты жизни — я помню, как глупо и смущенно я вдруг себя почувствовал, в тот момент, когда Джон развернулся и пошел ко мне. Я пытался прекратить, но не мог. Джон подошел, встал за моей спиной и положил руки мне на плечи.

«Все хорошо», сказал он, сжимая мне плечи. «Все будет хорошо». Мне показалось, я слышал, как он негромко молился, но я был настолько сокрушен своими рыданиями, что не мог разобрать ни слова. И откуда столько взялось! Прошло минут пять, прежде чем я смог прийти в чувства — мне, однако показалось, что прошли все двадцать. Я умудрился, выдохнуть «Прости!», однако, Джон всем видом давал мне понять: он не торопит того момента, когда я успокою свои чувства. Я никогда не знал, как себя вести с людьми в те моменты, когда они не владеют собой, как это было теперь со мной. Но Джон сохранял спокойствие, он был рядом, со словами утешения, все то время, пока извергалась моя боль.

Когда она, наконец, иссякла, он сел рядом. Я даже не утруждался прятать от него свой гнев. Как мог Бог позволить всему этому произойти со мной, в то время, когда я пытался всеми силами устоять на Его стороне? И как Он мог не предотвратить то, через что пришлось пройти моей бедной девочке, оставив меня при этом без гроша и малейшего понятия о том, как я смогу заплатить за лечение. Я умолял Бога, чтобы он исцелил ее, чтобы он позаботился о моей семье и воздал по заслугам бывшему другу за всю ту боль, которую он мне причинил. Последняя моя молитва, я знал, пахивала несколько странно, но Давид часто молился так — и в Псалмах это записано. «Но больше всего я зол на тебя, Джон! С тех пор, как ты так легко ворвался в мою жизнь, все в ней перестало существовать — и причем, прямо на моих глазах. Никогда еще я не был более разочарован своей духовной жизнью, никогда еще не стоял так далеко от церкви. А теперь у меня еще и денег нет, чтобы хоть что-то там оставить! Вот такая полнота жизни во Христе у меня началась!»

Джон не клюнул ни на обвинения, ни на мой переход на «ты», выглядевший довольно грубо, просто сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на меня своим пронизывающим взглядом, который так поразил меня тогда, когда я впервые увидел его на улице в Сан Луис Обиспо. Я хотел разозлить его, довести до такого же состояния, в котором был сам, чтобы он оправдывался тут передо мной. Но он не поддался. Подперев голову рукой, он вздохнул: «Я знаю, насколько тебе нелегко сейчас, Джейк! Такие времена всегда тяжелы. Просто надо помнить — ты в середине пути, а не в конце».

«Это еще что могло бы значить?»

«Господь производит внутри тебя что-то очень важное. Он отвечает на самые потаенные твои молитвы, какие ты даже никогда не решался облечь в слова. Да, это повлекло за собой невероятную боль, но это не означает, что Он покинул тебя, Джейк. Далекое не так! Напротив, Он так близок к тебе сегодня, как никогда не был».

«Что меньше всего похоже на правду. Ощущение такое, что Он обернул против меня всякое орудие, которым располагает». После некоторой паузы мое циничное «я» приподняло голову, ввернув: «Ну, да, конечно, разве чувства чего-нибудь стоят?»

«Значат, Джейк! И многого стоят! Но отсутствие у тебя ощущения Его поддерживающих рук, вовсе не означает, что Он не несет тебя у своей груди. Это означает другое: твои чувства просто настроены не на ту волну. Не уверен, что сейчас самый подходящий момент, чтобы разбираться в этом, но Бог хочет помочь тебе рассмотреть и увидеть те преткновения, которые без конца тебя улавливают».

«Ну, при таком раскладе, я зол уже не на тебя, а на Него! И не желаю, чтобы Он использовал мою жизнь в качестве футбольного мяча, который может пинать всяк, кому не лень!»

«Не то это, Джейк, не то! Я знаю, что для тебя сейчас все выглядит так, как будто ты потерял все ценное для себя, и в какой-то мере так оно и есть. Даже не допускай мысли, что он режиссировал все эти события для какой-то скрытой более высокой цели, потому что это не так. Но ты просил возможности познать Его, а это всегда тянет за собой последствия. Играть в игры, обусловленные культурой,— даже, если это религиозные игры — всегда легче, чем познавать, кто такой Бог, и куда Он тебя поведет».

«Но раньше, я, по крайней мере, имел, чем расплатиться по счетам»,— огрызнулся я в ответ.

«Или, лучше сказать — думал, что имел».

На глубоком вздохе я устался на Джона. Именно этого я терпеть не мог во всех наших беседах — он мог обронить подобное замечание — и попробуй, пойдешь, догадайся, что он имел в виду. Больше того, он никогда не утруждал себя объяснениями, если я не спрашивал, а я теперь не совсем был уверен, хочу ли я узнать еще что-нибудь от него. Я стоял перед выбором: спросить, что бы это значило, или уйти под предлогом, что надо проведать, как там Андреа.

Молчание затянулось куда дольше, чем это казалось приличным. Я однозначно был настроен: ни о чем его не спрашивать и не давать повода к дальнейшему разговору. Наконец Джон поднял голову с легкой улыбкой: «Но ты всегда был на грани отчаяния, разве нет?»

«Когда? В отчаянии от чего?»

«От того, что играл в религиозные игры. Тебя ведь это никогда не устраивало, разве я не прав? Разве не в отчаянии ты ложился спать, разочарованный тем, что Бог не сделал для тебя того, чего ты от Него ожидал?»

«Не всегда». Я прокручивал в уме последние несколько лет своей жизни. «Я помню и такие времена, когда Господь открывал мне Себя невероятным образом и показывал путь к тому, как лучше Его познать».

«Никаким образом не ставлю это под сомнение. Но это имело продолжение?»

«Нет, именно это и раздражает больше всего. Как только думаешь, что вот сейчас все и наладится, как нельзя лучше, все заканчивается полной разрухой. Мне еще предстоит найти, где это настоящее христианство, о котором мы читаем в Писании. У меня его нет. Даже знакомство с вами было так многообещающе, а теперь оно превращается в такое же недоразумение, как и все для меня, что несет на себе имя Бога».

«И как ты думаешь, почему это?»

«Послушай, Джон, если есть, что сказать, говори, я буду слушать. У меня нет ни сил, ни желания играть в загадки с тобой».

«Прости, Джейк»,— сказал Джон, дотянувшись до запястья моей руки, лежавшей на столе. «Я никогда не играл ни в какие игры с тобой!»

«А что же тогда происходит, Джон? После всего того, что я сделал за последние несколько месяцев, чтобы выровнять все свои отношения с Богом, разве я не достоин чего-нибудь получше, чем это? ... А? Как ты думаешь? Работы нет, репутация среди тех, кого я знал более двадцати лет, подмочена. Лори и я грызем друг друга, и ко всему этому — мы чуть было не потеряли сегодня дочь».

«Так значит, ты считаешь, что Бог обязан тебе чем-то лучшим?»

«Будто нет! С какой радости я тогда должен убиваться и следовать за Ним, если он не может присматривать за тем всем, что касается моей жизни!»

«Вот так, значит!»,— ответил Джон, откинувшись на спинку стула. «Вижу, ты вырос с мыслью о том, что твоя добродетель фактически контролирует то, как в отношении тебя ведет себя Бог. Если ты отвечаешь требованиям своих обязательств, то Он должен выполнять свои».

«Еще скажешь, что нет!»

«Джейк, Бог исполняет свои обязательства постоянно, вне зависимости от того, исполняешь ты свои или нет. Он любит тебя больше, чем кто-либо когда-либо, и Он никогда не отведет руки своей от тебя. Иногда наши действия скоординированы с Его, иногда нет, и это влияет на всю картину. Но не думай, что можешь контролировать Бога своими потугами,— потому что это не так. Если бы мы контролировали Бога, то чем бы Он отличался от нас? Уж пусть лучше будут Его пути выше, а мы будем к ним подтягиваться».

«А что же мне делать со своим положением, Джон? Я же пытался произвести то, что было правильным, но это совсем мне не помогло!»

«На самом деле — помогло. Просто ты об этом еще не знаешь. Бог освобождает тебя от тех зацепок, которые составляли твое чувство безопасности в прошлом. Они препятствовали тому, чтобы тебе познать своего Бога как Отца — а Он знал, что именно в этом заключено твое желание. Да и зацепки эти все равно носили характер воздушных замков. Их утрата — всегда боль, и я знаю, что тебе сейчас приходится наблюдать руины гораздо большего их количества, чем ты предполагал. Но не это меня сейчас заботит. Я озадачен тем, что ты думаешь, будто Бог восстал против тебя, или уж по крайней мере не обращает на тебя лица Своего».

«А что мне еще думать? Я то считал, что Бог что-то прояснит мне, и я полагал, что это привнесет в мою жизнь больше радости и покоя. Я также рассуждал, что это откровение сможет умиротворить всех вокруг меня таким же образом, как и меня. Но все наоборот — все настроены против меня..., и что мне думать? Вот я и думаю, не оставлен ли я в дураках? Если бы в этом была рука Божья, разве все не стало бы лучше?»

«Думаю, что стало бы. Больше того, я уверен, что так оно и есть».

Я еле сдерживал себя. «Вы... ты вообще в своем уме? Ты... вы как такое можете говорить? Разве не понятно, в каком я положении?»

«Можно и на „ты“, Джейк. Не самое лучшее время, чтобы следить еще и за этикетом». Не дав мне даже оценить такой переход в наших отношениях, он продолжил о больном.

«Должен признать, что обстоятельства у тебя сейчас складываются не в лучшую сторону. Но все зависит от того, как на них смотреть. Ты идешь по новой дороге, но постоянно ожидаешь привычных твоему глазу знаков. Бог желает, чтобы ты познал: те, старые знаки — не более чем мифы, подпирающие не имеющую в себе жизни систему. И силы в них нет никакой, как ты уже успел заметить».

«Что еще за мифы?»

«Во-первых, ты считаешь, что страдание — это знак Божьей немилости. Разве Иов не впадал в эту же ошибку? Очень часто, страдание указывает на то, что Бог освобождает нас от чего-то, чтобы мы могли следовать за ним в большей свободе. Идти вслед за Ним всегда означает — двигаться против течения. И не жди, что твои обстоятельства быстро примут вид легкой ноши на этом пути. Напротив, они будут наваливаться на тебя всем грузом при каждом новом повороте. Бог желает обучить тебя тому, как идти вслед за ним сквозь все это, дабы ты мог познать такие радость и мир, которые превосходят любые события в твоей жизни».

«Но разве Бог не обещает благословить тех, кто последует Его путями?»

«Абсолютно так — это результат выбора, однако Божье определение этих благословений не всегда совпадает с нашим. Он ведет тебя по такому пути, размах которого ты еще не можешь полностью охватить разумом. Продолжай идти за Ним, и ты будешь просто поражен тем, что Он произведет в тебе. Самое сложное, — тебе придется признать на этом пути необходимость отказаться от иллюзии, что ты можешь контролировать происходящее в твоей жизни, или — другими словами, что ты можешь повернуть события так, что Бог не сможет не благословить тебя».

«Это ты по поводу того, как мне платить по счетам?»

«Да. Бог сам устроит. Как, впрочем, и всегда устраивал до этого момента — ты просто мог и не знать. Отсутствие сегодня страховки и работы не является утверждением того, что Он оставил тебя. Сегодняшняя ситуация, в которой люди втаптывают в грязь твою репутацию, не говорит о том, что последнее слово осталось за ними. Бог — это не крестная мать-волшебница, устраивающая счастье одним мановением волшебной палочки. По предлагаемому тебе пути ты далеко не пройдешь, если будешь ставить под сомнение Божью любовь всякий раз, когда Его решения не будут отвечать твоим ожиданиям. Он — твой Отец. И Он знает, что тебе нужно гораздо лучше, чем ты сам. И Он может обеспечить тебя и твою семью гораздо лучше, чем ты это можешь себе представить. Он вводит тебя в Свою жизнь, и вместо того, чтобы уберечь тебя от всего произошедшего, Он решил использовать это в твоей жизни, для того, чтобы показать истинную свободу и истинную жизнь».

«Значит, Ему нравится, когда я страдаю?»

«Надеюсь, ты соображаешь лучше, чем говоришь. Он страдает сейчас здесь вместе с тобой. А как же иначе? Он любит тебя. Он не устраивает страданий для тебя, а разбирает завалы этого греховного мира, чтобы совершить нечто великое в тебе. Как только ты это

поймешь, то даже самая жгучая боль от затрудненных обстоятельств будет притупляться. Ты будешь находить Его в центре происходящего и удивленно наблюдать за тем, как Он будет завершать свои намеченные цели и без тебя за штурвалом. Вот когда Его жизнь по-настоящему начнет тебя охватывать».

«Наверное, я бы предпочел быть просто счастливым»,— сказал я, усмехнувшись,— это была первая попытка пошутить за последние несколько дней. От этого полегчало.

«Просто счастье — довольно дешевая замена тому, чтобы быть перевоплощенным в Его образ, разве нет?»

«Я понимаю. Но от этого легче не становится».

«Не становится. Но ты не думал, насколько усложняешь ситуацию, когда подозреваешь Бога в том, что Он противостоит тебе? Как бы все изменилось для тебя, если бы ты был уверен в том, что Он прямо тут, рядом с тобой, ведет тебя за руку к той полноте жизни, о которой ты умолял Его?»

Я на минуту задумался. «Тогда я, конечно же, не был настолько подавлен».

«Не был бы. Ты и в стесненных обстоятельствах тогда наслаждался бы Его присутствием, зная, что Он устраивает для тебя все как надо. Ты как-то упустил, что каждый из писавших Новый Завет знал, что Бог не разрабатывает сценариев для наших страданий, а использует последние для того, чтобы пронизать нас своей свободой до самых глубин нашего существа. Если ты избереешь пройти сквозь страдания с Ним, не отталкивая Его прочь с упреками и обвинениями, ты удивишься тому, что Он произведет из всего этого».

«Однако факт того, что я не знаю, чем мне оплатить счет за больницу остается реальностью сегодняшнего дня».

«Ты не знаешь, Джейк,— Он знает! Он уже произвел Свою работу по этому поводу. То, что ты не можешь этого видеть, не означает, что этого нет».

«Было бы конечно лучше, если бы я не видел того, как моя дочь прошла через все эти страдания. Представить себе не могу, что Он позволил ей болеть и страдать, чтобы достучаться до меня».

«И правильно делаешь. Андреа идет своим путем с Богом, и Он Сам проведет ее сквозь все это. Ты не можешь сделать ничего, чтобы уберечь ее от болезни, и ее страдания вовсе не обязательно используются Богом для обретения тебя. Но я почему-то уверен, что больше тебе не придется видеть ее приступов астмы».

«...? И от чего у тебя такая уверенность?»

«Вообще-то я пришел сегодня вечером сюда в больницу проведать друга, который близок к последнему вздоху в своей жизни. И тут я увидел тебя вместе с женой. Там, у палаты Андреа... Вы там чуть раньше спорили немного».

Я немедленно вспомнил тот так называемый обмен мнениями. Мы оба находились под давлением одних и тех же обстоятельств и уже начинали наступать на горло друг другу. Я весь съежился, представив, что Джон все это видел. «Не совсем приятное зрелище, прошу прощения».

«Пусть тебя это меньше всего волнует, Джейк. Вы оба в сложной ситуации и я далек от того, чтобы обсуждать, как вы с нею справляетесь. Я просто решил, что тогда был не самый лучший момент, чтобы появиться перед тобой. Чуть позже я пошел опять к палате, предполагая, что смогу встретиться с кем-нибудь из вас,— никого не было, а Андреа одна боролась с астмой за очередной свой вздох. Глаза ее были полны страха. Я подошел и спросил, могу ли помолиться. Она кивнула, и я помолился. Время покажет, конечно, но я почему-то уверен — астмы больше не будет».

«Так ты ее исцелил!»

«Если бы я только мог! Но я думаю, что Бог исцелил».

«Ты это серьезно? Я молился тысячу раз об этом и Он не ответил мне».

«Кто сказал, что не ответил? Я просто добавил свою молитву поверх всех твоих».

«Но почему Он не сделал этого, когда я раньше молился и просил?»

«Потому, что это не в твоей власти, Джейк, и не в моей. Все в Его воле. Исцеление — это не волшебный трюк. Когда мы учимся жить по Его воле, нам приходится входить во взаимосвязь со всем, что Он производит. Я просто молился за Андреа, за то, чтобы ее дыхание выровнялось, чтобы покой Божий пребыл с ней, но я уверен, что Бог произвел гораздо большее».

«Почему?»

«Даже не знаю, как тебе это описать больше, чем я уже сказал, но я просто почувствовал, что астма ушла. Я думаю, — она это почувствовала тоже. Ее дыхание стало таким же ровным, как и у тебя. Страх в глазах исчез, появилась улыбка на губах, и она откинулась на подушку с глубоким вздохом».

«Вот почему, когда я пришел, она спала. А мы подумали, что это лекарства начали действовать».

«И это тоже неотъемлемый факт. Но Бог решил произвести нечто сверх того».

«Это было бы больше, чем я мог ожидать. Представить себе не можешь, как мне тяжело, когда она страдает. Значит, как ты говоришь, нужно быть просто счастливым, вне зависимости от того, что происходит».

«Да нет, Джейк, это вовсе не то, что я говорю. Я просто пытаюсь помочь тебе увидеть, к чему ведет Господь и почему ты в таких обстоятельствах. Ему вовсе не нужно, чтобы ты делал вид, что счастлив. Больше того, я считаю — замечательно, что ты не пытаешься даже прикрыть своего гнева. У тебя есть откровенные вопросы и глубокие внутренние битвы — все это требует разрешения. Бог достаточно велик, чтобы справиться с этим. Не отворачивайся от своей боли, и даже не пытайся укрыть ее от Него. Его этим не впечатлишь и себе лучше не сделаешь! Открой этот гнев Богу. Он знает, как провести тебя через все, а ты увидишь Славу Его таким образом, как ты даже и не мечтал».

В этот момент дверь в кафетерий открылась. Медсестре не пришлось долго осматриваться: «Джон, это вы?»

«Да», — отозвался он.

«Вы просили сообщить, если мистеру Филипсу станет хуже. Похоже, что он уже близок к тому...»

«Спасибо, уже иду». Он снова обернулся ко мне: «Мне нужно идти. Может, пройдешь, наведаешься к Андреа? Да и сам поспи маленько».

«Но я еще не решил, как дальше быть».

«За несколько минут или часов ты это все равно не решишь. Это путь длиною в жизнь, Джейк — учиться отказываться от своих иллюзий в том, что ты можешь что-либо контролировать и позволять Богу решать все по-своему. И никто еще не сказал, что это легко. Это еще не последний урок».

«Я же должен для себя определить, что делать с работой, церковью, со всем другим», — мой контрольный список неразрешенных вопросов сразу же поплыл у меня перед глазами. Я ждал, что Джон укажет хоть какое-то направление движения.

«Разреши я задам тебе один вопрос, Джейк. Чего тебе не хватает, чтобы прожить сегодняшний день?»

«Работы не хватает. Не хватает понятия, чем оплатить этот счет», — я взмахнул рукой, показывая на больничные стены, которые нас окружали.

«Да, и не хватает уверенности в том, что Отец твой Небесный давно обо всем этом знает и любит тебя настолько, что уже все для тебя устраивает. У тебя есть все, что необходимо для того, чтобы прожить сегодняшний день. У тебя просто еще нет всего того, что необходимо, чтобы дожить до конца месяца. Но это еще долгий срок».

«Да. Пожалуй тут ты прав», пришлось мне согласиться.

«Это все, что нам обещано, Джейк. Если ты можешь полагаться на Его любовь каждый миг жизни, тогда ты действительно знаешь, как жить в свободе». Джон встал, чтобы идти и я поднялся, чтобы обнять его на прощание.

«Где же найти такую веру?»

«Ее нигде не найдешь. Он создает ее внутри тебя, даже посредством тех обстоятельств, которыми ты пренебрегаешь. Просто иди к нему и наблюдай за тем, что Он производит. Это Отец, который знает тебя намного лучше, чем ты сам себя знаешь, и даже любит тебя больше, чем ты сам себя любишь. Проси и Он поможет тебе понять, насколько сильно Он тебя любит. Именно это и произведет перемены». Затем он махнул в сторону двери «Мне надо идти».

Мы обнялись, и он направился к двери. Я собрал свои немногочисленные вещи и заторопился вслед за ним. Мне не терпелось навестить к Андреа. Двигаясь в направлении ее палаты, я решил для себя так: до конца дней своих теперь буду просто знать, что любовь Отца

пребывает во мне пред лицом любых обстоятельств, и никогда не буду подвергать это сомнениям. В то время я и не подозревал, насколько мне это пригодится в дальнейшем.

ГЛАВА 7. Когда копаешь яму — комья куда-то надо кидать

Я слышал нарастающий рев позади меня со стороны противоположной трибуны футбольного поля. Мне даже не было нужды отрываться от очереди к ларьку с напитками, в которой я стоял, и разворачиваться в сторону происходящего, чтобы понять — для моей альма-матер этот гул не к добру. Я с любопытством вытянул шею как раз вовремя, чтобы увидеть оранжевую майку игрока Секвойя Тройанс, который стремительно пересек линию ворот с поднятыми в восторге руками. Его тут же окружила толпа соратников.

Мне оставалось только выдохнуть в разочаровании и в досаде покачать головой. Продержавшись со счетом 3–0 пол-игры, выигрывая у своих наделенных большими преимуществами противников, Пондероза Беарз пропустили 70-ярдовый пас тачдаун первого розыгрыша во второй половине игры, чем и нейтрализовали свое преимущество. И это была не просто очередная игра. Это был розыгрыш кубка Бронзовый Колокол, переходящего от одной к другой из двух ведущих школ в Кингстоне, который за 45-летнюю историю мистическим образом пропорционально равно удерживался ими обеими. Победитель получал Бронзовый Колокол, громадный трофей, из настоящего колокола, который висел в старой башне бывшей школы, и в придачу право бахвальствовать целый год.

Не было ничего более важного для старшеклассников, чем выиграть кубок на последнем году учебы, да и старые выпускники желали этого ничем не меньше. «Секвойя» удерживали Бронзовый Колокол вот уже шесть лет, и я надеялся, что позору будет положен конец сегодняшней игрой. Первая половина игры выглядела многообещающе, но я то знал, как легко один момент может развернуть игру именно в таком как сейчас направлении.

Возвращаясь взглядом от места событий к очереди, я вдруг остановился на знакомой фигуре, облокотившейся об ограду и внимательно следившей за игрой. С моего угла зрения было трудно оценить, не ошибался ли я, учитывая то, что человек этот был одет в пальто большого размера и трикотажную шапочку, как впрочем, и все — погода была не жаркой. Ну, а уж когда лицо его развернулось в сторону табло, я увидел его в профиль — сомнений не осталось. «Уж где-где, но тут?!», — подумал я. Что он здесь делает?

Я оставил свою очередь и пошел выяснять. Я подошел со спины и сгреб его за плечи. «Что ты тут делаешь?» — я был почти уверен, что встреча была круто организована Джоном, но когда он обернулся, чтобы посмотреть, кто это его схватил за плечи, в его глазах отразилось искреннее удивление. Улыбка осветила его лицо, он обернулся и обнял меня. «Джейк, как я рад тебя видеть. Я надеялся, что ты тут будешь».

«Я как-то и не предполагал, что ты футбольный болельщик», — ответил я, кивая в сторону поля.

«Я и, правда, не из них, но понимаю, что тебе невозможно было находиться в Кингстоне и не попасть на такое зрелище. Ничего подобного в жизни не видел... фейерверки в начале игры и такая возбужденная толпа зрителей!»

«Обычно это весьма напряженное состязание. Несколько лет назад его даже освещали в Иллюстрированном Спорте. А сегодня в ход идет все, что звенит и свистит. Ну, а что тебя привело сегодня в наш город?»

«Я встречаюсь с несколькими людьми, а с одним из них договорился встретиться тут. Как дела у Андреа?»

«Со времени той молитвы, которую ты над ней произнес в прошлом месяце, не было никаких признаков астмы. Я так благодарен Богу!»

«Это прекрасно! А у тебя тоже дела лучше?»

«Смирюсь. Не могу сказать, что все прекрасно, но я действительно принял к сердцу все слова, которые ты сказал мне в прошлый раз, Джон. Я молился и просил Господа помочь мне видеть Его любовь к себе даже тогда, когда все идет не так легко, как хотелось бы. С финансовой стороны дела все еще внатяжку, но я могу поделиться очень интересными случаями о том, как Бог обеспечивал нас».

«И как же?»

«Я все еще работаю в недвижимости, но дела идут не очень активно. Однако за это время меня приглашали подработать на покраске или на разработке ландшафта участка те, кто

не успевал с этим сам. Несколько людей даже благословляли нас значительными подарками — было всегда как раз кстати. Я не мог смириться и просто взять эти подарки. Однако эти люди говорили, что Бог положил им на душу отдать это нам. И всякий раз, когда так происходило, то, что нам дарили, обязательно было востребовано.

«Разве это не удивительно?»

«Денег Он дает, конечно, в обрез, если ты меня спросишь. Несколько недель назад я продал свое первое промышленное здание. Когда платежи пройдут, для нас это будет значительная поддержка».

«Нужно только помнить, что Его не заботит завтра, просто потому, что Он уже о нем позаботился. Он приглашает тебя пережить радость момента, разделяя то, что Он предлагает именно сейчас. Свобода такого элементарного следования за Ним, изменит многое в твоей жизни. Он любит тебя, Джейк и желает, чтобы ты жил в укрытии этой любви, не пытаясь ничего просчитывать на будущее».

«Понимание этого только лишь начало мне открываться. Я уже долгое время вновь и вновь перечитываю Послание к Римлянам, восьмую главу, пытаюсь понять, что же Павел хотел сказать. Кажется, Павел обрел свою уверенность в Божией любви, приняв ее из того, что Христос исполнил на кресте. Все то, что он узнал об этом, обеспечило его стойкость в том, чтобы никогда не ставить Божью любовь под сомнение, вне зависимости от того, как бы сложно не развивались события в жизни. Я всегда рассматривал крест как символ суда, а не любви, по крайней мере, с точки зрения Бога. Я знаю, что Иисус возлюбил нас настолько, что пришел умереть за нас, но разве не Сам Бог Отец провел Христа через все эти страдания? И если Он так обошелся со Своим Единородным, который был абсолютно безгрешен, то как это докажет мне, что Он любит меня?»

«Ты смотришь с точки зрения общепринятого понимания. Слишком много людей рассматривают крест как акт Божьего Суда. Для исполнения праведного суда, Бог применяет высшую меру наказания к Своему Сыну, таким образом удовлетворяя свой гнев и оставляя нас без наказания. Замечательная новость для нас, но что это говорит нам о Боге?»

«Вот это меня всегда и волновало. Я понимал, насколько Христос любит меня, но лишь такое понимание уж точно не располагало моих чувств к Отцу».

«Но Отец видит крест с другой стороны, Джейк. Его гнев был не тем наказанием, которого заслуживал грех, а противоядием от его власти. Замысел креста, как писал Павел, заключался в том, что Бог сделал Сына своего грехом — самим грехом,— для того, чтобы осудить и убрать его вообще с пути. Его план был не просто обеспечить пути к прощению греха, а уничтожить его навеки, чтобы мы могли жить свободно».

«Но как Отец мог провести Сына Своего через все это?»

«Не надо думать, что Бог в тот день был просто наблюдателем. Он был во Христе и примирял мир с Собою. Это то, что они произвели вместе. Это была не просто жертва, востребованная Богом, чтобы любить нас, а жертва, предоставленная Самим Богом в том, чтобы восполнить то, что было необходимо нам. Как это живо представил себе Павел — будто некто встал на пути у дикого коня и оттолкнул нас в безопасное место. Он был раздавлен всей тяжестью греха, чтобы мы были спасены от него. Сама мысль невероятна».

«И именно та, которую я хочу понять получше»,— отозвался я. «Я думаю, что я всего лишь только начинаю понимать, как далеко увела меня церковь».

«Неужто?»— вот такие восклицания Джона я слышал много раз, обычно они сопровождалось широким раскрытием глаз и смешком в голосе. «Не думаю, что церковь уводит людей в сторону. Религиозные организации могут, но давай не будем путать это с церковью, или с тем, как ее видит Бог».

Его терминология сбивала меня с толку окончательно, но я продолжил: «Спустя несколько дней после нашего последнего разговора, я созвонился с Беном Хопкинсом. Раньше он был заместителем на моей домашней группе до того, как меня не выпроводили из Городского Центра. Он сейчас увлечен новым движением, которое известно как домашняя церковь, и уже нашел много информации по этому поводу в Интернете. Мы с ним хотим начать одну такую на этих выходных».

«Вы хотите?!»— энтузиазм Джона оказался значительно ниже, чем я ожидал.

«Да. Ну, а разве не так все начиналось? Ранняя церковь встречалась по домам у верующих. Они не выстраивали глобальных организаций. И духовенство не вело за них дел.

Они просто разделяли общение как братья и сестры. Именно этого я и ищу с тех пор, как стал верующим. Я всегда думал, что наше понимание об устройстве церкви больше создавало проблем, чем их решало.

Это единственный ответ на мой вопрос, он разбудил во мне радость и стремление. И по всему миру сейчас, кажется, тысячи и тысячи людей отказались уже от традиционных церковных собраний и пытаются вновь открыть для себя ту жизнь, которой жила ранняя церковь. Многие называют это движение Божьим прорывом последних времен, которым Он очистит свою церковь».

«Ты хочешь сказать, что это произойдет просто из-за того, что верующие начнут встречаться по домам?»

Его явный цинизм меня обескуражил: «А ты, значит, так не думаешь?!»

«Пойми меня правильно, Джейк. Поиск более рациональных путей в том, чтобы разделять свою жизнь с другими верующими — прекрасное направление. Но элементарное перенесение собрания в дома не совершит того, на что ты надеешься».

«Мы это знаем. У нас уже есть группа из пяти семей, и они не просто хотят начать домашнюю церковь, но и желают жить как община. Наше первое собрание в воскресенье вечером. Не желаешь присоединиться?»

«Очень бы хотел посмотреть, что вы там будете делать, но боюсь, Джейк, что в твоём городе я так долго не задержусь».

Именно в этот момент я увидел еще одно знакомое лицо, направлявшееся ко мне. Пристальное исследование лиц в толпе стало просто привычкой с тех пор, как я покинул Городской Центр. Обо мне гуляло столько домыслов, что я устал их все выслушивать. А вот теперь самый злостный сказочник с «мельницы сплетен» должен был пройти мимо меня. Тот самый Боб, член Совета церкви, человек, с которым мы состояли в одной группе подотчетности и взаимной ответственности. Как раз тогда, когда я уже думал, он меня не заметит, наши взгляды встретились. Пытаясь быть вежливым, я протянул руку: «Боб, как поживаешь?»

Он нахмурился, развернулся и вскоре растаял в толпе. Я чувствовал себя полным идиотом с протянутой рукой. Лицо залило краской при осознании того, что Джон все это видел. «Терпеть не могу, когда так поступают», — сказал я, поворачиваясь лицом к полю. Джон развернулся в этом направлении тоже, поставив одну ногу на нижнюю перекладину ограждения и опершись локтями о верхнюю.

«С тех пор, как я ушел из Городского Центра — все то же самое. Люди, которые были близкими друзьями, разворачиваются и уносятся прочь, как будто никогда меня не знали. Боб и я были друзьями. Несколько месяцев назад я поддержал его в трудной ситуации, когда он проходил через сложные времена — проблемы с женой..., а теперь он даже руки мне не подает». Я покачал головой в недоумении. «И это еще не самое тяжелое».

«Не самое?»

«Я, конечно, терпеть не могу, когда люди, которые были друзьями, поворачиваются ко мне спиной, делая вид, что не заметили меня. Но эти-то хоть поступают более честно, чем те, которые плюют мне вслед, а на публике подбегают с объятиями и улыбками, делая вид, что ничего не произошло. Недавно на свадьбе столкнулся со своим бывшим пастором. Он тут как тут, подбежал, обнял, словно мы с ним друзья не разлей вода, а сам-то так и выпячивался, чтобы побольше людей заметило, какой он любвеобильный. Хотелось оттолкнуть его подальше, но не удобно было, жест был бы не очень вежливый».

«Это жутко печально, Джейк».

«Печально?! Да этому даже описания не подобрать!»

«Вот, значит, какие чувства от него ты испытываешь?»

«Я говорил не о его презрении ко мне, а о своем!»

«И я тоже, Джейк. Презрение других людей к тебе не может тебя касаться только в том случае, если ты не играешь в эту же игру».

«О какой это игре речь?» Именно в этот момент вопли с поля привлекли мое внимание к тому, как мяч, в результате затяжного паса свалился с неба прямо в руки очередного непобедимого Трояна, который благополучно не задетый никем рванул на последнюю зону.

«В этом году продует опять», — пробормотал я злобно. Явно было, что предстоял еще один год унижений по поводу поражения моей альма-матер.

«О какой игре я говорю? Да вот об этой! Все то, чего ты стоишь, сейчас привязано к тому, что смогут или не смогут сделать на этом поле пятьдесят школьников. Ты в игре, Джейк, и поэтому чувствуешь себя по-идиотски, когда люди не знают, как на тебя реагировать».

«Джон, ты о чем? Это же просто футбол, а я говорю о человеке — о живой крови и плоти».

«И я тоже. Привязывание своей сущности, своего достоинства к пятидесяти школьникам или ко лжи, которую кто-то распространяет о тебе — та же самая игра».

Трояны получили еще одно очко, я знал, что игра выходит из рамок моего ожидания:

«Кроме того, игра не честная».

«Не честная?»

«Нет. Тот защитник, который пробросил все тачдауны, должен был играть за нас. Он раньше жил в Пандероза, а когда перешел в старшие классы, перевелся в Секвойя. В этом городе лучшего спортсмена не найти. Ходят слухи, что тренер Секвойя всеми честными, а чаще нечестными путями заполучил парня к себе. Говорят, он посулил мальчишке бесплатное обучение в школе и поступление в колледж на дневное отделение после выпуска».

«Ты это точно знаешь?»

«Все об этом знают, Джон. Говорят даже, что у ребенка проблемы с наркотиками, а в школе это тщательно скрывают, чтобы он мог за них играть. С ним то им и региональный выигрыш обеспечен».

«Я правильно понял, ты говоришь о Крее Хансене?»

«А ты, что и его знаешь?»

«Я его отца хорошо знаю. Это он тот человек, с которым я завтракал, когда встретил тебя тогда утром в кафе, почти год назад. Я не думаю, что ты, Джейк, располагаешь правильной информацией. Крег — замечательный ребенок, и могу тебя заверить — у него нет проблем с наркотиками».

«Дела это не меняет — он оставил нашу команду».

«Ты, видимо, вообще ничего не знаешь. У мальчика умерла мать, когда он был в восьмом классе, и в этом же году рухнули все дела у отца. Они больше не могли содержать свой дом, им пришлось переехать к сестре отца и жить двумя семьями. Возможности возить мальчика на тренировки в школу, через весь город не было никакой. Парня и самого такой разворот событий просто убил. У него даже теперь в новой команде нет друзей. Его уважают за крепкий бросок, но вне игры он остается одиноким ребенком, потому что никто не проявляет к нему интереса в новой школе».

«Отличается от того, что мне говорили раньше».

«Но это правда. Я прошел с его отцом через все».

«Почему же он ни с кем не поделился? Парень просто пропал, а потом вдруг появился в команде ненавистных соперников?»

«Ему было трудно объяснять все одноклассникам. Его проблема не многим отличается от твоей».

«Что это значит?»

«Это значит, что он тоже знает, каково это, когда от тебя отворачиваются при встрече в супермаркете».

«Один ноль», — я покачал головой, улыбнувшись Джону. Как это я никогда не могу понять, в какую сторону он клонит, до тех пор, пока не становится очевидно. «Я отношусь к Крегу так же, как все те относятся ко мне».

«Это только одна сторона медали, Джейк. Ты пойман в забег, призом в котором является благоприятное мнение о тебе. Это игра, которой правит общество. Делаешь то, что от тебя ожидают — получаешь нескончаемый поток благорасположения. Перейдешь им дорогу — и они распнут твою репутацию, имея или не имея на то фактов».

«Мне жаль, что с Крегом все так. Я не знал».

«А мне жаль, что с тобой все так, Джейк. Религиозная система, чтобы выжить, должна играть в эту игру».

«Вот почему из „восходящей звезды“ я так легко превратился в отбросы общества?»

«Именно так», — отозвался Джон. — «И почему ты мог бы вернуться на горизонт в качестве все той же „восходящей звезды“ на следующий же день, если бы вернулся и раскаялся»

в проступке. Твое возвращение отпраздновали бы так же мгновенно, как и решение указать тебе на дверь. Все имеет смысл до тех пор, пока ты остаешься в игре».

Мы оба уставились на футбольное поле. Но я уже давно не следил за ходом игры. И тут вдруг меня осенило: «Так значит, несмотря на то, что я ушел с поля игры, я все еще продолжаю в нее играть?»

«Однозначно»,— улыбнулся Джон,— «Легко выпасть из системы — тяжело вырвать ее из своего нутра. В эту игру играют и внутри системы и вне нее. Благорасположение, которое ты имел тогда, исходило из того же самого источника, что и презрение теперь. Вот почему тебе так больно, когда до тебя доходят глупые слухи или когда ты видишь, как прежние друзья отворачиваются в смущении. Истина заключается в том, что многие из этих людей по-настоящему беспокоятся за тебя. Они просто не знают, как это теперь выразить, поскольку ты больше не играешь за их команду. Они не плохие люди, Джейк,— просто братья и сестры, затерявшиеся в том, что не настолько духовное, насколько они об этом думают».

«Андреа, моя дочь,— сказала, что на прошлой неделе случайно услышала разговор двух учителей. Они не знали, что девочка находится за дверью туалетной комнаты, когда проходили мимо. А она, услышав мое имя, решила задержаться и послушать. Андреа узнала голос одного из них, который принадлежал к совету служителей в Городском Центре и преподавал у них в школе. Он делился со своим коллегой, как мой уход неблагоприятно повлиял на церковь, и, что по слухам у меня проблемы с алкоголем».

«Ну и как она отреагировала?»

«Я спросил, что она по этому поводу думает, и, честно говоря, ее ответ меня поразил. Она сказала: Папа, когда копаешь яму,— я полагаю — грязь, которую ты кидаешь, летит в тех, кто стоит рядом?,— и тут же убежала играть дальше».

Джон смеялся от души так, как я никогда раньше не слышал. «Вот это молодец! Просто невероятно, как дети могут видеть все насквозь, игнорируя всякие игры. Ее мнение о тебе не меняется и не зависит от того, что могут говорить другие. Она — вне игры».

«Но почему те другие люди не могут понять, насколько эта игра разрушительна? Они же верят в ложь!»

«Они не хотят этого понимать, Джейк. Религиозная система играет на страхах людей тогда, когда они еще не научены тому, как жить в Отцовской любви, следовать Его голосу и полагаться на Него во всем. А потом они уже и не могут сделать ничего против того места в игре, которое они заняли,— иначе просто не будут знать, как быть дальше. Помнишь нашу прогулку по вашей воскресной школе примерно год назад? Мы привязываем людей к системе кнута и пряника с ранних лет, так что они знают, как использовать эту систему ценностей в течение всей жизни».

«И часть обучения включает то, как изолировать тех, кто не желает принимать участия в игре»,— я глубоко вздохнул. «Я то точно знаю, как это делать. Просто с другой стороны оказался впервые — и понятия не имел, каково оно — быть тут».

«Организованность производит такой тип дружбы, в основании которой лежит совместное достижение определенных задач. Пока вы нацелены на одну и ту же задачу — вы друзья. Если нет — к тебе просто относятся как к поврежденному товару. Теперь ты знаешь, каково это — быть по другую сторону, и основное, что производит в тебе сейчас Христос — это полное освобождение от участия в игре, чтобы ты мог глубоко прорасти в Его жизни, а не беспокоиться о том, что могут о тебе думать другие».

«Меня это мучило всю мою жизнь».

«И пока тебе важно знать, что о тебе думают другие люди, важно получить от них одобрения твоих действий,— ты всегда будешь оставаться жертвой, потому что всегда найдется кто-либо, желающий сказать о тебе ложь».

«И что тогда — просто принять это как есть?»

«Ты еще узнаешь, как наилучшим образом с этим справляться, но это потом. Сейчас тебе есть смысл понять, что необходимость убедить других в том, что ты прав на самом деле — твое стремление, а не стремление Бога. Ты когда-нибудь замечал то, что Христос слишком мало уделял внимания тому, какую реакцию он вызывал на публике? Тогда, когда Его не понимали, и даже обвиняли в ужасных преступлениях, Он никогда себя не оправдывал, и более того, никогда не позволял этому увести Его в сторону от того, что наметил для него Отец».

«То есть, Он просто не вступал в игру».

«Абсолютно точно, Джейк, а теперь Он еще помогает и тебе прекратить в нее играть. И когда это произойдет, ты не поверишь, с какой легкостью ты сможешь помогать другим обретать эту свободу».

«Думаю, что уже свершилось. Я больше не играю!»

Джон снова усмехнулся: «Хотелось бы, чтобы это свершилось вот так легко. При всем осознании неправоты тех, кто осуждал тебя, ты все-таки реагировал. С чего ты думаешь, что все прямо сейчас и закончится? Это немного еще протянется для тебя, Джейк,— это процесс. Даже боль отчуждения — и то, часть всего этого. И Господь использует все вокруг тебя, для того чтобы помочь тебе понять: гораздо важнее, что Господь думает о тебе, чем то, что думают о тебе окружающие люди».

«Вот почему я так увлечен мыслью о нашей новой домашней церкви. Здесь то мы сможем иметь дело с настоящими отношениями, именно такими!»

Я ожидал услышать слова поддержки и одобрения в моем движении к новому, но он посмотрел на меня так, словно я не понял ни слова из всего того, что он сказал.

Я задумался на мгновение, почему бы это,— и тут меня осенило снова: «Это что, тоже игра?»

«Не обязательно»,— ответил Джон.— «Но в том смысле, как ты к этомуходишь, может стать ею».

«Что ты имеешь в виду?»

«Если для тебя это является лишь новым местом для того, чтобы показать, кто ты есть и закопать свой позор, доказав всем, что ты можешь основать такую церковь, какая другим даже и не снилась, то ты просто утоляешь тот же голод, только продукты — из другого холодильника. Я понял это, когда ты назвал это движение великим Божьим прорывом. Ты все еще рассматриваешь себя конкурентом другим братьям и сестрам. Невозможно любить того, с кем состязаяешься, а если ты ведешь счет очкам, то — будь уверен — ты состязаяешься».

«Значит, нам даже не стоит начинать?»

«Я этого не сказал, Джейк. Я надеюсь, что ты просто доверишься Богу и позволишь Ему ввести в твою жизнь тех братьев и сестер, с которыми Он назначит тебе пройти часть твоего пути теперь. Меньше всего думай о том, чтобы „начать“ что-то, просто учишь разделять свою жизнь в Боге с другими людьми, которых Бог вывел на тот же путь, что и тебя. Не пытайся подкормить свое стремление быть большим праведником, чем другие. Не делая этого, ты сможешь более точно понять, что Он производит в тебе».

Именно в этот момент кто-то схватил меня в тесные объятия со спины. Сердце екнуло, мысли понеслись в догадках, кто же это может быть, пока я не услышал слова: «А я — то думаю, куда ты мог подеваться?»— это была моя жена, Лори,— «И где же попкорн, где содовая?»

Я обнял ее и, оглянувшись, вдруг обнаружил, что игра почти закончилась. «Я тут встретил кое-кого и увлекся беседой. Вот, позвольте представить — это Джон, тот, о котором я тебе столько рассказывал».

«Не может быть»,— сказала она, прижавшись ко мне и подав Джону руку для пожатия.

Он пожал ее руку и улыбнулся: «Очень приятно с вами наконец-то познакомиться».

«Ну, на 2000 лет вы конечно не тянете»,— сказала Лори к моему стыду, оценивая его с прищуром. Все прошедшие беседы с Джоном и наша дружба как-то вытеснили мои первоначальные догадки о том, что он мог бы быть Апостолом Иоанном.

Я попытался, было вставить что-то, но Джон меня опередил: «Внешность бывает обманчива»,— он улыбнулся, подмигнув.— «Хотел бы я с вами поболтать подольше, но мне нужно встретиться кое с кем до конца игры. Надеюсь, Лори, что у нас еще будет возможность продолжить разговор».

«Ну, вот так всегда! У меня еще остались вопросы!»

«В другой раз, вне сомнений»,— сказал он именно в тот момент, когда толпа на противоположных трибунах взорвалась снова восторгами. Я взглянул на поле лишь затем, чтобы убедиться — Трояны заработали еще одно очко. Беглый взгляд на табло, чтобы удостовериться — счет 24–10 за минуту до окончания игры.

«Тебе, наверное, хочется прибить этого защитника?»— сказала Лори, покачав головой.

«Уже нет»,— ответил я. Лори подняла на меня глаза, полные удивления: «Мужчина, я случайно, не обозналась?»— спросила она, пытаясь поймать мой взгляд.

К тому времени, когда мы вернулись вниманием к Джону, его уже не было. Мы оба кинулись искать его глазами в толпе, пытаюсь выяснить, в каком направлении он исчез, но это было бесполезно.

ГЛАВА 8. Все тайное становится явным

Вот так — я понятия не имел, что теперь делать с этой информацией, которую только что выложили передо мной. Наконец-то у меня был компромат на моего бывшего пастора, но я ума не мог приложить, что теперь с ним делать. Если бы мне было известно год назад то, что я знал теперь, у меня даже и не возникло такого глупого вопроса.

Все родилось в результате случайной встречи в торговом центре. Я заскочил на минуту, только для того, чтобы купить подарок для жены в честь нашей годовщины, да схватить чего-нибудь на обед — перекусить прямо перед встречей, назначенной на 13:30. Я был увлечен чтением журнала новостей недельной давности и как раз, откусив, положил свой чизбургер на стол, расположенный в центре закусочной. Я отвлекся, переворачивая страницу, и тут заметил ярко красное платье прямо перед моим столиком. Поднял глаза — передо мною знакомое лицо, которого я уже давненько не видел.

«Могу я поговорить с тобою буквально минуту?» — Диана задала этот вопрос, тяжело дыша и озираясь так, как будто опасалась преследования полиции.

«Да конечно, присаживайся», — пробормотал я с полным ртом и отодвинул свои вещи немного в сторону, чтобы она могла сесть рядом за малюсеньким столиком. Она беспокойно села рядом, мне трудно было не оценить ее красоты: длинные темные волосы спадали на плечи, особо подчеркивая живые голубые глаза. Нахмуренные брови, сжатые губы и печальные глаза говорили, однако, о том, что не все в порядке. Я был знаком с ней с тех пор, как она — яркая, отважная молодая девушка — появилась в Кингстоне, поступив в местный государственный колледж. Немедленно после выпуска из него она выскочила замуж за парня, который начал избивать ее практически с первых дней их совместной жизни. В конце концов, она с ним развелась, и наша церковь была рядом с ней почти все время в течение этого жуткого процесса. Это было почти три года назад. И с тех пор я ее не видел. «У тебя все в порядке?» — спросил я.

«Живу одним днем, и это не легко. Но я здесь, чтобы спросить, как ты и Лора. Как выживаете? Я слышала, что Джим сделал с тобой, и я с тех пор очень переживаю за вас с Лорой. Вы-то как там вдвоем?»

«Спасибо Диана, что спрашиваешь. Сам этот факт для меня значит гораздо больше, чем ты думаешь. В общем-то, совсем нелегко. Мне было трудно вернуться работать в недвижимость и со многими людьми нам пришлось расстаться. Некоторые из них до сих пор стараются не встречаться с нами на людях, а некоторые распространяют о нас нелепые слухи».

Диана снова пошарила глазами по торговому центру и беспокойно поправила волосы. После неловкой паузы она подалась вперед и заговорила практически шепотом: «Я знаю, что мне, наверное, не надо говорить тебе об этом. Мне жутко стыдно и, клянусь, больше этого от меня никто не услышит». Она закусила губу, глаза смотрели поверх меня — было ясно, что она подбирает правильные слова. «Это о пасторе Джиме...» Ей пришлось подавить рыдания, которые уже стояли в горле. «Есть то, что ты должен знать...» голос срывался. Я потянулся и дотронулся до ее руки, лежавшей на столе: «Диана, если это трудно — ты не обязана мне ничего рассказывать».

«Он воспользовался моим трудным положением», — отрывисто вырывались слова сквозь напращивавшиеся рыдания. Я даже не догадывался о чем это она, и как раз когда я пытался сообразить, какой вопрос ей задать, чтобы помочь объясниться, она собралась с силами и продолжила: «Я уже давно борюсь с желанием рассказать все тебе, а сегодня, когда увидела тебя здесь одного, решила, что должна».

Явно не раз продуманными словами она рассказала мне о том, что у них с Джимом была связь в течение трех месяцев. Во время развода и почти год после него, она жила в свободной комнате у них дома. Ближе к концу всего этого времени у нее с Джимом завязался роман и он сказал ей, что думал развестись с женой ради нее. Внутри нее все еще шла борьба по поводу свершившегося, и она то обвиняла во всем себя, то Джима. «Я не должна была соглашаться жить у них. Для него это было непреодолимое искушение, особенно при тех проблемах,

которые у него были с женой. Они постоянно конфликтовали. Однажды утром я проснулась и решила, что больше так не могу, собралась и съехала». Слезы уже во всю катились по ее щекам.

Я вжался в спинку стула, в полном недоумении, что же теперь сказать. Вспомнилась беседа с Джимом, которую я инициировал тогда, когда Диана перестала ходить к нам в церковь, сразу же после переезда из их дома. Я спросил, не случилось ли что, и он отмахнулся от вопроса с презрительной беспечностью: «Она просто поняла, что ее нужды будут больше восполнены в другой церкви, с более молодой паствой». Я был несколько обескуражен таким ответом, учитывая их тогдашнюю тесную дружбу. Она приподнялась, чтобы идти: «Я об этом никому не рассказывала, и если ты попробуешь где-нибудь заикнуться о произошедшем, я скажу, что ты лжешь. Но я уверена, что тебе об этом надо знать».

Она встала, и я тоже быстро приподнялся из-за стола. «Подожди»,— умоляюще произнес я, когда увидел, что она попятилась назад,— «Мне так жаль, что все это произошло. Я не могу ничем.....?»

«Прошу тебя, даже не пытайся»,— сказала она срывающимся голосом, подняв обе руки как бы обороняясь,— «Мне надо идти, мне очень жаль».

И она побежала от меня прочь — я несколько раз ее окликнул и тут же почувствовал на себе странные взгляды дюжины человек вокруг. Неловко улыбнувшись, я сел в глубоком раздумье. Меня не переставало удивлять то, как мои отношения с Джимом вдруг внезапно так изменились. Но это объяснение было совсем не радостным. Доедать чизбургер уже не хотелось, и чем дольше я сидел, тем больше наполнялся злобой. Значит тот, кто оболгал меня, сам жил во лжи. Я понятия не имел, как теперь себя вести.

Я встал, чтобы идти, и вдруг поймал себя на том, что впервые за долгое время опять ищу в толпе знакомую фигуру Джона. Я его не видел с той футбольной игры — почти четыре месяца назад — и вспоминал его с исключительной благодарностью за те мысли, которые он помог мне открыть. Свалившаяся на меня новость не оставляла мне выбора — я хотел поговорить с ним снова. Я также вспомнил, что Джон еще давно спрашивал, что такое мог Джим скрывать. Тогда я даже в страшном сне не мог себе этого представить.

Первая попытка обнаружить предмет поиска результата не дала, и я в досаде подумал, что он так и не дал мне ни единой возможности как-нибудь с ним связаться: ни телефона, ни электронного адреса. И я побрел через торговый центр в направлении автомобильной стоянки к своей машине. Проходя мимо фонтана в центре магазина, я вдруг его увидел. Он сидел на скамейке с ребенком, который играл у него на руках и разговаривал с каким-то молодым человеком. Я покачал головой и улыбнулся. Джон как всегда гармонично вписывался в окружающую его картину.

Я направился к ним, а молодой человек как раз в это время встал, пожал Джону руку, сгреб карапуза у него с колен и усадил в коляску. Малыш повернулся, чтобы помахать «дяде до свидания», а Джон ответил ему улыбкой. Я незаметно подсел рядом. Повернувшись, он не смог скрыть удивления. Его лицо растянулось в еще большей улыбке, а рука потянулась обнять меня за плечо. «Джейк, вот это приятный сюрприз!»

«Поверить не могу, что ты оказался тут. Я только что о тебе вспоминал». Махнув в сторону удалившегося папаши, я спросил: «Это тоже друзья?»

«Теперь, может быть и да. Я только что с ним познакомился здесь на скамейке, пока он ждал свою жену. Пока играли с Джейсоном — прекрасно поговорили. Парень не уверен, есть ли у него какие-либо отношения с Богом, но это потому, что пока он еще не познал Его силу в своей жизни. Но тут совсем другая история. Как ты сам, Джейк?»

«Не поверишь, что мне сейчас пришлось услышать». «О чем это?»

«Помнишь, когда-то еще давно ты спрашивал, что такого мог скрывать мой бывший пастор, когда он так отдалился от меня? Ну, так вот, я только что узнал, что пару лет назад у него была связь с женщиной, которой пришлось остановиться у них в доме. Эта женщина в тот момент разводилась с мужем».

Улыбка Джона быстро ушла с лица, сменившись выражением боли, было очевидно, как печаль пронизала его чувства. Когда из его глаз потекли слезы, я услышал, как он почти выдохнул шепотом: «Господи, прости нас».

Как могло так случиться: то, что вызвало во мне такой задор, породило в нем такую скорбь?

«Ты в этом абсолютно уверен?»— спросил Джон.

«Та самая женщина только что подошла ко мне несколько минут назад и рассказала мне все. Она посчитала, что я должен об этом знать».

«Она сама — в каком состоянии?»

«Состояние не очень. Но она не пожелала остаться и поговорить об этом. Рассказала и тут же убежала».

Я все еще видел эту боль у него в глазах, а он просто смотрел сквозь магазин. После неуклюже затянувшейся паузы он, наконец, продолжил. «И что ты намерен делать?»

«Я не знаю. Именно поэтому и желал этой нашей встречи. Его нужно вывести на чистую воду. Это, по крайней мере, реабилитирует меня».

«Каким это образом?»

«Это откроет всем глаза на то, что он лгун. И тогда все узнают всё!»

«Ты уверен, что хочешь это сделать?» Я смотрел в его глаза все еще наполненные слезами.

«Нет, я не хочу»,— сказал я не настолько искренне, насколько мне хотелось бы.— «Но разве не должен кто-то это сделать?»

«Это не твое дело, Джейк. Ты отвечаешь только за то, что призван сделать».

«Но никто же больше не знает, Джон,— кроме этой самой женщины. А я не думаю, что она пойдет махать саблей». Джон не отвечал и опять молчал.

«Ну, так, что ты считаешь, я в этой ситуации должен делать?»— в конце концов, спросил я.

«Я не могу диктовать тебе, что делать, Джейк. Но я думаю — тебе не надо брать на себя ответственность и решать, какой оборот этой ситуации будет оптимальным. Спроси Отца своего Небесного, что Он положил тебе исполнить. Но это уж точно не то, что закончится твоим триумфальным шествием».

«Надеюсь, это не прозвучало у меня именно так».

Джон передернул плечами: «Какая разница, как это прозвучало? Важно как это на самом деле».

«Но я хочу, чтобы люди увидели эту трухлявую систему во всей красе, Джон. Этот человек оболгал меня и выгнал с позором, обманул эту женщину и до сих пор обманывает тех, кто приходит туда. И ему все сходит с рук!»

«Никому ничего не сходит с рук, Джейк. Он платит по своим счетам так, как ты даже себе представить не можешь. Не забывай, что грех сам по себе уже наказание. Он не только удаляет этого человека от того, кем ему назначил Бог быть, но и разрушает других людей окружающих его, даже если эти люди не догадываются, почему все так происходит. Окружающие уже чувствуют его опустошенность и внутреннюю битву».

«Но разве не нужно раскрыть им все, что он сделал — прилюдно? Я хочу, чтобы все узнали правду!»

«А разве они ее уже не знают? В конце концов, он не более того, кто он есть на самом деле, и вовсе не тот, кем он себя представляет».

«Но внешне это не так. Люди думают, что он праведный божий человек».

«Вот где преткновение, а?! Когда ты не доволен действительностью, ты всегда беспокоишься о том, как все выглядит».

«Не думаю, что так, Джон»,— злоба в голосе удивила даже меня самого. Он пытался отобрать у меня такую бомбу, которая была уже у меня в руках, и превосходила все то, о чем я мог мечтать весь этот год.— «Его просто должны увидеть в истинном свете!»

«Разве это не то, что уже произошло? Он предал дружбу ради того, чтобы защитить свое положение и солгал всему собранию, распустив о тебе дурную славу. Разве надменность уже не просачивается сквозь все сферы его жизни? Почему вам протестантам кажется, что если дело касается сексуальных связей, то уже дальше некуда?»

Должен отметить, что меня это удивило. Я действительно думал, что грех прелюбодеяния был худшим из всего. После оглушающего молчания я ответил сквозь сжатые зубы: «По крайней мере, это наглядно покажет насколько все плохо».

«Не злись на меня. Не я же все это сделал».

«Прости, Джон. Я просто не ожидал, что ты так на все это отреагируешь. Я думал, эта ситуация привлечет на нашу сторону многих».

«Это что за сторона такая?»

«Как? Ну, все те, кто противостоит подложной системе организованной религии, люди, преданные движению новозаветной модели — домашней церкви».

«По мне, так это вовсе не как та сторона, на которой я бы хотел быть. Разве ты слышал от меня подобное?»

На этом этапе я просто был ошарашен тем, куда Джон завел нашу беседу: «Ну..., ты же сам помог мне разобраться с несостоятельностью организованной религии. Разве ты не выступаешь за глубокие и искренние отношения между верующими?»

«Одно дело смотреть сквозь все и другое дело противостоять этим верующим. Я полностью за то, чтобы верующие учились тому, как идти вместе, разделяя искреннюю дружбу, но мы с тобой еще даже и не начинали разговора о том, как это может произойти».

«Разве не всегда это производит одно и то же — таких вот Джимов, которые представляют из себя лидеров церкви, а на самом деле лгут и обводят вокруг пальца других? Я уже от этого устал, Джон».

«Ну не все же лгуны, Джейк. И не все группы заканчивают так пагубно. Те верующие, которые относятся к своим лидерам, как к имеющим особое помазание, чаще всего оказываются ими обмануты. Похоже на то, что те люди, которые принимают на себя — или на которых возлагают большую человеческую власть, забывают практику того, как нужно говорить нет своим аппетитам и страстям. Очень легко любому из нас впасть в служение самому себе, думая при этом, что мы служим другим, поддерживая деятельность организации. Но не все из тех, кто этому подвержен, заканчивают так плачевно. Многие — действительно служат, искренне желают помогать другим. Они убеждены, что таким образом делают это наиболее эффективно. Всегда необходимо отделять пагубность системы от душ людей, которые в ней состоят».

Любая человеческая система когда-нибудь да приходит к тому этапу, на котором она ожесточает именно тех, кому призвана служить, а те, кого она обезчеловечивает больше всего — это люди, которые думают, что руководят ею. Но не все состоящие в системе разделяют ее приоритеты. Многие возвращаются внутри, не будучи поработанными ею. Они живут жизнью Отца и милостиво оказывают поддержку другим, когда Господь открывает им такую возможность».

«Меня это все не волнует, Джон. Я просто хочу, чтобы грех Джима был выставлен на показ всему свету». Я почувствовал, как мое лицо загорелось гневом, а руки сжались в боевые кулаки.

«Джейк, на что ты так злишься? Я тебя таким никогда еще не видел».

Я, наконец, откинулся на скамейке, глубоко вздохнул и выдохнул, выпустив вместе с этим наружу часть своего напряжения. Я действительно не хотел биться с Джоном, просто хотел услышать то, что он должен был сказать. Мои следующие слова уже не были такими агрессивными, но более испытующими. «Не уверен, что понял тебя».

«Я не могу понять. Твои ответы настолько далеки от того, о чем мы говорим, что я просто не могу догадаться, что еще тебя так взводит?»

Я на минуту задумался. «Единственное, что как мне кажется, я правильно понял — не стоит подвергаться тирании мнения других людей. За последние несколько недель я даже не чувствовал того долго преследовавшего меня чувства стыда при встрече с людьми, которые раньше были мне друзьями. Я это воспринял как благословение».

«Так и должно быть», — сказал Джон с улыбкой.

«А теперь ты обращаешь все это против меня. Ты просто думаешь, что я хочу отомстить Джиму».

Он подался ко мне и приобнял меня за плечо. «Джейк, ничего подобного я не думаю. Поверь мне, я знаю, как тяжело от всего этого. И я думаю, что ты проходишь это испытание как нельзя лучше. Я просто не хочу, чтобы ты взваливал на себя то, что будет тащить еще тяжелее».

«Да. Пожалуй, тяжело мне во многих сферах. Возвращение в недвижимость оказалось качественным выстрелом мимо цели. На прошлой неделе в последний момент развалилась очень серьезная сделка. Если бы она состоялась, то обеспечила бы мне спокойную жизнь на несколько лет. Денег нам хватает, только чтобы едва-едва сводить концы с концами каждый месяц, и никогда нет никакой уверенности в том, как же мы проживем следующий. Я надеялся, что к этому моменту у меня уже будет какая-то стабильность в жизни».

«Может, ты ищешь стабильность не там, где надо, Джейк?»

Я уже ненавидел тот вопрос, который задавал не в первый раз: «И что бы это значило?»

«Ты, Джейк, научился измерять свою стабильность теми условиями, которые тебя окружают, своей способностью просчитать заранее, как все должно состояться».

«А что в этом плохого?»

«Я же не сказал, что это плохо. Я просто сказал, что это не поможет тебе ориентироваться в Его Царствии. Когда мы заглядываем в будущее, мы уже не слушаем, что говорит Отец. Все то, что мы предпринимаем, в целях обеспечить себе стабильность — по нашим понятиям — фактически обкрадывает нас, забирая простую свободу следования за Ним сегодня. Мы обращаемся к своей собственной мудрости вместо того, чтобы прибегать к Его. Самая большая свобода, которую может дать тебе Господь, — это довериться тому, что в Его власти позаботиться о каждом твоим дне».

«Вот тут-то для меня все больше всего и запутано, Джон. На сегодня у меня всего достаточно: денег, чтобы решить все сегодняшние вопросы; друзей, которые поддерживают по жизни; достаточно и милости Божией, чтобы преодолеть надоедливые слухи от „доброжелателей“. Только лишь тогда, когда я заглядываю в будущее, я начинаю нервничать. И я не знаю, как с этим справиться ни сейчас не в будущем».

«Мы все проходим по одному и тому же пути, Джейк, и я точно понимаю, что ты имеешь в виду. Но это все оттого, что мы сейчас не можем видеть то, что Господь произведет в будущем. Мы видим только то, что сами можем произвести. Ты думаешь, что обнародование связи Джима с этой девушкой решит все, тогда как на самом деле оно не решит ничего. Люди, которые не чувствуют его высокомерия, не поверят и в факт его грехопадения. Если он однажды был замешан в предательстве, выдумать очередную отговорку для него не составит большого труда».

«Об этом я как-то не задумывался. Но мысль о том, что люди думают о нем как о праведном меня просто мучает.»

«Но они же только думают, что он праведен. Это иллюзии. Иллюзии, не смотря на то, что бывают очень стойкими, остаются всего лишь иллюзиями».

«Но многие так и живут этими иллюзиями».

«Да, но только тогда, когда хотят этого. И я не хочу, чтобы и ты впадал в иллюзии. Ты сейчас для всех — плохой, тогда когда ты то знаешь, что это не правда. Тебе кажется, что ты на грани финансового краха, но это тоже не так. Никогда не позволяй этой, не более чем видимости, становиться твоей реальностью».

«Но я хочу. Чтобы другие узнали правду, Джон. Почему они должны жить в своих иллюзиях?»

«Вера в ложь — это не то, что кто-то должен или не должен делать. Это капкан, в который попадают очень часто. У тебя есть информация, которая поможет тебе лучше разобраться в том, что происходит на самом деле. Позволь Богу самому определить для тебя, что с этой информацией делать. Не думай, что растрюбить ее сейчас — это единственное, что Он желает, особенно в твоим случае, когда особый выигрыш достается только тебе».

«Ну, разве людям в церкви не надо знать?»

«Если Отец пожелает, то они узнают».

«Но я же один, кто знает, не считая тех двоих, у которых есть все причины к тому, чтобы скрывать это от всех».

«Да, так может показаться, Джейк».

«Но если мы не скажем, то Бог сам не сможет, Так, по крайней мере, меня учили».

Джон удивленно усмехнулся: «И это самая сильная ложь из всех, которые я сегодня услышал».

«Неужели?»

«Ужели! У Бога не мерянное количество вариантов сделать то, что Он наметил».

«Но разве мы — не часть этого, Джон?»

«Мы — часть этого, но не самая большая часть. Мы всего лишь должны исполнить то, что Бог положит нам на сердце и сомнение в том, что Он способен произвести в нас это — не самый лучший способ услышать то, что Он говорит. Самая великая ложь нашей надломленной вселенной — это то, что Богу нельзя доверять, и что нам лучше позаботиться о себе самим».

Это именно та ложь, которая увлекла Еву. Змей убедил ее в том, что поскольку у Бога есть какие-то скрытые мотивы, ей не стоит верить Его словам. В недоверии Богу она совершила то, что казалось наилучшим в ее глазах. Но это имело свои результаты, не так ли? И всегда имеет, Джейк. Наше наихудшее состояние духа, Джейк, всегда результат того, что мы ухватили для себя то, что Отец нам не давал.

Мы должны жить Его силой, не своей собственной. Вспомни, что Писание говорит о Силе Бога: Он в силах одарить вас всякими дарами в избытке, и тогда у вас всегда и всюду будет все необходимое и еще с избытком хватит на любое доброе дело. Слава Тому, чья сила, действуя в нас, способна совершить несоизмеримо больше, чем все то, о чем мы можем попросить или даже помыслить. Я знаю, Кому я поверил, и уверен, что Он способен в целостности сохранить то, что было мне доверено, вплоть до того дня. Поэтому Он и может всегда спасать тех, кто приходит через Него к Богу, ибо Он живет вечно, чтобы ходатайствовать за них и Тому, кто способен уберечь вас от падения и поставить незапятнанными и ликующими пред лицом Своей Славы... да будет слава и величие.....

Посмотреть,— так столько возможностей остается неиспользованными, когда мы думаем, что должны все делать своими силами. Наши самые неразумные поступки совершаются тогда, когда мы пытаемся сделать что-то для Бога, в полной уверенности, что единолично Он с этим не справится».

«Так что мне теперь, сидеть и ждать?»

«Кто сейчас хотя бы заикнулся о том, чтобы сидеть и ждать? Учиться жить в доверии Богу — самая тяжелая часть этого путешествия. В нашей обычной жизни столько энергии тратится в опасении за то, что Бог не стоит на нашей стороне! Мы даже понятия не имеем, какие дела могут быть произведены посредством доверия Ему. Доверие не превращает тебя в бездельника. Если ты будешь следовать за Ним во всем, Джейк, ты обнаружишь, что будешь занят гораздо больше, чем когда-либо, но это будут не лихорадочные потуги отчаявшегося человека, а простое послушание любимого Отцом дитя. Вот все, чего хочет Отец».

«Это же касается и собраний, Джон?»

«Тут дела обстоят даже хуже. Коллективная мысль, рожденная верующими, которые совершают совместные дела больше на основании страха, чем на основании доверия к Богу, приведет к еще более разрушительным результатам. Они будут постоянно путать свои планы с Божьей мудростью. Поскольку одобрения своих действий они получают от других людей, они никогда не смогут поставить их под сомнение, даже тогда, когда тяжелые последствия их дел будут очевидны».

«Жуткая картина, Джон».

«Я это наблюдаю уже многие годы. Я видал и такое, когда Божье имя цепляли на откровенный абсурд».

«Тебя это не выводит из себя?»

«Раньше выводило, должен признать. Но я пришел к пониманию того, что Он гораздо выше всякой нашей возни, которая предположительно может запятнать Его имя. Его замысел преодолет все самые величайшие падения человечества — даже те, которые совершаются от Его имени».

«Так, а каким образом это относится к собраниям? Помнишь, я рассказывал тебе о той домашней церкви, которую мы начинали в прошлый раз, когда мы виделись?»

«Помню, и как дела с церковью?»

«Все началось мощно, но с тех пор сошло на нет. Люди приходят только тогда, когда это удобно, и если приходят, то всегда ждут, когда кто-нибудь все за них сделает. Мы можем тарашиться друг на друга просто не зная, что дальше делать. Люди просто не достаточно берут на себя ответственности, чтобы исполнять работу».

«Если речь идет об ответственности, может, тогда вы что-то упустили?»

«Например?»— подвел я его к объяснению.

«Не знаю. Духовный голод... действительность... Божье присутствие, возможно. Может быть целый ряд всего, но если вы не разрешите этого вопроса, то что бы вы ни делали совместно — не будет празднованием Божьего присутствия, а будет просто попыткой чем-то ее заменить. А никакая подмена Бога нас не сможет удовлетворить. Вот почему мы пытаемся обязать людей посещать собрания, вместо того, чтобы оснастить их всем необходимым, чтобы жить в Ком-то. Я пришел к выводу, что как только люди обнаруживают, что означает жить в

Отце, то никаких обязательств не требуется, чтобы они жили в постоянной связи друг с другом. Бога достаточно, чтобы держать их вместе».

«Но разве мы не учимся тому, как доверять Ему через Его тело?»

«Конечно, мы можем помогать друг другу возрастать в доверии, но эта помощь является необходимым условием совместной жизни в Боге, а не плодом ее. Вспомни свою жизнь в Городском Центре. Сколько решений и тактик было разработано и принято только из-за того, что вы боялись: вдруг люди не придут, не возрастут, не дадут денег, разойдутся в разных направлениях и пропадут?»

«Пожалуй, что 90% всех решений»,— ответил я.— «Большая часть решений была основана на страхе: а вдруг кто-то сделает ошибку и нанесет ущерб себе или выставит собрание с глупой стороны».

«Тогда 90% того, что вы совершали, было основано на страхе, а не на доверии. И вы распространяли этот страх на других, чтобы таким образом связать и вовлечь их тоже. Тебе еще предстоит узнать, какой может быть жизнь в Теле Христовом, когда она основана на доверии Богу, а не на страхе». Я совсем забыл о своей встрече, назначенной на 13:30, спохватившись только тогда, когда мой случайный взгляд упал на часы выше фонтана. Они показывали уже 13:40.

«Джон, мне уже нужно бежать. Я должен был встретиться с клиентом десять минут назад в своем офисе. Но я хочу узнать об этом побольше. Можно мне попросить у тебя номер телефона, чтобы связаться с тобой?»

«Да у меня нет номера, Джейк, чтобы по нему можно было меня застать. Я слишком часто передвигаюсь для этого».

«А о мобильных у тебя есть понятие? Об электронной связи?»

«Понятие есть, да только пользоваться ими мне как-то не приходится!» Он пожал плечами.

«Так. Это означает — довериться Отцу в этом тоже?»

«Он достаточно вовремя всегда нас сводил до сих пор, разве нет?»— сказал Джон, подмигнув. Я хмыкнул в подтверждение.— «Ну и почему же не продолжить таким же образом?»

«Но я бы хотел, чтобы ты пришел и поучаствовал в нашей домашней церкви как-нибудь. Я делился с людьми некоторыми нашими беседами, они бы были рады познакомиться с тобой лично».

«Я буду тоже рад познакомиться с ними как-нибудь в будущем. Когда вы встречаетесь?»

«Обычно по вечерам в воскресенье. Может, будет возможность прийти на этой неделе?»

«Нет. На выходные меня в городе не будет. Давай я тебе позвоню, когда окажусь здесь на выходных?!»— ответил Джон.

Я вручил ему свою визитку: «Прости. Надо бежать. Но, пожалуйста, позвони!»— я услышал его заверения уже по ходу своего движения в сторону стоянки.

Развернувшись от него, я не мог не заметить яркое пятно красного платья. Это была Диана, она выходила из отдела “Sears”, держа под руку мужчину, который катил перед собой детскую коляску. Это был тот самый парень, которого я еще раньше видел с Джоном. Она улыбнулась, заглянув ему в глаза и обняв обеими руками его руку. Что это может быть такое — подумал я.

ГЛАВА 9. Шоры... только под другим названием

«Значит, ты считаешь, что этот Джон был одним из тех самых учеников Иисуса?»— спросил Бен, наклоняясь к спинке дивана.

«Кто тебе такое сказал?»— спросил я, оборачиваясь от окна и заглядывая в глубь комнаты.

Бен повернул лицо к моей жене, Лори, которая отдалась улыбкой: «Ну, ты же так думал».

«Теперь то это выглядит несколько абсурдно, не правда ли?»— Бен снова посмотрел на меня с хитрой улыбкой. Мы вели с ним вместе домашнюю группу, пока я работал в Городском Центре. После моего увольнения он отыскал меня и выразил желание начать домашнюю церковь. Шутник он был от природы, и подавать ему лишний повод для шутки было не в моих интересах.

«Согласен, но жаль, тебя не было тогда там, где я его встретил. Все было очень необычно. Позже, я еще подумал о том эпизоде, где Иисус говорит Петру, что ему не стоит сравнивать себя с Иоанном, даже при условии, что Он оставит последнего жить до Второго пришествия. Я поразмыслил, сосчитал все как два плюс два...»

«И получил семнадцать»,— Бен разразился хохотом и заразил им всех других людей в комнате. А в ней уже собралось почти двадцать человек, ожидающих появления Джона. Кое-кто сидел в передней, остальные возились на кухне и носили блюда на террасу, где на столе мы располагали общее «чем богаты, тем и рады». Джон позвонил мне три дня назад и сказал, что будет в городе и будет рад посетить нашу группу, если мы не против.

«А что ты теперь думаешь по поводу того, кем он может быть?»

«Честно говоря, рассуждения по этому поводу стали для меня уже не столь важными. Кто бы он ни был, я убежден, что он знает Отца так, как я хотел бы знать, и следует за Христом так, как я хотел бы следовать. Он помог мне начать жить тем, что волновало мое сердце многие годы». Этой группе людей уже были известны мои беседы с Джоном, поскольку они всплывали в наших разговорах довольно часто. Теперь они не могли дождаться момента встречи, а я немного нервничал: вдруг он не произведет на них такого же впечатления, как на меня.

«Но я думаю, будет лучше, если мы не будем поднимать этого вопроса при нем»,— умоляюще произнес я.— «С ним придут люди, и я бы не хотел ставить его в неловкое положение».

«А кто с ним придет?»— спросила Маша, жена Бена. На этот раз мы встречались у них дома.

«Он не сказал, а я решил — чем больше народу, тем веселее».

Звук хлопнувшей двери автомобиля на улице привлек мое внимание, и я обернулся снова посмотреть в окно. «Вот и он»,— сказал я.— «Похоже, что с ним молодая пара. И они с ребенком».

«А мы не привели деток...»,— с легким разочарованием сказала Маша.— «Все-таки надо брать с собой детей». Мы заранее решили, что все найдут нянь для детей на этот вечер, а мне и в голову не пришло сказать об этом Джону.

Новость о его прибытии распространилась молниеносно, и люди стали собираться в передней. Джон помахал, увидев меня в окно. Я взглянул на тех, кто шел за ним и увидел Диану, а также того парня, который был тогда с Джоном в торговом центре. С чего это он привез их с собой?

Бен открыл двери перед ними еще до того, как я умудрился пробраться к входной двери. Джон уже протягивал руку. «Я — Джон, а это мои друзья. Это — Джереми, его жена — Диана и их сын Джейсон»,— малыш клонился к плечу матери. «Я — Бен»,— сказал хозяин дома.— «А это — моя жена Маша. Мы с нетерпением ждали вашего появления». Все прошли в комнату и остальные тоже представились гостям. Моя жена подошла поздороваться с Дианой и познакомиться с ее мужем. Тут подтянулся и я, чтобы также поздороваться с Джоном.

Диана взглянула на меня, когда я подошел к ним. «Надеюсь, что это не слишком? Джереми и я через многое прошли с тех пор, как я поговорила тогда с тобой. Джон предположил, что нам понравится проехать с ним сюда».

«Я рад, что вы появились»,— сказал я, борясь с противоречивыми чувствами.— «Я тогда очень переживал, когда ты убежала».

«Я знаю. Тогда, когда я тебя увидела и решила обо всем рассказать, я к этому сама не была готова, а после разговора и вовсе почувствовала себя по-идиотски. Но пока мы с тобой разговаривали, Джереми познакомился с Джоном. Мы друзья с тех пор, и он помог мне во многом разобраться, а также раскрыл нам, что Бог гораздо выше грехов тех, кто нас окружает». Мы просочились в центр комнаты, и я увидел, как Лори приняла их под свое крыло. Маша провела всех во двор, где нас уже ждали остальные.

Когда мы собрались вокруг ломившегося от яств стола, я произнес речь: «Позвольте представить вам Джона. Я уже много вам о нем рассказывал, но не могу даже передать словами своей благодарности Богу за то, что Он привел этого человека в мою жизнь. У нас несколько странная дружба, поскольку он внезапно появляется в моей жизни и также исчезает — и я ничего не могу с этим поделать. Но он действительно помог мне». Затем, повернувшись к нему, я добавил: «Джон, мы решили тут просто все вместе поужинать и одновременно побеседовать с тобой. Как тебе такой план?»

«По мне — так это очень семейно», — улыбнулся Джон. — «Но прежде, чем мы к этому перейдем, я бы хотел, чтобы все познакомились с Джереми, Дианой и маленьким Джейсоном». — Он последовательно указывал рукой на каждого, называя их по имени. «Я впервые встретился с ними несколько месяцев назад, они тогда начинали свое новое путешествие вслед за Господом и, конечно же, хотели знать, есть ли еще такие же, как они на этом свете». Бен помолился, воздав благодарение Богу, и пригласил Джона, Джереми и Диану к столу первыми. Джон, от имени прибывших, отклонил такую честь, сказав, что гости хотят стать частью семьи. Мы попытались, было оспорить такой оборот, но после нескольких неловких моментов нам пришлось сдаться и, наконец, очередь за едой к шведскому столу выстроилась. Я улучил момент и подошел к Джону, пока тот стоял, ожидая своей очереди. «Ты уверен, что нужно было привести сюда Диану?» — прошептал я.

«А почему нет? Я подумал, что вы для них можете оказать большую поддержкой».

«Спасибо за доверие, но эта обстановка и люди могут вызвать у нее столько отрицательных воспоминаний».

«А это, что — плохо?»

«Не знаю. Я бы не хотел, чтобы меня это отвлекало».

Джон улыбнулся. «Джейк, это же касается не тебя. Не пытайся выстроить защиту для себя за чей-нибудь счет. Иначе ты крадешь у Христа возможность совершить нечто удивительное в жизни у вас обоих».

Сказав так, он похлопал меня по спине и указал на освободившийся подход к столу. Оказывается, мы остались единственные, кто еще не наполнил тарелки. Совершив это достойное дело, я развернулся к огромному прямоугольнику из четырех столов, устроенному таким образом, чтобы мы все могли легко друг с другом разговаривать. Я увидел, что Лори уже сидела с Джереми и Дианой. Не сложно было предположить, что предстоял долгий вечер — я вздохнул и махнул Джону, предлагая присоединиться к нам.

Знакомства продолжались, люди вытаскивали из Джона гораздо больше информации, чем я смог умудриться за два года. Он родился где-то за границей, сейчас живет в Калифорнии, но много передвигается по стране. Он — вдовец, был женат, однако Бог не одарил их с женой детьми. Когда его спрашивали, чем он зарабатывает на жизнь, он отвечал, что за всю свою жизнь занимался то одним, то другим, а теперь в основном помогает людям возрастать в тесных отношениях с Христом. Но он также обменивался встречными вопросами с любопытствующими, и к концу нашего совместного ужина уже знал многое о присутствовавших здесь людях.

Джейсон занервничал на руках у Дианы, и я увидел, что все вдруг обратили на них внимание, а также не смогли не заметить того, что молодая мама мало чего успела поесть. Джон заметил это тоже. Он встал, подошел к ней, спросил, нельзя ли подержать малыша, и вернулся на свое место с Джейсоном, почувствовавшим себя уютно у него на руках.

«А у вас у всех нет детей или мне надо было подумать о няне?» — спросила Диана.

Лори прояснила ситуацию: «Не переживай, у нас у всех есть дети, мы просто подумали, что сегодня общение будет более легким для нас, если дети не будут отвлекать».

«Я прошу прощения. Об этом я не знала».

«Не стоит переживать, Диана. Мы рады, что вы с нами и Джейсон тоже», — подхватила Маша. Джейсон уже устроился на руках у Джона и был полностью занят исследованием столовой ложки, которую Джон приспособил в качестве временного его развлечения.

Пока я раздумывал над тем, как же развить более глубокую дискуссию, Джон заговорил: «Не думаю, что есть смысл в том, чтобы рассматривать детей как нечто отвлекающее. Иисус так не думал. Детей к Нему тянуло, и Он был этим доволен. Когда детей пытались увести прочь, чтобы не мешали, Он этому воспрепятствовал. Если мы не готовы принять этих малых с их слабостями, то мы, скорее всего, не готовы принять и друг друга со своими».

«Так, что же нам делать с детьми?» — спросил Бен. — «Тут по этому поводу был большой спор».

«На прошлую Пасху ваша семья собиралась вместе?»

«Ну да, еще какой шумной компанией! Нас здесь собралось человек 50 всей родни».

«Когда вы это планировали, кому-нибудь пришло в голову задать вопрос — что делать с детьми?»

«Нет», — хмыкнул Бен, — «Они же часть семьи».

«А почему вы считаете, что в Божией семье должно быть иначе?»

Бен задумался, а Маша отреагировала: «Потому, что когда мы пытаемся провести собрание, дети утомляются. Думаю — нам нужно для них тоже что-нибудь придумать».

«Может тогда не пытаться проводить собраний»,— сказал Джон, продолжая играть с Джейсоном.— «Будьте семьей, пусть они будут частью этой семьи, также как в таких случаях, когда семьи собираются вместе. Принимайте их там, где возможно в собрании и позволяйте им играть друг с другом, когда вы заняты такими делами, которые для них не столь интересны».

«Но таких моментов слишком много, а дети — они же могут выйти просто за рамки дозволенного. Родителям тяжело идти с детьми туда, где они боятся пропустить нечто очень важное».

«Кто сказал, что можно позволять детям выходить за рамки дозволенного? Просто любите их. Принимайте их в собрание как важную часть семьи во всех случаях, где это возможно. Вот, разрешите, я задам вам вопрос. Вы обычно садитесь за стол полной семьей?»

«Очень часто. Мы считаем, что это тоже участие в Божией вечери».

«А детей вы с собой за стол сажаете?»

Я уже почувствовал, что разворот разговора будет неожиданным для всех, но находившиеся в этой комнате даже и не подозревали, насколько мышление Джона отличалось от их понятий.

«Конечно же, сажаем, разве так не все делают?»

«На самом деле не все. Но совместные завтраки, обеды и ужины — это самое обыкновенное из всего, что происходит в семьях. Если на этом этапе семья разделена, она теряет нечто совершенно необыкновенное. Когда вы все вместе — общайтесь со всеми, не садитесь кучками посемейно. Сядьте рядом не со своим ребенком, узнайте, почему он нервничает. А что ему нравится? Как у него дела в школе? А то — и рассыпьте кубики на полу, да постройте что-нибудь с двухлеткой».

А когда у вас идет прославление или свидетельство, не стоит брать на руки, утихомиривать своего младенца и делать вид, что он участвует. Возьмите на руки не своего ребенка, и займите его чем-либо. Понимаете ли вы, что самым знаменательным фактором, который может помочь ребенку адаптироваться и процветать в общественной среде, считается возможность иметь заботу и поддержку от взрослых, которые не являются их родственниками? Самый большой дар, который вы можете преподнести детям друг друга, идентичен тому, которым вы одариваете друг друга — это дар дружбы. И если дети начинают играть вместе, не посылайте к ним наставников, чтобы обеспечить среди них педагогическую деятельность. Рассматривайте это, как возможность для них выстроить взаимоотношения с другими членами вашей группы, которые занимают значительную ее часть — будь они ползунки или подростки».

«Ну, а как же их наставлять, если не организовывать воскресную школу?»— спросила Маша.

Не успел он ответить, как Лори потянулась через меня к Джейсону, сидевшему на руках у Джона: «Не слишком ли долго он уже у вас на руках?»— умоляющим голосом произнесла она.

Поцеловав малыша в лобик, он улыбнулся и передал его Лори, потом взял вилку и вернулся к разговору: «Сколько лет вашим детям, Маша?»

«Десять, семь и три».

«Если вам необходимо донести что-либо до их сознания, вы доносите. Но лекции не всегда самый наилучший способ чему-то научиться»,— с этими словами он приподнял свою вилку и продемонстрировал ее,— «Вы помните тот момент, когда вам пришлось учить своих детей пользоваться вилок?»

«Н-нет, не совсем...»

«Но они все знают, как это делать, я полагаю? Вы же не отправляли их на курсы по пользованию вилок, и компьютерных презентаций не готовили об устройстве вилки и ее пользе?»— все засмеялись,— «Звучит нелепо, правда? Но пока мы будем думать, что жизнь во Христе — это приобретение знаний, а не познание этой самой жизни, мы все будем совершать самые наиглупейшие ошибки. Ваши дети знают, как пользоваться вилок, именно потому, что научились они этому в процессе жизни. Наверное, когда вы поняли, что ваш ребенок достаточно большой, чтобы пользоваться вилок, вы просто вкладывали ее ему в ручку и направляли ее своей рукой, чтобы он ненароком не повредил себе глаз. Вы сами помогали направлять вилку ему в рот до тех пор, пока не поняли, что ребенок и сам благополучно с этим»

справится. И тогда уже наблюдали за процессом спокойно. Охватывание жизни Христовой подобно тому, как учиться пользоваться вилкой, а совсем не тому, что выглядит как заседания в собраниях. Дети научатся истине, если вы будете помогать им научиться, как жить в ней».

Я искренне удивился, когда заговорил Рори, поскольку он всегда был самым немногословным участником нашей группы: «Мне нравится, как вы говорите о детях. Мне никогда такое не приходило в голову. Но вы то имеете в виду нечто гораздо более глубокое, разве нет?»

«Вы правы, Рори. То, о чем я говорю, затрагивает и ваше отношение друг к другу. Если вы действительно хотите познать, как разделять жизнь Христову, то будет легче представить это себе не в форме собраний, которые вы посещаете, а скорее в виде семьи, которую вы любите».

«Мне это нравится. Тогда можно больше сосредоточиться на общении, чем на деятельности»,— предположил Бен.

«Абсолютно точно»,— ответил Джон.— «Кроме того, можно будет больше уделять внимания своим отношениям с Богом. Эти отношения — номер один. Все ценное, что возникнет в вашей совместной жизни, будет вытекать из жизни каждого из вас с Ним».

«Я думаю, что именно поэтому мы и хотим устроить эту нашу церковь правильно. Мы очень много лет потеряли в организованной церкви, так не найдя той жизни в Боге, которую искали»,— продолжил Бен.

«А здесь нашли?»— ввернул Джон.

«Пока нет, но мы над этим работаем».

«Расскажите мне, как вы живете этой совместной жизнью?»

«Ну, мы встречаемся вечерами по воскресеньям, обычно это привязано к общему ужину и хлебопреломлению, потом мы проводим небольшое прославление перед тем, как начать изучение Библии».

«Дайте-ка, я продолжу»,— сказал Джон, подавшись вперед,— «Когда люди начинают собираться, в воздухе царит возбуждение и радость. Однако ко времени, когда нужно начать собрание, все принимает несколько неловкий оборот. Даже свидетельства часто натянуты и не всегда искренни. Но когда собрание, наконец, заканчивается, возбуждение и радость возвращаются,— люди собирают вещи и расходятся. Похоже на правду?»

«Это Джейк нас сдал, или как?»— засмеялся Марвин. Я поднял руки и покачал головой в знак того, что к этому не имел никакого отношения. Марвин раньше был пастором другой церкви в городе до того момента, как понял, что энергии у него не хватит, чтобы питать эту мощную машину. Он ушел в свободное миссионерство, дабы касаться Христом душ людей, и закончил тем, что работал заместителем директора какой-то организации, которая ему мало была симпатична. Три года назад он уволился и из нее. Тут-то мы друг с другом и столкнулись в нашем квартале.

«В этом не было необходимости»,— улыбнулся Джон.— «К сожалению, многие домашние группы сталкиваются с этой проблемой».

«Честно говоря, я обычно со страхом ожидаю начала наших собраний и всегда радуюсь, когда они заканчиваются»,— сказал Марвин.

«А остальные чувствуют то же самое?»— спросил я, отмечая, что люди закивали в знак согласия еще до того, как мой вопрос обрел завершенную форму.

«До тех пор, пока жизнь церкви рассматривается как собрание, мы упускаем ее суть и глубину. Говоря по правде, Писание рассказывает нам очень мало о том, как проходили собрания в ранней церкви».

Там рассказывается очень много о том, как верующие участвовали в жизни друг друга. Они не рассматривали церковь, как собрание или организацию, но напротив,— как семью, живущую при едином Отце».

«Так что, вы предлагаете нам и не встречаться вовсе?»— прервала Маша с ноткой раздражения в голосе.

«Нет, Маша, ты не правильно все понимаешь. Встречаться или не встречаться — это не вопрос. Вопрос в том, что встречи могут стать искусственными и приводить к результатам, противоположным ожидаемым. Вот почему вы все так неестественно себя чувствуете».

«Да, но у нас нет официального хора прославления и назначенного лектора на каждую неделю. Разве это уже не менее официально?»

«Может быть, так оно и выглядит. Но процесс того же характера, хотя и менее контролируемый. Когда мы пытаемся вытянуть из наших братьев и сестер то, что мы, на наш взгляд не получаем от Отца — это должно настораживать, поскольку такое положение дел — явный признак грядущего провала. Нет ничего, что верующие могли бы дать друг другу взамен полноты личных отношений с Богом. Когда мы возводим церковь на святое место, то создаем себе кумира, а в этом случае окружающие рано или поздно разочаруют нас».

«Вот почему Джейк говорит — вы против домашней церкви?» — снова встрял Марвин.

«Не думаю, что я так когда-либо говорил», — сказал Джон, с вопросительным видом поворачиваясь в мою сторону. — «Я так не считаю. Но я действительно пытался убедить его смотреть поверх всего этого, к чему я хотел бы призвать и вас». «Мы думали, что домашняя церковь — более приближена к типу ранней церкви. Она предполагает большее участие ее членов, менее подконтрольна духовенству, требует меньших затрат времени и ресурсов и предполагает более глубокую взаимосвязь людей, чем в традиционной церкви. Разве это не верно?»

«И все это только лишь потому, что она проводит встречи в домах?» — скептическое выражение лица Джона уже говорило обо всем. — «В тех группах, с которыми мне приходилось иметь дело, не всегда было так, как вы говорите. Во многих из них находятся желающие контролировать других. Прошу вас, поймите меня правильно — мне близки названные вами приоритеты, и я уверен, что легче всего ими жить в домашней церкви. Но: мне известны группы людей, которые встречаются в официальных зданиях, и наполнены домашним духом, а есть и такие, что встречаются в домах, но никак не дышат дружелюбием. Место встреч не главный вопрос, суть — в другом: либо вы захвачены религиозными играми, либо помогаете друг другу открыть искренние отношения, которые Господь хочет иметь с каждым».

«А разве ранняя церковь не встречалась исключительно по домам, особенно, когда начала распространяться за пределы Иерусалима?» — добавил Бен.

«Насколько я знаю — она действительно встречалась по домам».

«Ну, значит и мы должны так поступать!» — воскликнула Маша.

«Маша, Маша и как же тебе нравится это слово!»

«Какое слово?»

«То самое, которое Джон ни разу не произнес за весь вечер», — вставил слово Рори, и затем повернулся к Джону. — «Я внимательно слушал вас, и за все наше общение вы ни разу не произнесли слова „должны“. Это намеренно?»

«А почему вы спрашиваете?»

«Всю мою жизнь меня наставляли: что я должен делать, а что не должен — особенно в религиозной сфере. А вы вообще не говорите на этом языке. Похоже на то, что вы не рассматриваете весь процесс как выбор между правильным и неправильным, а просто как возможность жить в реальности, которая уже существует. Я так подумал, что вам надо бы рассказать нам, как следует устраивать церковь».

«Если бы я и сказал, что вы должны делать, так это — прекратить указывать себе и другим, что должно делать!» — смех раздался в комнате и очень многие не услышавшие стали переспрашивать своих супругов, что именно он сказал. — «Конечно, есть правильное и неправильное. Но все это мы поймем во истину только во Христе. Помните, что Он сам и есть истина! Вы никогда не сможете следовать Его принципам, если сначала не последуете за Ним».

Слова Джона повисли в воздухе, пронизывая неловкое молчание. Я с удовольствием заметил, как сдвинулись с места шестеренки в умах сидевших за столом. Со мной уже это было, и я знал, что они сейчас переживают.

Наконец, Маша произнесла первые слова, почти сквозь слезы: «Я думаю, вы правы, Джон. Причина, по которой я следую правилам, основана на том, что я просто не знаю, как следовать за Христом в том масштабе, который вы имеете в виду. Я действительно пытаюсь лишь делать то, что правильно, и уже устала от нападок тех людей, которые говорят мне, что я отпала от церкви и стою вне ее по той причине, что не хожу в эти пресловутые здания утром по воскресениям».

Джон подался в сторону Маши: «Я знаю, что это нелегко. Но то, что говорят люди — не всегда составляет истинную картину положения. Иисус учит вас, как жить свободно. А это всегда становится угрозой для некоторых, как, впрочем, и вы сами. Система должна проглатывать все, что не может контролировать».

«Вот почему мы против традиционного устройства», — сказал Марвин.

«Мы, наверное, говорим сейчас о двух разных вещах, Марвин. Я пытаюсь обличить систему религиозных обязательств в любых формах, в которых она может пленить людей, но это совсем не выступление против институционального устройства. Не стоит этого пугаться. В этих организованных церквях много людей, которых Отец любит и привлекает к Себе, так же, как и вас. Ваша отрицательная реакция на форму — верный знак того, что система вас все еще контролирует».

После нескольких мгновений Марвин не смог сдержать разочарованного выдоха: «Не знаю, Джон. Я всегда думал, что организация, из которой я ушел, не действовала просто потому, что жила по неверным принципам. И я полагал, что мы, наконец-то, обнаружили верные, и сможем понять, что такое настоящая жизнь в Его Церкви». Одобрительные возгласы раздались вокруг стола. «Но, похоже, что вы так не думаете?»

«Нет, так не думаю. Чтобы вам стало легче, я скажу так: мне кажется, — вы обнаруживаете лучшие принципы — те, которые были более присущи ранней церкви и первым верующим. Но необходимо помнить — отнюдь не следование принципам производило плод их совместной жизни. Мы имеем возможность проследить за тем, что происходило в их жизни, когда они следовали за Христом, но моделирование этого не всегда приведет к тем же результатам.

Господь не оставил нам системы принципов, Он оставил нам Духа. Он дал нам не карту местности, а Духа Своего, чтобы тот вел нас. Одними только принципами свой духовный голод не утолить! Вот почему системы обещают нам грядущее духовное возрождение, которое никогда не наступает. Системы религиозных убеждений никогда не смогут произвести общину, потому что они созданы для того, чтобы разделять людей».

«Как вы так можете говорить?»

«Удерживая внимание верующих на ритуалах и службах, они превращают большую часть людей в зрителей. Поднимая рамки стандартов и вынуждая верующих придерживаться их, они приводят к тому, что люди вынуждены изображать из себя вовсе не то, что они есть на самом деле, а также делать вид, будто знают гораздо больше того, что в действительности у них в голове. Вопросы и сомнения никогда не приветствуются и не находят своих ответов, так что верующие не могут справиться с проблемами, которые они прячут глубоко в себе. Таким образом, взаимоотношения становятся наигранными и неестественными, люди в церкви делают все, чтобы окружающие видели только тень того, что они на самом деле из себя представляют. Чувствуя себя одиноко, прихожане сосредотачиваются на своих собственных нуждах, а также на том, чего окружающие не делают, чтобы их восполнить. Они ведут борьбу за влияние в организации, будь оно большое или маленькое, с целью заставить своих братьев и сестер делать то, что они считают нужным. Эта история повторяется вот уже пару тысячелетий». Несколько людей покосились взглядом в мою сторону.

Джон продолжил. «Чтобы поддерживать систему в рабочем состоянии необходимо обременить людей обязательствами и подотчетностью, уверить их в том, что только в рамках этой системы возможно решение проблем; а также убедить их, что она является наилучшим местом прибежища, и кроме как сюда больше идти некуда. Вот почему многие группы живут ложными ожиданиями, которые терзают людей и заставляют сосредотачиваться на проблемах друг друга, в лучшем случае — на дарах, но никак не на Христе».

«Заметно, что эта культура и здесь уже дает свои ростки», — вздохнул Марвин почти про себя.

«Вот почему ваши встречи такие натянутые. Тяжело поддерживать иллюзию наличия тела Христова, когда нет массы отточенных программ, которые можно откатывать без особых усилий. Но у вас есть реальная возможность открыть для себя настоящее христианское общение. Оно возрастает там, где мы — грешные человеческие существа — разделяем нашу общую судьбу и наш общий путь, которые меняются Господом, действующим в нас. Оно также процветает там, где люди свободны быть самими собой — не больше и не меньше. И когда они научаются полагаться на Него, то уже отпадает необходимость использовать других для восполнения своих нужд, напротив — возникает желание полагать свои жизни для того, чтобы помогать другим именно так, как это делал Господь».

«Говорим ли мы в этом случае о неверующих также? В большей массе прочитанной мной литературы о домашней церкви говорится, что привлечение новых членов может стать опасностью для существования группы»,— с энтузиазмом отметил Рори.

«Стоит того, чтобы отметить, не правда ли? Ограничение числа членов, возведенное в первичное условие для построения „нашей“ группы, всего лишь демонстрирует, что мы упускаем реальность Божией любви. Когда мы обнаруживаем мощь этой любви, то не можем удержать ее у себя. Она не только преображает нас, но и вполне естественно просачивается наружу и изливается как на верующих, так и на неверующих. Мы вдруг обнаруживаем, что отражаем собой жизнь Христову и его естество для всех вокруг нас — и что удивительно — наиболее очевидно тогда, когда менее всего об этом подозреваем».

«Ну, я так думаю, что нужно отменить наше участие в конференции по ведению домашних церквей в следующем месяце»,— пошутил Бен.

«Вовсе нет необходимости. Просто не стоит покупать на все, что там будут говорить. Вы, скорее всего, познакомитесь с прекрасными людьми, которых выплонула система, и которые также цепляются за домашнюю церковь, как за возможную спасительную форму. Господь, возможно, захочет свести вас с такими людьми. Просто **постоянно помните простейший урок, который повторялся бесконечное множество раз с тех пор, как Христос был на земле: чем больше организованности привносится в церковную жизнь, тем меньше жизни в ней остается**».

«Из ваших слов, Джон, следует, что нам вообще ничего не надо делать»,— разочарование в голосе Маши было неприкрытым.

«Это не то, что я имею в виду. Я просто хочу помочь вам сосредоточиться на тех усилиях, которые принесут наибольшее количество плодов. Вместо того чтобы выстраивать домашнюю церковь, научитесь любить друг друга и разделять ваш совместный путь. Осмотритесь — с кем Он назначил вам пройти его сейчас, и как вы можете поддержать этих людей. Я обожаю, когда братья и сестры стремятся разделить Божью жизнь в то или иное время. Так что,— экспериментируйте, как вы можете быть общиной,— вы многому научитесь. Не стремитесь к усложнению своего общения, не делайте его эксклюзивным или долгосрочно-постоянным. Взаимоотношения такими быть не могут. Церковь Божья — это Божьи люди, которые учатся разделять Его жизнь. Вот Марвин — здесь, а Диана — там. Когда я спросил у Бена, как вы тут живете, он рассказал мне о ваших собраниях, но не упомянул ничего о ваших взаимоотношениях. Это говорило о многом.

Знаете ли вы, о чем мечтает Рори, или с какой проблемой сейчас справляется Джейк? Это редко становится ясным на собраниях, однако обычно всплывает в естестве отношений, которые имеют место быть в течение недели, а не в один из ее дней».

«Но мы для этого слишком заняты»,— попробовала оправдаться Дженни, жена Марвина.— «Мы пытаемся достигать этого, когда собираемся».

Я знал, что скажет Джон еще до того, как он открыл рот.

«И получается?»

«Получается — что?»

«Совершить все то, ради чего вы собираетесь».

«Ну не совсем вполне, однако, мы стараемся больше учиться этому».

«Мы все еще говорим об „этом“. Мы — люди склонны к тому, чтобы брать из Писания что-то, описанное как реальность, присваивать этому какое-нибудь умное название и думать, что воспроизводим реальность только потому, что используем название. Павел говорил о церкви, которая собиралась в домах верующих, но он никогда не называл ее „домашней церковью“. Дома были всего лишь тем местом, где они могли жить как община. Иисус был их целью, а не место расположения церкви. Как я уже сказал, вы можете применить в своей группе все правильные принципы, но, тем не менее, остаться вне славы тела Христова».

«Вот это да! Хуже не придумать!»— сказала Дженни, пытаясь пошутить, и все засмеялись.

«С чего бы это?»— спросил Джон.

«Да, потому что мы девять месяцев пытались все делать по правилам, а оказалось, что это бесплодно. Может просто вернуться в традиционную церковь и попробовать ее выровнять насколько это возможно?»— возмущенные возгласы указали на то, что идея не совсем приемлема.

«Я пытаюсь до вас донести только то, что вы не должны относиться к жизни тела Христова как к чему-то, что можно самим создать. Жизнь Тела — это не наука о ракетостроении. Это наипростейший процесс в мире, но понятен он лишь только тогда, когда люди живут во Христе. Можно стоять на расстоянии пяти метров от другого человека, который находится на том же самом пути, и находить общение с ним полезным и плодотворным».

«Мы хотим именно этого. И мы думали, что стоит только нам устроить церковь правильно, вот тут и начнется то общение с Богом, которого мы ищем»,— ввернул Марвин.

Джон продолжал: «Ну, просто примите к сведению, что вы начали процесс с обратного конца. Никакая модель церкви не сможет произвести Божью жизнь в вас. Все действует как раз наоборот. Наша жизнь в Боге, разделенная друг с другом, выражается в том, что называется церковью. Это — избыток Его жизни в нас. Вы можете орудовать церковными принципами всю свою жизнь и все-таки не иметь того, что означает жить в глубине Отцовской любви и не знать, как делиться этим с братьями и сестрами вокруг вас».

«Но это совсем не то, чему я научена»,— вдруг откликнулась Лори.— «Как же мы пойдем, что значит жить в Божьей любви, если нас этому никто не научит?»

«Именно в этом религия и нанесла вере сокрушительные разрушения. Насаждая убеждение, что необходимо полагаться на лидеров церкви, она сделала людей пассивными в собственном духовном росте. Мы ждем, пока другие покажут нам „как?“, а то и просто следуем за ними в надежде, что они приведут нас туда, куда надо. Христос же желает, чтобы вы шли за Ним и искали Его, и были активными участниками в этом деле».

«А можем ли мы достичь этого сами? Разве не потребуется нам в этом помощь?»— спросила Маша.

«А кто сказал, что вы сами? Иисус Христос — путь к Отцу. И когда вы познаете, как быть водимыми Духом, и как зависеть от Его силы, вы обнаружите, что значит жить в полноте Его жизни. Да, Он часто использует людей, чтобы поддержать вас или научить в процессе, но эти люди, вряд ли будут ставить вас в зависимость от себя. Они даже и не подумают встать между вами и величайшей радостью нашего общения — возрастающими взаимоотношениями с самим Отцом».

Именно об этом я предпочел бы вести разговор сегодня. Сколько групп людей, с которыми я сегодня общаюсь, пытаются выяснить, какой тип церкви наиболее оптимален! Да лучше нам тратить это драгоценное время и силы на познание Отцовской любви, того, что Христос производит в нас и на то, как жить более свободно в Духе! Тогда бы мы узнали, как любить друг друга; были бы откровенными и открытыми и поддерживали бы всех вокруг себя на этом пути. Наш взгляд был бы всегда на Нем, а не на себе и на своих проблемах. Вот тогда то и происходили бы чудеса!»

«А разве тогда те, кто просто „следуют за Христом“ не живут отдельно от Его тела?»— задал вопрос Марвин.

«А вы считаете это возможно?»

«А вы считаете — нет?»

«Это — страх, о котором я слышу постоянно, но подтверждения которому не нахожу нигде. Люди, возрастающие в своих отношениях с Отцом, испытывают постоянную жажду воссоединения с Его семьей. Наш Бог — Бог объединяющий. Это Его сущность. Познание Бога вовлекает нас в общение, и не только с Ним самим, но и с другими — Его познавшими. И это ни в коей мере не принуждение. Это — Его дар».

«У меня есть хорошая подруга, которая настолько была ранена отношениями в последней своей церкви, что теперь и слышать не хочет о том, чтобы приходить в какие бы то ни было христианские собрания»,— сказала Лори.

«Но Бог то знает где она, и знает, как наилучшим образом ее достигнуть. Мы часто делаем ошибку, принимая конец главы за конец всего романа. Возможно, что Отец как раз и привлекает ее к себе в данный момент. Если она ваша подруга — не бросайте ее, будьте с ней рядом. В дальнейшем, когда Отец проведет в ней надлежащее действие, вы можете оказаться той единственной ниточкой, которой она будет связана с церковью».

«А у меня есть друг в Джорджии, который не может найти никого, кто разделит бы с ним подобное общение»,— сказал Марвин.

«И это не сокрыто от Отца! Рядом с ним определенно есть люди с таким же голодом, как и у него, но пока Господь не произвел их воссоединения, пусть он пребывает в покое того, что

имеет. Гораздо легче жить удовлетворенным, когда все, что необходимо Господь дает в подходящее время, и это не сравнимо с беспокойством в ожидании невидимого! Поддержите его, скажите, пусть радуется тому, что Господь дает на каждый день, но при этом напомните, чтобы он не забывал смотреть по сторонам в поиске единомышленников. Никто не знает, когда Бог изберет момент для знакомства».

«А другой мой друг не может уйти из традиционной церкви, объясняет, что чувство вины его тогда просто замучает»,— пояснил Марвин.

«Проявите к нему любовь тоже! Не бросайте его. Рассказывайте ему, что Господь делает в вашей жизни — этим вы сможете поддержать его связь с Богом. Не придавайте большого значения тому, где он сейчас. Если Господь действует в его сердце, то он преодолеет это чувство вины. Но и это не ответ на вопрос, где он будет славить Бога после».

«Так значит, наше участие в теле больше, чем эта группа?»— спросил Бен.

«Гораздо больше. Именно это я и пытаюсь до вас донести».— Джон взглянул на часы и повернулся к Джереми и Диане.— «Нам, наверное, уже пора выдвигаться, правильно я говорю?»

«Ну... Мне совсем не хочется вас прерывать»,— сказал Джереми. Все мы, бывшие в комнате, тоже этого не хотели. Еще оставались сотни не заданных Джону вопросов.

«Ты и не прерываешь. Это я обещал вернуть вас домой не слишком поздно».

«Джон, все сказанное вами было очень полезно. Хотя, я не могу сказать, что понял все»,— прокомментировал Бен, качая головой.

«Да все и не надо понимать. Если я смог подбодрить вас в том, чтобы следовать за Ним на более близком расстоянии, доверять Ему в большей свободе, то, поверьте, все остальное Он расставит по местам. Он — краеугольный камень церкви. И она — Его, а не моя. Просите Его участия в разрешении всего: как для каждого из вас, так и для всей группы. Вот уже две тысячи лет Он это делает, и надо сказать делает великолепно!»

«Можно задать вам еще один вопрос?»— активность Рори сегодня была явно не характерна. Джон повернулся и кивнул.— «Мне хотелось бы верить в то, что все это так просто, но что-то подсказывает мне, что я могу и запутаться. Вы действительно верите, что мы достойны того, чтобы слышать глас Божий каждый день?»

«Вот так вопрос!»— от души засмеялся Джон и встал.— «Конечно, нет, Рори. Нет среди нас такого достойного. Но, я думаю, вы просто неправильно сформулировали свой вопрос. Давайте поставим его таким образом: достаточно ли велик Христос, чтобы при всех обстоятельствах быть с вами каждый день? Достаточно ли Он велик, по вашему мнению, чтобы восполнить ваши пробелы, преодолеть ваши сомнения и показать вам Свой путь? Разве все эти вопросы не заслуживают ответа „да“? Пребудьте вместе на этом пути и вы обнаружите реальность жизни Его тела так, как вам и не снилось».

Сказав это, Джон помог Диане и Джереми собрать тарелки и сложить вещи Джейсона перед тем, как пройти через строй объятий и прощаний. После их отъезда, когда мы убирались, составляли на место — в гараж — столы и стулья, я прислушивался к тому, как оценивали вечер люди из нашей группы. В основном, все были вдохновлены услышанным, однако, не совсем уверены в том, как это приложить к нашей ситуации.

«По правде он не сказал ничего такого, о чем я не задумывался раньше»,— заметил Марвин, покачивая головой.— «Просто это из области того, во что боишься верить».

«Религия имеет глубокие корни»,— отозвался я, прекрасно понимая, что он чувствовал. Но мои приятные чувства обременяло одно обстоятельство. При прощании Диана успела прошептать мне на ухо, что ей нужна помощь по вопросу, связанному с пастором Джимом, и попросила меня пообщаться с ней на эту тему при следующей встрече.

ГЛАВА 10. Доверие и еще раз доверие

Ну и утро!

Ничего не складывалось так, как надо и к обеду я уже просто был не в себе. Значительная часть утра была потрачена на телефонный разговор с Дианой. Спустя месяц после того, как Джон был гостем в нашей домашней группе, она пришла к нам, поговорить со мной и Лори о своей постоянной внутренней борьбе по поводу той связи, которая была у нее с бывшим пастором. Она решила, что помощи, которую ей оказывали в сфере разрешения

эмоциональных напряжений, было достаточно, и она готова выступить против него. Ее вопрос заключался в одном: готов ли я выступить на ее стороне.

Моей первой реакцией, конечно же, было помочь ей, вне зависимости от того, как это обернется против меня. Я, честно говоря, даже не имел понятия, как это свершится и, вообще, будет ли у меня возможность назначить с Джимом встречу. И, чем больше я думал об этом, тем сложнее мне давалось решение. Что-то просто не складывалось, но я не мог понять, что. Я поделился своими колебаниями с Дианой и попросил дать мне некоторое время, дабы разобраться в ситуации. Теперь, два месяца спустя, она была откровенно зла, считала, что я тяну время, и обвиняла меня в том, что я о ней нисколько не волнуюсь.

Мои заверения и ободрения не могли ее разубедить, и она закончила телефонный разговор тем, что просто бросила трубку. Я понимал все, но это, тем не менее, было неприятно. Пока я раздумывал, как быть, последовали два других звонка, которые отвлекли мое внимание от этой проблемы. Первым — меня уведомили о том, что одна важная сделка о продаже дома выпала и деньги отозваны со счета условного депонирования. Семейная пара, которая должна была купить дом, вышла из сделки за неделю до ее завершения, просто потому, что люди решили расстаться друг с другом. Я планировал получить 5 000 долларов от этой продажи чистыми — сумма, которая была нам крайне необходима к концу месяца. Не имея никаких сделок, даже близких к завершению, я понятия не имел, что теперь буду делать.

Несколько минут спустя, моя деловая встреча, назначенная на обед, была также отменена. Я планировал провести переговоры о торговом центре, который и выставлялся на продажу, но в последнюю минуту другой агент по недвижимости почувал веяние потенциальной сделки и встрял между мной и клиентом, пополнив свой список. Клиент принес мне свои извинения, сказав, что чувствует больше доверия к другому агенту и, попросил прощения за то, что разочаровал меня. Я пожелал ему успеха, хотя мы оба знали, что это были не совсем искренние пожелания.

Несколько минут я сидел за своим столом, охватив голову руками. Утро было удручающим, и я чувствовал себя как подвешенный над глубокой пропастью. Я не имел никакого понятия о том, как все разрешится, но помню, что постоянно ловил себя на мысли: как так может быть, что я не злуюсь. Я даже тогда подумал, а может быть я все-таки должен злиться?

В конце концов, решение было принято — поехать домой и посмотреть, что Лори приготовила на обед. Выйдя из офиса, я был крайне удивлен, когда увидел Джона, вышагивающего вниз по тротуару по направлению ко мне. Он смотрел себе под ноги и не видел меня, пока я его не окликнул: «А что это ты тут делаешь?»

Он поднял глаза и с улыбкой сказал: «А! Привет Джейк!» Мы обнялись тут же посреди тротуара. «А я вот решил навестить тебя, да узнать, что ты делаешь в обеденный перерыв».

«Полагаю, ... ты просто был где-нибудь тут рядом...» — я подмигнул, как будто это была наша общая шутка.

«Да, нет. Я, собственно, приехал к тебе. Что-то ты не выходишь у меня из головы вот уже вторую неделю. И я решил, что, скорее всего сейчас самое время приехать».

«А у тебя нет привычки — предупреждать людей о своем приезде? Что, если бы я не оказался на месте?»

«Но ты же оказался, значит это уже не вопрос».

«Но у меня была назначена встреча на обед — ее только что отменили, так что тебе просто повезло», — моя радость оттого, что я с ним встретился, быстро затмила все утренние разочарования.

«Это местечко сойдет?» — спросил Джон, кивая в сторону закусочной через дорогу.

«Не совсем. Несколько злчное. И еда не очень. За углом, однако, есть Applebee — метров триста. Можем пройтись, а если что — я могу взять машину».

«Не стоит. День прекрасный, лучше пройдемся», — сказал Джон, указав вверх по изгибу тротуара.

«Как поживаешь, Джон?» — спросил я, опережая его.

Джона, как мне показалось, этот вопрос удивил. «Поживаю сейчас неплохо, Джейк. Пришлось поездить больше, чем хотелось, но я встретился с замечательными людьми, которые тоже пытаются разобраться в том, что же это за жизнь такая».

«Это единственное твое занятие?»

«Нет»,— он засмеялся,— «Но это доставляет мне самое большое удовольствие. Я человек мастеровой, так что часто занимаюсь ремонтами, однако, делаю это в основном для того, чтобы быть с людьми. А ты как, Джейк? Как идут дела у тебя?»

«Не знаю. Я переживаю какой-то странный период в жизни. Как-то ничто никак не клеится, а сегодняшнее утро — так это полное крушение всех планов».

«Что случилось?»

«После того, как в тот вечер ты представил Диану нашей группе, она пришла к нам в гости, чтобы поговорить со мной и Лори. Она хочет, чтобы я пошел с ней и выступил против Джима по поводу их связи».

«И что ты ей сказал?»

«Вначале я согласился поддержать ее, потому что хотел помочь, но мне нужно было понять, как это все должно произойти. Прошло уж два месяца, Джон, и каждый раз, когда я почти готов позвонить Джиму, меня охватывает такое волнение, что я не могу. Я просто не могу приложить к этому свою руку. Сегодня Диана была вне себя от злости. Она думает, что я просто трушу и боюсь пройти через это с ней».

«А ты не трусишь?»

«Не думаю, что это из области страха, Джон. Определенно, все будет не слишком приятно, и особо радужных ожиданий на этот счет у меня нет, но мне кажется, что время не совсем подходящее, или что-то другое, чего я понять пока не могу».

«Именно так Бог и действует, Джейк. Если ты готов что-то сделать, но не чувствуешь, что именно так и надо, когда приступаешь к этому, то, скорее всего, следует не торопиться и подождать, пока не станет ясно, почему».

«Даже, если кто-то думает, что ты трусишь?»

«Даже, если и так. Нельзя винить ее в том, что она не видит того, что видишь ты. Относись серьезно к тому, что Он производит в тебе, и люби окружающих, несмотря на их непонимание. Это и есть жизнь по благодати».

Мы добрались до Applebee, я открыл дверь и знаком предложил Джону пройти впереди меня. Нас провели к свободному столику, и, пока мы просматривали меню, Джон спросил, как поживают те люди, с которыми он познакомился в прошлый свой приезд.

Пока я искал полного ответа, мой взгляд скользнул поверх правого плеча Джона и вдруг остановился на человеке, вид которого заставил мое сердце бешено забиться в груди. Это был Джим, мой бывший босс и пастор Городского Центра. Он неумеренно светился улыбкой, приветствуя хозяйку заведения и, показывая знаками, что ему необходим столик на двоих. Но как только она повернулась к нему спиной, чтобы отвести его в отдельную кабинку, я заметил, как его плечи вдруг обвисли в облегченном выдохе. Он напоминал человека, которому по жребии досталось ночное дежурство. Джим прошел в кабинку в дальнем углу, вытащил книгу и углубился в чтение, даже не заглянув в меню.

Отвлеченный его присутствием, я все еще пытался как-то ответить на вопрос Джона. «Все вроде бы поживают неплохо. Но группа несколько рассыпалась после твоего визита».

«По какой причине?»

«Частично это связано с летними отпусками, но я также думаю — люди приняли близко к сердцу то, что ты сказал и не слишком ответственно относятся к посещению собраний. У всех находятся оправдания, да и особо никто не скучает по совместным встречам. Я даже начинаю сомневаться, правильно ли мы тебя поняли. Без обязательств мы даже не можем найти повода к тому, чтобы встречаться».

«Что само по себе уже причина, по которой не стоит встречаться»,— сказал Джон, опуская меню.

«Значит, ты думаешь, что нет никакой пользы в собраниях, если это не подкреплено желанием людей?»

«Кто сказал хоть слово о желаниях, Джейк. Для членов тела Христова ценно находить друг друга и разделять жизнь друг друга. Когда люди живут так, обязательств не нужно. Они — для того, чтобы быть лицом к лицу — даже в спине прогнутая и на мостик станут. А где такого не происходит, там мало пользы приходит на собрание по обязательному принуждению. Я полностью уверен в том, что большая часть христианских собраний дает людям такое количество знаний о Боге, что вырабатывает у них стойкий иммунитет к пониманию реальности Его присутствия».

Я был рад, что подошедшая официантка прервала наш разговор и приняла заказ, потому что мне надо было переварить сказанное. После того, как мы заказали свой обед, я вернулся к разговору с Джоном, одним глазом таки поглядывая в сторону Джима, который все еще сидел в полном одиночестве. «Итак, ты считаешь, что наши встречи могут стать подменой самого Бога?»

«Я не это пытался сказать, просто эти встречи могут стать ритуальными. Люди думают, что они познали жизнь церкви только потому, что собрались в комнате, попели песни и почитали Писание. Если все было искренним, то они думают правильно. Но в большинстве случаев это не так, потому что все перечисленное — для них рутина дня, которую они стремятся просто качественно исполнить, и, в результате не получают никакой совместной церковной жизни. Вот почему я — сторонник освобождения людей от обязательств. Тогда ты понимаешь, где на самом деле они духовно находятся, и это хорошо как для тебя, так и для них».

«Как-то не очень в это верится. Больше похоже на кучку отшельников».

«А может так оно и есть. Может быть — они просто устали от обязательств. Позвольте им отдышаться немного, и тогда все будет лучше видно. Кроме того, тот факт, что они не приходят на собрания вовсе не означает, что вы не можете развивать с ними личное общение».

«Значит дисциплина не столь важный элемент, да, Джон?»

«Дисциплина многого стоит, когда ваш взгляд не отрывается от сокровища. Но, если обязательства являются заменой сокровищу, то они могут нанести настоящий вред, поскольку приносят лишь временное удовлетворение в момент достижения намеченной цели».

«Все это хорошо. Но я теперь чувствую себя как полный неудачник».

«Почему это ты чувствуешь себя как полный неудачник?»

«Ну не знаю. Наверное, потому что я хочу открыть для себя, что значит жизнь в настоящем теле Христовом, но как я смогу, если мы никак не можем собраться все вместе?»

«Вопрос — как вы сможете не собираться, если откроете для себя эту жизнь?»

Терпеть не могу, когда он начинает вести игру на моем поле. Я посмотрел на него с усмешкой, полностью лишённой доверия, а он лишь пожал плечами, как если бы хотел сказать «Что я могу еще добавить?»

«Знаешь, что удивительно Джон?»

«Что?»

«Я чувствую, что у меня накопилось столько материала для проповедей, сколько у меня никогда еще не было. Да, вот только слушателей почти нет».

Джон засмеялся от всего сердца: «Если бы мне, вместо того чтобы говорить это, давали доллар, я бы...» Затем он положил свою руку поверх моей. «Джейк, речь не идет о проповедях. Мы говорим о том, как жить. Научись жить этой жизнью и у тебя не будет конца и края тех, с кем ты ее сможешь разделить. Начни ее проповедовать — и это станет поперек твоего познания того, как в ней жить».

Наконец принесли нашу еду, а вместе с этим наступила смена темы.

«Как обстоят дела в финансовой сфере, Джейк?»

«Туго, это уж точно. Мы как-то умудрялись дотянуть до конца каждого месяца, но, кажется, этот будет определенно особенным. Сегодня утром я упустил две огромные сделки. На одну из них я рассчитывал, чтобы спокойно начать следующий месяц. Теперь даже не знаю, как мы проживем. Я, действительно, надеялся, что Господь поможет мне их провести».

«Как ты считаешь: доверить Богу сделать для тебя то, что ты считаешь правильным, действительно похоже на настоящее доверие?»

Мне понадобилось сначала вникнуть в то, о чем он завел разговор, поскольку он сказал это таким языком, который я использовал без особых раздумий. «Пожалуй, всерьез над этим я еще пока не задумывался».

«Мне так кажется: доверять Богу значит позволять Ему творить в твоей жизни все, что Он считает нужным. Если я особо выделяю доверие по поводу того или иного дела, то я просто пытаюсь манипулировать. Кроме всего, до конца месяца у тебя в запасе еще целая неделя, Джейк. Я бы не беспокоился. Божья забота о тебе не зависит от тех двух сделок».

«Тебе об этом легко говорить. А на меня надвигаются оплаты общей стоимостью в 5 000 долларов и на все крайний срок в течение этих двух надвигающихся недель, — при этом ничего на горизонте».

«Ну и о чем это тебе говорит?»

«Говорит о том, что либо Бог что-то упустил, либо я».

«Если мы не научимся доверять, Джейк,— то всего лишь будем толковать каждое событие, судя со своей колокольни, и это всегда будет однозначно негативный взгляд, который — к тому же — будет подрывать наши отношения с Богом. Давай рассмотрим это таким образом. Представь себе, что однажды ты возвращаешься домой вечером. Вдруг, у тебя заглохла машина посреди дороги, а на мобильном села батарея. Таким образом, ты добираешься до дому на два часа позже, чем обещал. Если Лори тебе доверяет, то проблем нет. А если нет, то чем больше остывает ужин, тем сильнее нарастает ее беспокойство, страх и даже подозрение, что ты возможно где-то не один. И когда ты появляешься на пороге дома, она уже на тебя сердита, а ты даже не подозреваешь, почему. Недоверие заставляет нас чувствовать себя либо затравленными, либо запуганными, и мы в результате этого, соответственно или допускаем выплески гнева на других, или погружаемся внутрь себя в депрессии. Возрастание в доверии позволяет нам проходить вместе с Богом через наши заботы, разочарования и познание того, что у Него о нас такие планы, о которых мы сами даже не допустили бы помыслить».

«Ну, я не вижу никакого выхода из ситуации. Я не смогу собрать такую сумму в такие сроки никаким образом».

«Ты можешь думать только своей головой, Джейк. Существует тысяча способов, через которые Господь может обеспечить тебе эту сумму».

«Я даже полагаю, что он может обратить апельсиновое дерево у меня во дворе в денежное, но боюсь, что мне не приходится на это рассчитывать».

«Боюсь, что я с тобой согласен. Но на сегодня средств тебе хватает, не правда ли?» Я кивнул с раздраженной улыбкой на лице. «Только это и обещано, Джейк. Он не обещал решать наши проблемы за две недели до того, как им наступить. День за днем, день за днем... по мере обретения в Нем свободы. И также Он сказал, что мы можем довольствоваться тем, что получаем от Него».

«Значит, я могу заниматься, чем хочу, а деньги Он мне доставит ровно столько сколько надо?»

Джон разразился смехом: «Ты действительно меня так понял?»

«Не совсем, но ты это преподнес так, что я могу просто жить в Боге, не допуская даже мыслей о деньгах. Я знаю много таких людей, которые по этой дороге пришли прямехонько к финансовому краху».

«Правда?»— спросил Джон, опираясь грудью о стол.— «Может, назовешь хоть одного?»

Я попытался вспомнить имена, но не смог: «Знаешь, многие начинают жить по вере, а заканчивают тем, что попрошайничают у других».

«Таким образом, ты утверждаешь, что из своего опыта ты вынес урок: Иисус имел в виду что-то другое, когда говорил „ищите прежде Царствия Божьего“? Джейк, не всегда когда кто-то говорит о том, что он следует за Богом так оно и есть. Люди часто выставляют Имя Бога на транспарантах, решая при этом свои вопросы. Но никогда не позволяй увести себя от того, в чем ты реально можешь жить».

Я не знал, что сказать, поэтому я облокотился о спинку стула и просто смотрел на Джона.

«Я хочу сказать лишь то, что с того момента, как Он явит Себя тебе, следовать за Ним — твоя ответственность, а делать так, чтобы ты ни в чем не нуждался — Его. И ты будешь в более выгодной финансовой ситуации, если перестанешь путать эти две вещи».

«Ну, это так вообще сносит мое пуританское понимание рабочей этики».

«Ну, да так и должно быть...»

«А разве Павел не говорил, что кто не работает, тот пусть и не ест?»

«Я еще ничего не сказал про трудовую занятость. Я говорю об исполнении тех дел, которые Бог дает тебе, а также о том, как видеть, что Он заботится о тебе, пока ты эти дела для Него исполняешь. Павел пытался исправить предпосылки к лености и самонадеянности, это к тебе, Джейк не относится. Если Господь поставил тебя работать в области недвижимости, то делай это со всем сердцем, а Он о тебе позаботится. А пока — если этого не произошло — не пытайся прилагать своих собственных усилий, просто из-за того, что ты озабочен тем, как обеспечить себя и свою семью. Можешь считать так: для Него твоя работа в недвижимости не

настолько важна, насколько она важна для тебя. Вокруг тебя столько людей, которым требуется помощь на этом пути! Может быть, это и есть твое настоящее назначение».

«Хотел бы я быть настолько финансово независимым, чтобы помогать и другим возрастать в Боге таким же образом. За моей помощью уже обращались несколько людей, но я так был занят настраиванием дел в своём бизнесе, что не мог позволить себе такие вольности. Думаешь уже поздно?»

«На это нет принципиального ответа, Джейк. Все находится в зависимости от того, чего от тебя ждет Бог».

«Но это выглядит так безответственно».

«Если смотреть с точки зрения мира, так и есть. Но когда Бог призывает тебя к этому, то будет безответственным не отреагировать».

«Полагаю, я просто не знаю, что должен делать. Хотелось бы доверять Богу настолько, но, Джон, меня учили всю мою жизнь, что я должен обеспечивать себя и семью. Я просто не умею по-другому. Как Он обеспечивает тебя, Джон?»

«По-разному, Джейк. Иногда через работу, которую я выполняю. Время от времени, люди, которым я помогал в прошлом, высылают мне дары — по воле Отца. Это и позволяет мне проводить время с такими людьми, как ты. Всякий раз — по-новому».

«Какая это, наверное, свобода — жить в таком доверии!»

«Именно такое доверие Он возвращает в тебе как раз сейчас, а те сделки, которые провалились — как раз часть процесса. Такие моменты Он и использует, чтобы добиться нашего доверия. А то, что это действует как нельзя лучше — сомнению не подлежит».

«Что? Почему ты так говоришь?» — спросил я, не совсем соглашаясь с последним.

«Потому что ты не настолько подавлен гневом, как тогда, когда мы впервые встретились. Сейчас у тебя ситуация далеко не многообещающая, ты озабочен, но ты не зол. Это показывает невероятное возрастание».

Вот когда я впервые осознал, что Господь изменил во мне нечто такое, что раньше всегда было непоколебимой частью меня. Я не боролся со своим гневом. Меня там не было — на этом поле боя — даже в часы полнейшего разочарования. «Спасибо, Джон, я даже не заметил этого до сего момента».

«Бог так и завоевывает твое доверие. Он не просит тебя исполнять что-то вопреки всем обстоятельствам, напротив: Он просит тебя следовать за Ним. И ты не сможешь не замечать, как Он будет открывать в тебе Свою Волю. Приобретая этот опыт, ты также станешь понимать, что Его слова и Его пути имеют гораздо большую определенность для тебя, чем твои собственные самые наилучшие планы и мудрствования».

«Я никогда не рассматривал все с такой точки зрения, Джон. Я всегда думал, что вера — это нечто такое, что я должен произвести, чтобы вызвать Бога к действию».

«Теперь видно, насколько это не правильный подход, да? Доверие — это плод дружбы, а не ее источник. Чем больше ты познаешь Его самого и Его пути, тем в большей свободе ты будешь парить над всевозможными тяготами, которые связывают тебя и тянут назад — вниз — к твоей собственной порочной мудрости. Грядущие дни откроют тебе, насколько Его верность постоянна в твоей жизни, и ты придешь к пониманию того, что можешь доверять Ему больше, чем себе. Вот, где ты найдешь настоящую свободу».

«Значит, там, где нет взаимоотношений, там нет доверия?»

«Нет, никакого. Слишком много людей путают веру и самонадеянность. Они поглощены своими собственными планами, цитируют Библию в доказательство того, что Бог должен исполнить все так, как они решили. Заканчивается все полным разочарованием тогда, когда их предприятия не разрешаются так, как они надеялись. Но Бог даже эти разочарования использует для того, чтобы привлечь их к настоящему доверию, которое основывается на открытии Его действия в них».

Я рад тому, что ты хочешь отделить служение от заработка, Джейк. Это благословенное дело. Ничто не портит служение больше, чем вера в то, что оно может быть источником доходов. Наша жизнь во Христе извращена в настоящее время в большей степени тем, что люди хотят использовать служение для обеспечения своего постоянного заработка. Нам по наследству достались такие системы жизни Тела и его управления, которые построены на желании людей зарабатывать на жизнь, а не на демонстрации того, что значит — жить, принимая Божью заботу. Как только служение становится источником доходов, ты тут же

замечаешь, что уже манипулируешь людьми, заставляешь их служить себе, вместо того, чтобы служить им. Джейк, **до тех пор, пока ты не достигнешь свободы в том, чтобы доверить Богу заботу о своих доходах, Он не доверит тебе заботу о его людях.**

Просто не думай, что ты единственный, кто несет ответственность за то, чтобы заботится о семейных доходах. Вынеси из этого урок, Джейк. Жизнь в свободе доверия Богу своего достатка — является фундаментом для всего того, что Господь уготовил для тебя. Научись жить тем, что Бог выкладывает перед тобой, а не по своим планам и схемам. День может быть заполнен, как помощью кому-то найти свободу и жизнь во Христе, так и покраской дома, или нерадостным копанием канав — и это важно. Он даст тебе все то, что необходимо, хотя может сделать это не так, как ты ожидаешь. Сказанное также касается и твоих отношений с людьми, а не только вопроса финансов».

Мы закончили обедать; я заметил, как Джим поднялся из-за своего стола и собрался уходить. Удивительно было то, что обедал он в полном одиночестве; теперь мой бывший босс направлялся к выходу по проходу, который неминуемо вел к нашей кабинке. Я внутри весь съезжился, надеясь на то, что он меня не заметит, одновременно пытаюсь непоколебимо поддерживать беседу с Джоном.

«Я не знаю, что Бог уготовил для тебя, Джейк. Просто следуй за Ним постепенно, шаг за шагом, исполняй то, что тебе дается на каждый день. Со временем и это станет для тебя понятным».

Джон закончил мысль. Джим прямой наводкой подошел к нашему столику и поздоровался со мной. Это был не тот веселый «старик» — Джим; нынешний — он выглядел как человек, борющийся с непреходящей болью. Я представил его Джону, и мы обменялись приветствиями. Тут Джим стал предельно серьезным: «Мне нужно как-нибудь поговорить с тобой, Джейк, если это возможно». Его слова, казалось, наталкивались на комок в горле.

«Джейк, мне нужно сделать несколько звонков», — сказал Джон, выскальзывая из нашей кабинки. — «Почему бы вам не воспользоваться моментом?» И прежде, чем я смог что-то сказать, Джон пропал, а Джим неловко присел рядом. Он охватил голову руками и захлебнулся беззвучными рыданиями.

Чувства атаковали меня со всех возможных сторон. Я не знал: встряхнуть его или посочувствовать. Единственное, в чем я был уверен, — мне точно не хотелось находиться на своем месте. В конце концов, он взял себя в руки и поднял на меня глаза, полные муки: «Джейк, ты, наверное, меня ненавидишь».

«Наша дружба знавала времена получше, чем теперь», — ответил я уклончиво. Я понятия не имел, к чему все это могло привести, в животе у меня удручающе заурчало.

«Я хотел поговорить с тобой уже давно, но просто смелости не хватало. Поначалу был на тебя зол, за то, что ты не стал на мою сторону. А твой уход травмировал многих людей».

«Послушай, Джим, не стоит нам рубить по тому же месту снова. В первый раз было уже достаточно больно».

«Уверен, что так. Я просто хотел сказать тебе, как я сожалею обо всем том, что я сделал с тобой. Я так же хотел, чтобы ты знал — я ухожу с места пастора».

«Ты... что?» — я не верил тому, что слышал.

«Об этом еще никто не знает. У меня была запланирована встреча с председателем Совета сегодня в обед, я хотел сообщить ему свое решение. Но его вызвали на срочную операцию, и встречу пришлось перенести». — Он пусто смотрел куда-то между нами. — «С меня хватит, Джейк. Я уже давно по спирали опускаюсь на дно депрессии. Мой врач сказал мне, что стресс церковного служения меня убивает».

«А я почему-то думал, что дела идут хорошо, Джим?»

«Снаружи — конечно! Городской Центр никогда еще таким не был. Внутри — ничего подобного!» — он покачал головой, не в силах ничего сказать. — «Ты не знаешь, сколько сил требуется на то, чтобы поддерживать жизнь в этом организме! Знаешь, сколько скандалов мне приходится тушить каждую неделю, а за скольких людей приходится делать работу, чтобы все как-то продвигалось? А внутри я такой мертвец, каким еще никогда не был. И каждый раз, когда я думаю о тебе, все становится еще хуже. Ты был моим лучшим другом, а я ударил тебя в спину только, чтобы спасти свою шкуру». — Он посмотрел прямо мне в глаза сквозь свои слезы. — «Прости меня, Джейк. Я хочу выправить наши с тобой отношения».

Я понятия не имел, как на это реагировать. Мне было его жаль; в душе не проявилось ни малейшей радости по поводу того, что его несправедливые поступки, наконец, обернулись против него самого. Это мне не нравилось, но ничего поделать было нельзя.

«Ты, наверное, не знаешь, что мой отец умер. Я переезжаю обратно на восток — требуется поддержать его бизнес некоторое время. Да и самому мне нужна помощь. Я также собираюсь рекомендовать церкви пригласить тебя на место пастора».

«Ну, это будет уже слишком», — отреагировал я вперемешку с нервным смехом.

«Я думаю, что ты даже не подозреваешь, насколько тебя уважают в церкви. Ты справишься с этим прекрасно, и я даже не знаю того, кто бы сделал это лучше тебя. А тебе это было бы интересно?»

«Абсолютно нет, Джим». Я сам удивился своему ответу. Вернуться в служение — звучало заманчиво, и соответственно — была привлекательна предлагаемая зарплата. Но не такое служение, и не такая зарплата.

«Не стоит отвечать сразу, Джейк. Подумай над предложением. А мне действительно важно, чтобы ты знал, насколько я сожалею обо всем, что сделал. Это было нечестно с моей стороны. Из всех — ты заслуживал такого меньше всего. Если бы я мог что-либо исправить теперь — сделал бы это немедленно. Моя жизнь пошла вкривь и вкось в таких местах, о которых ты даже не подозревал, я просто пытался выжить. Это была моя ошибка. Мне надо было все оставить давным-давно».

Я опять не знал, что сказать: боролся с желанием простить его, но не был уверен, хотел ли я сделать это так быстро. Никто никогда в жизни еще меня так не обижал, и я не был готов к тому, чтобы смыть все простым «Я тебя прощаю».

«Не хочу тебя задерживать, Джейк, и я знаю, что прежде, чем мы все расставим по местам, нам придется провести много часов за разговорами. И если ты готов я хочу, чтобы это произошло». Сказав это, он полез в карман пальто и достал конверт, который затем вручил мне. Мое имя было напечатано на нем, вместе с эмблемой Городского Центра и указанием моего адреса в углу.

«Это что?» — спросил я.

«Это — если хочешь — дар. А честно, — это твое служебное поощрение. Наш совет в прошлом месяце провел совещание о том, куда и как мы распределяем деньги, и все сошлись во мнении, что мы несправедливо отнеслись к тебе. Это 10 000, Джейк. Наверное, не так много, как должно было быть, но, может, это облегчит тебе жизнь, хотя бы немного. В конверте также письмо с извинениями от Совета. Я собирался занести его к тебе в офис после обеда, но, когда увидел тебя здесь....»

Часть меня требовала, чтобы я вернул конверт обратно, и был выше всего этого. Другая часть знала, насколько нужны мне эти деньги. «Не уверен, что я могу принять это, Джим».

«Возьми. Ты их честно заработал! Кроме того, может это откроет двери к восстановлению отношений».

Я кивнул и оставил конверт у себя в руках. И тут понял, что надо перейти в наступление. «Джим, я тоже думал, о том, чтобы позвонить тебе».

«Правда? Почему?»

«Я поддерживаю дружбу с Дианой, и она хотела, чтобы я организовал встречу нас троих».

Его глаза округлились и вне сомнения наполнились страхом. «Ты не знаешь, по какому поводу?» — спросил он, его глаза прощупывали меня на предмет того, насколько я информирован. Я кивнул, и неожиданные слезы вдруг наполнили мои глаза.

Он опустил голову. Молчание повисло между нами на какое-то время. Никто из нас не решался его нарушить. В конце концов, после нескольких попыток что-то сказать, Джим начал: «Это самое худшее, что я совершил в своей жизни, Джейк, и я надеялся, что оно никогда не откроется». Он тяжело вздохнул и на мгновение уставился в стол, беспокойно поигрывая на столе вилкой Джона. «Но я не собираюсь бежать от этого. Мне необходимо подвести черту и под этим». Он вытащил свой мобильник и пролистал календарь-органайзер. «Что если завтра, в 16:30. Как ты думаешь, получится?»

«Я спрошу у нее, Джим, и перезвоню тебе».

«Да, пожалуйста. Мне нужно уже идти, Джейк, но я, правда, хочу разобрать завалы, разделяющие нас с тобой. И прими эти деньги», — он кивнул на конверт. «Мы бы им все равно лучшего применения не нашли».

Я кивнул, и Джим поднялся с того места, где до него сидел Джон. Тут он наклонился ближе ко мне и прошептал: «И подумай над тем, чтобы вернуться в качестве пастора. Я вижу, что ты теперь совсем другой человек — не тот, которого я знал. И они наверняка могли бы найти применение твоей помощи». С этим он развернулся и пошел прочь.

Я еще некоторое время сидел и просто смотрел в окно, в совершенной рассеянности и неспособности сформировать ни единой связанной мысли. В какой-то момент вдруг появился Джон, положил руку мне на плечо: «Джейк, послушай-ка, мне надо уже идти».

Мы отсчитали, что положено за обед, я собрал вещи, и мы направились к выходу.

«Ну, как все прошло с Джимом?» — спросил он.

«Я все еще в шоке. Он попросил прощения, мы назначили совместную встречу с Дианой, и он передал мне 10 000 от Совета в качестве послужной премии».

«Ну и ну! И сколько же это я отсутствовал?» — засмеялся Джон.

«Я просто в изумлении от всего, что произошло со мной за этот час с небольшим. Как Бог это все так устроил?»

«И без всякого нашего участия». — Джон хлопнул меня по плечу. — «Не жди, что так много проблем будут всегда решаться за такой короткий срок, Джейк, но очевидно, что сегодня Господь ответил на многие твои вопросы».

«Я еще не сказал тебе, что он уходит с места пастора, и просил меня занять его место».

«И ты собираешься согласиться?»

«Только не знаю, как...» — я пожал плечами, Джон захохотал, и мы вышли навстречу яркому полуденному солнцу.

ГЛАВА 11. Пробный полет

Последнее, что я увидел перед тем, как зажмурить глаза от жара, была Лори выходящая их наших раздвижных стеклянных дверей и сияющая от переполнявшей ее радости. Такой я ее вижу не часто, особенно в такие дни, как сегодня.

Я еле дождался, когда смогу открыть глаза снова, чтобы удостовериться, действительно ли я видел то, что видел, но порывом ветра мне в лицо бросило облако дыма, от которого они сильно заслезелись. Пока я кривился и щурился, пережидая боль, в ушах раздавались разнообразные звуки. Шашлыки из курицы скворчали прямо передо мной; вокруг смеялись и беседовали сорок с лишним человек, заполнившие наш задний двор. Еще до того, как мне удалось открыть глаза, я почувствовал ее руку у меня на плече. Она наклонилась, чтобы прошептать мне на ухо: «Даже не пытайся угадать, с кем я разговаривала!» Она игриво подшучивала надо мной, а я впервые видел ее такой спокойной притом, что дом был полон народу и все ждали еды.

«Так вот, где ты была», — сказал я, пытаюсь сквозь боль чаще моргать глазами, чтобы восстановить ясное зрение. — «Курица будет готова через двадцать минут, а я вижу, — у тебя еще ничего не готово».

«Расслабься», — поморщилась она. — «Мы же отдыхаем здесь, а не кухарим в ресторане». Хитрая улыбка подтверждала то, что она также как и я понимала: все это ей не свойственно.

«Ну, давай, угадай! Ты ни за что не скажешь, кто к нам заехал!»

«Да не знаю я! Твоя сестра?» — она была самым любимым человеком для Лори во всем свете. Видеться часто им не приходилось, поскольку та живет в пяти часах езды от нас.

«Нет», — сказала Лори, но при этой мысли ее плечи слегка опали. «Хотя тоже было бы здорово. Но это — Джон».

Джон? Я задумался, прогоняя в уме ряд фамилий связанных с этим именем. Я не мог понять по поводу, какого Джона такая радость. Но ее насмешливый взгляд, выражавший «ну как можно быть таким непонятливым», наконец заставил меня сообразить, о ком речь. «Ты шутишь! Где он?» — сказал я, заглядывая ей за спину, в дом, и чувствуя себя глупо. Почему он не пришел мне на ум сразу же? Прошел почти год с тех пор, как мы с ним виделись, и я уже потерял даже надежду на новую встречу. «Сейчас подойдет», — ответила Лори. — «Он сказал, что останется и разделит с нами нашу трапезу».

«Почему ты меня не позвала сразу же?»

«Я попыталась, но он сказал, что ты, по всей видимости, слишком занят и предложил помочь мне с организацией блюд овощных ассорти. Дорогой, мы так хорошо поговорили! У меня сложилось впечатление, что я его знаю всю мою жизнь и могу спросить у него и рассказать ему все, что угодно. Честно говоря, он помог мне разобраться с тем, что меня беспокоило во всем этом процессе. Не могу дождаться, когда смогу рассказать тебе об этом».

«А я не могу дождаться, когда все услышу».

«Я уже начинаю сомневаться..., а не было ли твое первое впечатление о Джоне правдой!»

«Ага, теперь ты считаешь его Иоанном Апостолом? С чего это ты вдруг вспомнила?»

«Не знаю... Есть в нем что-то — глубина, определенность... И когда он с тобой разговаривает, ты точно знаешь, что ему не все равно, — ты важен для него, как человек. Я еще никого как он не встречала. Он озвучивает такие странные мысли, которые с одной стороны невероятно простые, а с другой — подвергают сомнениям твои комфортные религиозные убеждения, переворачивая их и показывая, таким образом, как ты никогда не мог себе представить».

«Я пытался тебе об этом рассказать...»

«Я знаю, но я никогда не думала, что это приносит такую свободу. Как ты думаешь, он может быть Иоанном?»

«Почему бы тебе не спросить его об этом самой?» — я ухмыльнулся, зная, что она никогда не рискнет.

«Это же будет так глупо», — сказала она, указывая в сторону дома, откуда выходил Джон.

«А вот ты где!» — воскликнул Джон, выходя из дверей и направляясь к тому месту, где я жарил шашлык.

«А я уже слышал о том, какой ты помощник на кухне», — сказал я, охватывая его в тесные объятия. — «Как же здорово видеть тебя!»

«И мне тоже! У вас сегодня большое мероприятие, как я вижу!»

«Да мы и не собирались вовсе. Просто, хотели пригласить несколько человек к себе. Но, как-то все вышло из-под контроля. Люди стали спрашивать, не могут ли и они прийти тоже». Мы посмотрели на то, что происходило во дворе: воодушевленная волейбольная команда играла в левом углу, и тут же — порядочная толпа наблюдающих болельщиков — в тени; бассейн, полный счастливых плескающихся; группы беседующих — в разных тенистых участках сада. Стол для настольного тенниса ломился от яств, по краям его были установлены контейнеры с прохладительными напитками и пара охлаждающих камер с домашним мороженым.

«Вот это здорово! Ты уверен, что я тут ничего не подпорчу?»

«Конечно, подпортишь, но мы все равно тебе рады. Сто лет тебя не видел и уже, честно говоря, не чаял».

«Я по правде, приехал повидаться с другими людьми. Они в данный момент не в самой лучшей форме — сердиты на политику своей конгрегации, которая их просто использовала. Но Отец производит в них нечто невероятное даже через это. Они сказали мне, что слышали о вас, и я бы хотел дать тебе номер их телефона», — произнес он, вытаскивая клочок бумаги из кармана. — «Я сказал, что попрошу тебя позвонить им».

«Мы это сделаем с удовольствием», — ответила Лори, перехватив записанный номер, и сразу же направившись в дом.

«Ну, и как ты поживаешь, Джейк?»

«Это настоящее приключение, Джон, должен тебе об этом сказать. Мы прошли через невероятные подъемы и падения со времени нашей последней встречи».

«А-а, значит, ты все-таки принял предложение о должности пастора!»

Я совершенно забыл об этом, и сама мысль меня невероятно рассмешила: «Ага! Ну да!»

«А почему нет? Постоянный доход, уважаемая должность, удовлетворенное чувство собственного достоинства?! Разве это не те ценности, которые были для тебя важны в тот момент, когда мы впервые встретились?»

Ну и ну! Когда же это было? Я начал проворачивать события в обратном порядке сквозь все четыре года, к тому моменту, когда я встретился с Джоном в первый раз. Иногда казалось, что прошло гораздо больше времени. «С ума сойти, Джон! Я об этом теперь даже и не думаю. Я

так увлечен своею жизнью во Христе и тем, как бы помочь другим познать ее тоже, что меня даже и не беспокоит, что подумают обо мне другие, или как строить свою карьеру».

«Так, что же все-таки произошло?»— спросил Джон в тот момент, когда я перевернул цыпленка, подрумянившегося на гриле.

«Да я даже и не могу сообразить, с чего начать. Посмотри вокруг — и увидишь большую часть того, что имело место быть. Бог нам открыл знакомства с невероятным количеством людей, мы видим у них, такой голод к познанию Христа, какого не наблюдали даже в первые дни своих отношений с Богом. Мы буквально являемся свидетелями, как к Нему приходят новые верующие и возрастают в Нем. Теперь у меня редкая беседа проходит без того, чтобы Христос не стал тем или иным образом ее центральной темой».

«А получилась тогда у тебя организовать встречу Дианы и вашего прошлого пастора?»

«Да, получилось. И я не могу передать своего удовлетворения по поводу того, как все разрешилось. Если у нас будет пара минут наедине, я тебе расскажу об этом»,— сказал я, кивнув в сторону рядом стоящих людей, намекая на то, что наш разговор может быть услышан.

«Буду рад послушать. А ты все еще работаешь в недвижимости?»

«Немного, когда меня просят помочь, но я не пытаюсь больше думать об этом как о своем бизнесе. Время в основном занято тем, что я помогаю людям выстраивать их отношения с Богом. Меня просили рассказать свою историю в нескольких группах и помочь людям, у которых складывались критические моменты в жизни. Мне доставляет невероятное удовлетворение наблюдать, как Бог меняет их жизнь, когда я просто помогаю им освободиться от осуждения, которое мешает им в полной мере принять любовь Отца. Когда я теперь читаю жизнеописание Иисуса Христа, я более четко вижу, что именно это Он и совершал — освобождал людей от позора, дабы они могли в полноте объять любовь Его Отца. Усиливающаяся свобода в моей жизни еще одно тому подтверждение. Это, пожалуй, самый большой дар, который я получил от тебя, Джон. Я больше не тружусь под гнетом вины от собственного несовершенства, при постоянно повышающихся планках личных показателей по праведности. И я больше не вешаю ничего из этого на других».

«Это просто великолепно!»

«Я даже никогда и не подозревал, насколько то, что я называл служением, на самом деле было всего лишь манипуляцией человеческим чувством стыда — будь то навешивание на людей чувства вины за их несовершенство, или принуждение зарабатывать одобрение окружающих».

«Это все религия, Джейк,— система, главным инструментом управления в которой является чувство стыда — часто из наилучших побуждений, но всегда с однозначно отрицательным результатом».

«Но ведь она же работала! По крайней мере, извне так казалось».

«Да, но она лишь затягивала путы потеснее. А в результате — люди все равно остаются движимыми чувством стыда и бросаются из одной крайности — самоуничижения, в другую — самовосхваления. При этом, они никогда не находят свободы простой жизни в Нем. Следовательно, думают, что Бог желает иметь причинно-следственные отношения с ними, то есть: если они хорошие, то и Бог будет посылать им доброе».

«Теперь я вижу, что из-за этого многие люди изолируют себя от Него. В прошлом месяце у меня была возможность посещать двух смертельно больных людей, оба мучились мыслью, что сделали что-то такое, за что и заслужили кару, хотя они и терялись в догадках, что это могло бы быть. Немало нам потребовалось времени, дабы пробиться на свет сквозь гранит их убеждений, в конце концов, они оба признали, насколько были озлоблены на Бога за то, что Он их не исцелял, но при этом их переполняло чувство вины от таких мыслей».

«Многие никогда не признаются себе в том, что в них живет это чувство гнева — просто боятся, что приключится нечто похуже уже имеющегося. Поэтому они предпочитают думать, что Бог к ним несправедлив, а почему — не могут понять, что-то вроде того, как это было тогда с тобой в больничном кафетерии».

«Да, я помню, Джон. Я не могу не радоваться тому, как Бог менял во мне одно за другим постепенно. Иногда я даже не замечал того, что Он производил до тех пор, пока не оказывался в ситуации, на которую я реагировал так, как раньше мне бы и в голову не пришло. Я не могу нарадоваться на того Джейка, которого Он формирует по милости своей».

«Похоже на процесс рождения бабочки из кокона, Джейк. Разве не печально теперь осознавать, что мы хотели выдавить из людей духовное перерождение, вместо того, чтобы помочь им вырастать в доверии Отцу и наблюдать, как Он меняет их? Нельзя приклеить к гусенице крылья и заставить ее летать как бабочку. Она должна измениться изнутри».

«Нет большей радости, чем освобождать людей от груза стыда, который постоянно тянет их вниз. Не удивительно, что имеющееся христианское братство выдается за свод обязательств. И если бы не они в центре, то вряд ли кто захотел бы быть в таком общении, где тебя постоянно пытаются взять в захват чувством вины или заставляют соответствовать чьим-то ожиданиям?»

«Именно поэтому жизнь церкви часто становится похожей на производственные обязательства и управляется путем манипуляций. Разве это не намного лучше?»— сказал Джон, обозревая происходившее у нас во дворе.

Я не был уверен, что он подразумевал под сказанным, но предпочел кивнуть, соглашаясь с этим. «А я начал публиковать серию наших бесед в Интернете, надеюсь, ты не возражаешь. Реакции невероятные! По всему миру есть люди, которые проходят подобный путь, переосмысливают свою жизнь в Нем и размышляют, какой может быть их церковь. Похоже, что очень многие видят насквозь пустоту религиозных форм. Я уже со счета сбился, сколько было людей, которые ответили мне, что мое повествование во многом перекликается с их историями, за исключением такого персонажа, как ты, конечно же. Один парень даже написал мне, насколько он расстроен тем, что при всех его попытках разобраться в этой жизни с Богом, он не имел возможности встретиться с тобой, когда ты еще был жи...» Ой! Я решил, что лучше будет не заканчивать начатое предложение.

Но Джон не спустил мне это с рук: «Еще был что, Джейк? Что ты им там рассказал?»

«Я просто оставил вопрос открытым, не отрицая возможности, что ты можешь быть Иоанном, Апостолом Иисуса Христа. Ты знаешь, что это был мой первый вопрос в самом начале, и я решил быть честным».

«И к каким же выводам ты пришел с тех пор?»— Джон взглянул на меня с прищуром.

«Не знаю. Иисус сказал Петру, что такое возможно. А тебе придется признать определенные чудеса, которые произошли в моей жизни с момента нашей первой встречи. У тебя продвижение по этому пути происходит, как ни у одного человека, которого я когда-либо встречал. Ты подтвердил мои самые тайные надежды и помог мне жить в них более свободно. Конечно, вопрос кто ты, честно стал для меня не столь важным. Но я не могу отрицать своего любопытства. А ты никогда не отвергал моих догадок».

Джон улыбнулся и как раз в тот момент, когда он был готов что-то сказать, нас прервали. Подошел Марвин и обнял Джона со спины. «Посмотрите-ка, кто пришел!»

Джон повернулся к нему и улыбнулся. «Марвин, так?»

«Вы запомнили? Удивительно! Я увидел вас с Джейком и подумал, что надо перейти к действиям. Никто не предупредил, что вы тут будете».

«А никто и не знал. Я просто оказался рядом. Так вы когда-то тоже были пастором, не так ли?»

«Обещаю, не копать в ваших грехах, если вы не будете копать в моих»,— засмеялся Марвин.

«Если хотите, в моих можете копать. Это только произведет большее благоговение во мне перед Ним»,— ответил Джон.

Марвин неловко засмеялся, пытаясь таким образом занять то время, которое уж точно должно было быть заполнено хорошей шуткой. После их обмена взаимными подшучиваниями, Джон снова повернулся ко мне. «Я заметил, что тут несколько человек из той домашней группы. Как идут дела?»

«Да особо никаких дел и нет, Джон. С той нашей последней встречи мы никак и не смогли организовать регулярные собрания. Даже не знаю, почему,— правда. Но наши отношения укрепились, и мы часто видимся. Меня как-то это не очень волнует, однако время от времени я задумываюсь, а может должно?»

«А меня волнует», сказал Марвин.

«Почему так?»— спросил Джон.

«Потому что у меня такое чувство, что я не произвожу ничего такого, что идет в счет».

«Как, например...»

«Ну, я не знаю. Это самое забавное»,— сказал Марвин, качая головой и отчаянно вздыхая.— «У меня в жизни еще никогда не было таких плодотворных отношений с людьми, я — свидетель тому, как мои соседи и коллеги открывают свою жизнь Богу. И по какой-то причине я постоянно среди людей».

«И что — это вы считаете не важным?»

«Наверное, важное — это не совсем то слово. Просто наше общение совершенно не консолидировано. Некоторые из тех, кого я знаю, не могут найти христианского общения. И поскольку четкого направления, которое производит регулярное собрание, у них нет, их как-то несколько сносит в сторону. Если бы наша группа встречалась, я бы мог пригласить и их».

«А что бы это изменило?»— спросил Джон.

«Не знаю. Я полагаю, что это дало бы им возможность примкнуть к группе верующих».— Марвин сделал паузу, ожидая, как Джон ответит на его предположение. Тот молчал, и неловкая пауза толкнула его на продолжение размышлений. «Им же необходимо что-то такое...» Опять пауза и снова напрасная. Джон не клевал. «Что-то вроде обретения личности, я бы сказал».

«Собрания это дают, или просто маскируют отсутствие оного?»— спросил Джон.

Я продолжал молча переворачивать скворчащего на гриле цыпленка, благодаря Бога за то, что в этот раз жареным пахло не для меня.

«Я полагаю, что собрание может производить концентрацию и мотивацию».

«Собрание?!...»— спросил Джон.

Марвин смотрел на Джона с совершенно потерянным видом. Скорее всего, он просто не знал, что сказать, а с другой стороны, он мог прощупывать тактику Джона.

«А почему бы и нет?»— в конце концов, промолвил Марвин, немного смущенный.

Джон положил руку Марвину на плечо. «Я не пытаюсь вас смутить. Но вам очень важно серьезно подумать над этим. Если вы собираетесь организовывать собрания в надежде обеспечить концентрацию, то они, скорее всего, окажутся больше отвлекающими, чем полезными. Люди будут приходить на собрание, думая, что именно это и есть их цель, а через некоторое время появятся доказательства того, что этого явно не достаточно».

«Почему?»— спросил Марвин, немного смягчая свой тон.

«Да потому, что мотивация — это производная от познания Отца. Собрания — не могут стать достойной заменой последнего».

«Так что, просто сидеть и ничего не делать?»— отчаяние Марвина снова возросло.

«Кто говорит, что ничего не надо делать? Я всего лишь пытаюсь убедить вас не начинать собираться ради собрания. Почему-то, всякий раз, когда Бог производит движение силой своего Духа, находят те, кто должны на этом месте построить церковь или начать какую-нибудь новую волну. Так было с Петром во время Преображения Господня. Когда он не нашелся, что сделать, то предложил строительную программу. Если вы собираетесь двигаться по пути Божью, Марвин, вам необходимо обрести свободу от переоценки своих способностей».

«Своих чего?»— засмеялся Марвин.— «Я даже не понимаю, что это значит».

«Это значит, что работа по устройству церкви — Его прерогатива, а не ваша и не моя. Не думайте, что вы сможете сложить вместе хотя бы что-то силой своей изобретательности. За последние 2000 лет попыток было бесчисленное количество и всегда с одним и тем же результатом. Сначала, конечно, это интересно и счастье от того, что видишь, как Господь касается жизни людей приправляет наши собственные порывы организовать все. Но это не может длиться вечно. Рано или поздно люди твердо вплавляются в ту структуру, которая была создана в целях ограждения Божьего присутствия среди них. А зачастую все заканчивается и отказом от Него в пользу собственной мудрости. Нет, у нас однозначно не достанет ума контролировать то, как действует Бог».

«Да, и желания такого не возникает»,— ответил Марвин. Джон улыбнулся: «Собственно поэтому мы и ведем эту беседу...»

«Ну, а что же тогда такое — церковь, Джон? Если это не регулярное собрание верующих?»

«Марвин, я не сказал, что не надо собираться вместе. Я пытаюсь донести до вас, **что собрания никогда не восполнят в вас то, чего вы ищете.** Взгляните вокруг».— Джон повел рукой показывая, на всех во дворе.— «Разве эти люди не собраны вместе?»

«Вы что, хотите сказать — это церковь, Джон?»— Марвин был также удивлен, как и я.

«Ага! А я думал, что мы просто на шашлыки собрались!»— добавил я.

«А я говорю вам, что здесь собрана церковь. Вот — люди, которые любят Бога. За сегодняшний день, я уверен, они разделят друг с другом немалую часть Его жизни. Христос сказал всего лишь, что там, где двое или трое собраны во имя Его, там и Он будет. Он не уточнял, что тогда должно делать, в каком назначенном месте собираться, или в какой определенный для этого день недели. Не похоже, чтобы Его понимание церкви совпадало с тем, как мы ее понимаем, или было похоже на то, куда мы ходим. Церковь — это просто реальность, в которой мы живем каждый день.

Разве вы не видите, что вы уже в этой реальности? Живя как Его Тело, мы поддерживаем друг друга ежедневно, побуждаем друг друга любить глубже, и становимся все больше благосклонными друг к другу. А выглядит это также просто, как приглашение на шашлыки».

«Даже при отсутствии прославления и изучения Библии?»— спросил Марвин.

«Мы же говорим о том, как действует Отец, не правда ли? А прославление — это не длинная служба и молитвенное время, Марвин. Это — ежедневная жертва в жизни христианина, что означает — предоставление Ему возможности являть себя через вас. Вот это и есть радость жизни в Царствии — наблюдать, как Он действует в вас. Кроме того, я уверен, что если кто-либо сейчас предложит попеть, восхвалить Господа или помолиться, все подхватят и это будет великолепно. Похоже, что некоторые уже молятся»,— Джон указал на группу людей, которые расположились на крыльце, держась за руки.

«Но это совсем не то, что мы привыкли называть церковью».

«Конечно, нет! Разве это может быть так просто? И столько удовольствия наше общение приносить не должно! Мы над этим должны работать, усердно и не поднимая головы! Видите теперь, как жизнь Царства Небесного вырвана из ваших сердец?»— Джон покачал головой, тяжело вздыхая.— «Трудностей на вашем пути хватит и без того. Неужели вы не пожелаете в противовес этому проводить время вместе в радости, поддерживая друг друга, как верующие в Него?»

«Джон, а как же будут возрастать новые верующие? Разве нам не потребуется учение?»

«А чем мы заняты в эту минуту? Я пытаюсь помочь вам открыть нечто такое, что освободит вас в таких сферах, о которых вы даже не подозреваете. Разве это не учение?»

«Ну, так не все же слышат об этом. Некоторые выпадают из процесса».

«Они могут не участвовать в нашей беседе, но я очень сомневаюсь, что они упустят уготовленное для них Богом на сегодняшний день. Он просто этого не допустит».

«Вы пытаетесь сказать, что лучше не иметь таких собраний, где мы все будем задействованы в одном и том же?»

«Дело не в том, что лучше. Дело в том, что естественно. Церковь может праздновать свое общение по-разному, многочисленными способами. В данный момент вы познаете лишь один из них. Если вы начнете видеть церковь как организм, а не как деятельность, то вы сможете радоваться всякому ее проявлению вокруг вас. Не знаю, лучше ли это, но, во всяком случае, уж точно — не хуже. Сегодня произойдет множество невероятных событий, и это — просто потому что вы вместе.

Иногда — жизнь, о которой мы ведем речь, наилучшим образом видна в разговоре, подобном этому. Иногда мы можем наблюдать ее в более обширных беседах, которые можно организовать только через собрания. Если вы принимаете только одну форму, то вы упускаете возможность познать множество других форм общения, через которые может действовать наш Отец. Вместо того чтобы обдумывать, какая форма группы или собрания подходит нам больше, лучше спросите людей, что больше всего помогает им возрастать в этой жизни. У Джейка на эту тему были светлые мысли несколько минут назад».

«Это ты о чем?»— произнес я, снимая последнего цыпленка с гриля. Я терялся в догадках, что бы он мог иметь в виду.— «Мы ведь не говорили о церкви. Или я что-то упустил?»

«Как же — не говорили. Люди, приобретающие опыт жизни в отношениях с Отцом, в свободе от чувства стыда,— основа жизни Тела. Остается только найти, как разделять эту жизнь — и вы уже Тело».

Марвин было открыл рот, чтобы задать свой очередной вопрос, но я поднял разнос с шашлыками и знаками дал всем знать, что пришла пора двинуться за мной туда, где основной

«пир горой» уже привлекал к себе желающих «повеселиться». Я поприветствовал всех, особо отметил такое событие, как присоединение к нам Джона, и попросил его помолиться. Он улыбнулся в ответ, на минуту задумался, осмотрел стол и затем кивнул.

«Я попрошу вас всех взять пустые стаканы»,— сказал Джон, пустив стопку бумажных одноразовых стаканчиков по кругу. Затем, среди многочисленных блюд он отыскал булку хлеба и, отщипывая от нее кусочки стал раздавать их всем стоявшим в кругу.— «Возьмите каждый по кусочку». Затем, подмигнув Лори, он взял со стола кувшин с виноградным соком, который она только что поставила на сервировочный стол у окна. Он налил сок в стаканы тех, кто стоял рядом с ним и передал кувшин Джереми, который продолжил это дело. Когда все были готовы, Джон поднял хлеб, который он держал в руке, все последовали его примеру. Джон возблагодарил Бога за все, что Он дает нам: за еду на столе, прощение грехов, добрых друзей и более всего за ту жизнь, которую мы имеем в Сыне Его.

Когда имевшие что сказать дополнили молитву Джона, он обратился ко всем держа хлеб так, чтобы его было видно всем. «Тело Его было ломимо за то, чтобы дух ваш был жив. Помните об этом и о Нем, вкушая это». Затем Джон поднял свой сок. «Чаша крови Нового Завета, которая смывает грехи ваши и подкрепляет дух наш. Это последняя вечеря Его с учениками. Обетование, которое мы имеем от Него, состоит в том, что мы будем пить с ним новое вино в свое время. Во славу Царя, Освободителя и Брата нашего в Доме Отца...»— сказал Джон, приподняв свой стаканчик и прервавшись в краткой паузе. Все разом присоединились, выражая свое благоговение перед Христом.

Наконец Джон завершил фразу: «Пока не увидим тебя лицом к лицу...» Он поднял взгляд в небо. Затем — повернулся к людям вокруг себя. Тогда мы все выпили и стояли в полном молчании, благоговейно объятые Его благодатью и любовью друг к другу. Постепенно молчание сдало позиции объятиям, и мало помалу сформировалась очередь за едой.

После того, как мы наполнили тарелки, наша беседа с Джоном продолжилась на крыльце, и к нам присоединились новые слушатели. После нескольких вводных фраз, Марвин вернул нас к тому, на чем мы остановились: «Мне нравится ваше видение церкви, Джон. Но стоит ли нам проводить такое собрание каждую неделю?»

«Как ты думаешь, Джейк?»

«При условии, что мы встречаемся у Марвина, и он готовит»,— предложил я.

«Будет лучше, если вы не будете планировать, что делать каждую неделю, а будете размышлять над тем, о чем Христос просит вас сегодня. Очевидно, что у вас болит душа о тех, кто вне церкви. Это прекрасно! Но не ищите инструментов рутинной мотивации для них, а наблюдайте за тем, что предлагает вам сделать Господь в том, чтобы поддержать или духовно вооружить их. Это просто!»

«Также просто, как пригласить их к обеду».

«Да, или пригласить некоторых к изучению Библии, если Господь положит вам это на сердце».

«У меня были такие мысли, но я думал, что это не нормальный подход».

«Что если вам пригласить некоторых из этих людей на полугодовое изучение определенных вопросов нашей жизни в Боге? Я думаю, что многие из них мгновенно откликнутся».

«А что делать, когда это изучение закончится?»

«То, что Он поручит вам дальше. Помните, сначала нужно вооружить людей для жизни в Нем, а уж потом наблюдать, как Он соберет Свое собрание. Поймите меня правильно. Я очень ценю, когда группа людей желает намеренно выступать в единстве, выражая собой христианское сообщество — они хотят слышать Его голос, знают все друг о друге, делятся всем, что имеют, помогают друг другу и поддерживают друг друга, и вообще — делают то, на что их поставил Господь. Но невозможно организовать все это с теми людьми, которые не готовы. Помните, что наставничество всегда предшествует собранию. Когда вы познаете сами, что значит идти за Христом и поможете другим познать то же, то вы увидите, как жизнь Тела будет прорасти вокруг вас».

«А как это будет выглядеть?»

«Это может выглядеть как угодно. Я знаю такие группы, которые ходят в походы, завтракают вместе на природе. Знаю даже такие семьи, которые съехались в один район, чтобы быть поближе друг к другу. Есть известные мне очень благополучные домашние церкви,

которые живут как одна семья и такие, которые встречаются в больших зданиях. Некоторые из тех, кого я могу привести в пример — просто работают одной бригадой, строят дома для бедных, готовят еду в миссиях, или находят другие разнообразные способы распространять жизнь Христову в культуре своего народа.

Способов проявления этого множество, потому что у нашего Отца творческий подход ко всему. Если вы попытаетесь скопировать по-своему хотя бы один из Его подходов, он окажется бессмысленным и мертвым после того, как первичное возбуждение от прикосновения к чему-то новому испарится. Церковь жива там, где люди концентрируются на Христе Иисусе, а не там, где они сфокусированы на том, как устраивать церковь. Вы на том замечательном этапе, когда можно научиться разделять Его жизнь меж собою. Просто живите, любите, прислушивайтесь и Он сам организует вас в такую форму церкви, которая наиболее всего отвечает Его планам. Не отчаивайтесь, если нет ничего такого, на что можно было бы указать пальцем и сказать „вот церковь!“. Вы и есть церковь. Не бойтесь жить в существующей реальности».

«Если, по-вашему, церковь — это такой простой организм, то, как же в нее вписываются руководители? Разве нам не нужны старейшины, пасторы и апостолы?»

«Для чего?»

«Ну, должен же быть кто-то, ответственный и организующий, чтобы люди знали, что делать», — Марвин был практически вне себя. Я весь внутренне сжался, зная, что он не услышит желаемого.

«Чтобы люди имели соблазн следовать за кем-либо, кроме Христа? Разве вы не понимаете — у нас уже есть лидер! Церковь уступает главенствующее место Христу во всем, и она не дает никому другому взобраться на Его место».

«Так, значит и руководители церкви не важны?»

«Не настолько, насколько вас этому учили. Сегодня средний прихожанин редко понимает церковную жизнь без организации и руководителя, которые обтесывают паству в соответствии со своим видением. Кто-то хочет вести за собой, а кто-то страстно желает быть ведомым. Эта система настолько ослабила Божий народ, что теперь большая его часть не может себе даже представить жизни без человека во главе, с которым можно было бы себя соотнести. И после этого мы стенаем, что духовная жизнь так низка. Перечитайте Новый Завет, и вы увидите, как мало внимания в нем уделяется вопросам руководства в том смысле, в котором они волнуют нас сегодня».

«Но ведь и тогда были старейшины, апостолы и пасторы, вы же не будете возражать?»

«Были, но они не стояли впереди и не вели людей вслед своих личных откровений, они были, так сказать, за сценой, исполняли именно то, что и у вас на сердце, Марвин, — помогли людям вживаться поглубже в Христа, чтобы Он мог вести их! Старейшины не занимались управлением церковной машины, а духовно вооружали последователей Господа, помогая им наладить личные отношения с живым Богом. Вот почему Он просил нас помогать людям, превращаться в Его последователей, и сказал, что Он сам устроит свою церковь. Давайте ж сосредоточимся на своем задании, и позволим Ему исполнить свою задачу».

«И где же мы найдем таких руководителей церкви сегодня?»

«Не ищите руководителей в своем понимании, осмотритесь — есть среди вас братья и сестры, которые немного дольше, чем вы на этом пути. Они есть в вашем городе, они даже сегодня среди вас в этом дворе». «Но как же мы их узнаем, если они не помазаны?»

«У меня обратный вопрос: как узнать, является ли назначенный на должность человек руководителем от Бога? Разве вам не известны так называемые пасторы, старейшины, у которых не достаёт духовной зрелости соответствовать своей должности? Не сказал ли нам Христос, что люди, поставленные руководителями в этой семье — вовсе не из тех, кто обладает властью над другими, а, напротив, из тех, кто служит? Неужели трудно определить, кто это в вашей семье?» — спросил Джон.

«М-да, по мне лучше, когда это обозначено на нагрудном значке», — сказал Марвин сквозь загнувшийся его всеобщий смех.

Как раз в этот момент мимо нас, по направлению к группе, расположившейся на газоне, проходила женщина средних лет — мать одиночка. Я кивнул ей и улыбнулся, она приостановилась и тихо обратилась ко мне: «Джейк, я могу вас кое о чем попросить?»

«Конечно, Кристи».

«Меня беспокоит моя машина»,— сказала она.— «Когда я ехала сюда, она издавала странные звуки, и я бы чувствовала себя более спокойно, если бы кто-нибудь посмотрел, что там с ней».

«Я был бы рад, но боюсь, что не силен в вопросах ремонта машин. Вы знакомы с Бобом? Вон тот мужчина в голубой рубашке»,— сказал я, указывая на Боба.

Она взглянула в его сторону и кивнула: «Не достаточно хорошо, но я с ним познакомилась».

«Он знает об автомобилях больше, чем кто-либо в этой компании. После обеда я попрошу его посмотреть вашу машину».

«Было бы здорово!»— отозвалась она и отправилась к той группе, к которой шла.

Когда я вернулся к оставленному разговору, выяснилось, что все слушали нашу с ней беседу, а Джон смотрел прямо на меня. «Все именно так — проще и быть не может!»— сказал Джон, указывая на меня открытой ладонью.

Никто не мог понять, о чем он говорит. Наше обескураженное молчание это подтверждало. «Почему Джейк отправил Кристи к Бобу?»

«Так он же автомобильный мастер»,— сказал кто-то из группы,— «Все знают, что это его увлечение».

«Вряд ли об этом знала Кристи, а Джейк просто указал на него. Определение Божьего дара в семье верующих настолько же просто. Господь даст те взаимоотношения, которые вам надлежит искать. И постепенно возрастая в них, вы узнаете, кого и каким даром благословил Бог. Не удивительно, что не все будут знать то, что явно вам. И когда кто-то спросит у вас совета, вы укажете им того, кто сможет в этой ситуации помочь. Это, возможно было единственным, о чем Павел просил Тимофея и Тита. Они определенно не были посланы отбирать команды управления церковью. Они, скорее всего, просто определили тех, кто знали истину Благовествования и изменились под ее воздействием. Но были и те, кто провозглашал себя новым творением, но на самом деле не был им, и Павел не желал, чтобы только что уверовавшие смущались такими».

«И что? То, о чем вы говорите — действует?»— спросил Марвин, качая в сомнении головой.

«Лучше, чем что-либо другое, из того, что я знаю»,— сказал Джон.— «В этом мы можем полностью положиться на Христа! Он управляет жизнью церкви так превосходно, как никто из нас никогда не сможет. Живите в Нем, исполняйте все, что Господь положит вам на сердце, и вы исполнитесь благоговением перед тем, что Он произведет среди вас».

«О нас уже поговаривают, как о странных»,— добавила Лори.

От души рассмеявшись, Джон встал и извинился за то, что ему уже было пора откланяться. Слушатели разразились разочарованными возгласами, все надеялись задать ему хотя бы еще по вопросу.

«Мы сможем все это повторить еще раз?»— спросил Марвин.

«Я бы с удовольствием, но не я решаю».

«У нас остались вопросы без ответов!»— добавил кто-то из нашей группы.

«Тогда задайте их Господу!»— отозвался на это Джон.— «Я могу отвечать на ваши вопросы целыми днями, но это не произведет в вас действия. Ваша жизнь не может быть логично выстроена интеллектом, ее нужно раскрывать, следуя за Богом. Он Сам даст вам откровения тогда, когда необходимо».

Сказав это, он отправил свой одноразовый прибор в мусор и направился к выходу.

ГЛАВА 12. Великое единение

Давненько не стоял я на сцене перед полным залом, ровно разделенным прямыми, как стрелы, рядами. Я сразу испытал странное чувство, еще тогда, когда только получил приглашение, и еще более неловко проходил через весь процесс. Но Брюс, пастор церкви «Часовня в Корнстоун», пригласил меня для свидетельства перед его приходом о моих возрастающих доверительных отношениях с Господом.

Я знал Брюса не близко, давно — еще, когда я работал в церковном служении,— мы встречались на совместных собраниях. Поэтому его звонок два месяца назад, застал меня врасплох. Он сказал, что про меня ходят разные слухи, но он хотел бы встретиться со мной лично и получить всю информацию из первых рук. Я мог только предполагать, о чем он

слышал и с чего вдруг такое беспокойство, но решил, что интересно будет обо всем этом узнать при личном общении. За одной встречей последовали другие, поскольку стало ясно — парень боролся с теми же разочарованиями в своей христианской жизни, что и я несколько лет назад.

Это немало потрясло меня. Я помнил его молодежным пастором, с тех пор он вырос до положения старшего пастора. Церковь его быстро росла, причина тому была. Люди стекались из двух других церквей, которые как раны кровоточили, поскольку любимые пасторы ушли со своих должностей — один на повышение в более крупную, а другой — со скандалом.

Привлекательный и искромётный подход к проповеди у Брюса, умело приправленный музыкальным сопровождением, выигрывал на фоне всякого профессионализма. Поэтому Корнстоун стал самым популярным местом для всех последователей евангелического направления. В церкви уже велось три службы в огромном зале, а совет подумывал о строительной программе. Я подозревал, что Брюс был придушен почти насмерть.

Однако нет — по крайней мере — насмерть не был. На нашей первой встрече он сказал мне, что духовно угасает и подозревает, что большая часть его людей тоже. Его отношения с Богом растворились в нарастающих потребностях увеличивающегося прихода. «Я прихожу к выводу, что нет никакой связи между успехом моего служения и полнотой моих отношений с Богом. Более того, — самые превосходные мои проповеди рождаются в моменты откровенно нелепых падений. Я уже начинаю подозревать, что служение — это тот „шкаф“, в который я прячусь от Бога».

Он хотел возродить то рвение по Господу, которое привело его к служению изначально, но не знал как. Когда он открывал проблемы своего духовного голода другим служителям в церкви, то получал утешения типа того, что волна плодотворности, которая его несла, была доказательством Божьего благословения, и мучающие его сомнения должны быть отвергнуты. Утешения на время делали свое дело. Однако, внутренние одиночество и борьба, сопровождавшиеся постоянно нарастающими искушениями, выигрывали позиции и толкали к озлобленности и депрессии, которые он как «несун» тайно тащил домой.

Ни он, ни я не могли предположить, к чему это могло привести, но мы оба знали, что оставаться на этом пути — рискованно. При этом Брюс продолжал утверждать, что ничего кроме настоящих отношений с Богом ему не нужно, даже, если это будет ему стоить многого. Он даже попросил меня выступить перед его паствой на воскресных служениях церкви.

Одно из них только что было завершено. Лори и я попрощались с Брюсом и направлялись к автомобильной стоянке, шурясь от яркого полуденного солнца. С нами продолжали прощаться люди из церкви, также вышедшие после службы — они благодарили меня за визит. И тут я его увидел. Это, конечно, был Джон, направлявшийся к нам со стороны стоянки и озорно улыбавшийся. Мы от души обнялись. Восторг Лори по поводу этой встречи в несколько раз превосходил мою радость. Должен отметить, что я даже почувствовал себя немного неловко на своем месте.

«Что ты тут делаешь?» — задал я практически риторический вопрос. — «Стой, дай сам догадаюсь», — добавил я шутливо, — «Ты свалился с небес на эту автомобильную стоянку, а тут, оп! Вот он — я».

«Нет, все совсем не по такому закрученному сценарию. Я провел день с Дианой и Джереми. А, просматривая их газеты, заметил объявление о твоём выступлении и захотел с тобой встретиться. Они отпустили меня пару минут назад. Дела у них идут как нельзя лучше, не правда ли?»

«Даже больше, чем сказано. Я никогда не видел, чтобы верующие возрастали так быстро. Мы с радостью проходим с ними этот путь».

«Они сказали мне, что снова общаются с Джимом и его женой. Для меня большая радость — видеть, как Господь производит настоящее примирение, даже после предательства и трагедии».

«Их путь — это особая история», — вмешалась Лори. — «Но почему они не сообщили нам, что вы приедете к нам в город?»

«Они не знали об этом», — он улыбнулся, а я понял, что это значило.

Я спросил, может ли он с нами пообедать, если мы его пригласим. Но он ответил, что времени на это нет. Некто из Лос-Анджелеса должен был подъехать за ним с минуты на минуту.

«Давайте уж побеседуем тут, пока есть возможность», — сказал Джон, указывая на маленький столик под деревьями у края парковочной площадки. Мы направились к столику, а меня в это время отвлек крик дикого гуся где-то прямо над нами. Я поднял взгляд в небо и увидел целую дюжину птиц, стройным клином, направляющуюся к югу. День стоял невероятной красоты. Оглянувшись, я увидел еще одну стаю.

«Так что ты тут делал?» — спросил Джон.

«От тебя не скроешься», — я поднял руки, изображая поражение, — «Вхожу в доверие к врагу».

«Это должно быть шутка», — засмеялся Джон. — «По крайней мере, я на это надеюсь».

«Конечно шутка. Но когда я готовился к этому событию, я спрашивал себя, что бы ты сказал по этому поводу. Ведь есть уже такие ораторы, которые сравнивают церковные организации с египетским рабством для Израиля. Надеюсь, что ты не из этого лагеря».

«Не совсем». — Ответил Джон с улыбкой. — «Так как же возникла идея выступления?»

Я вкратце рассказал Джону о своих отношениях с Брюсом, а также о его приглашении выступить на собрании.

«И как все прошло?» — спросил он меня. «Надо бы спросить кого-либо из слушателей».

«Прошло великолепно», — вмешалась Лори. — «Они попеременно смеялись и плакали, слушая о том, что значит — жить, будучи объятым Отцовской любовью».

«Но для меня, Джон, все это было весьма странно. Раньше мне очень нравилась такая обстановка, а сегодня она казалась такой мертвой!»

«Почему?»

«Я варился в этой каше столько лет, Джон, но совсем не уверен, что все это помогает людям обрести свободу в истине. У меня нет сомнений в том, что здесь возможно прорасти семя истины, и бывают редкие моменты, когда свет разрывает тьму для некоторых. Но у большинства прихожан со временем развивается духовная глухота, и, даже, если время от времени они слышат сказанное прямо к сердцу, эти обличения забываются сразу же, как только реальность жизни встречает их за дверью церкви. С другой стороны, наши с тобой беседы оказались для меня критическими. И я знаю, что важны были не только те слова, которые ты произнес, но и момент, в который ты их сказал. То был период моей внутренней борьбы, когда ты не только дал мне ответы, но и поставил свои вопросы. От этого, то, что ты сказал, обрело силу. Я просто не нахожу возможным, передать подобное в проповеди».

«Конечно, такое не передашь, но это вовсе не означает, что сегодняшнее событие было бесполезным. Всему есть свое место, но, как ты говоришь, — это не единственное место. Если смотреть в перспективе, системы, подобные этой, не могут помочь людям научиться жить полнотой Христовой жизни, и также не откроют им глубины христианского общения, но зато именно они зачастую и приводят людей к пониманию того, что Бог есть».

«Я, например, познала начало истины и голод к познанию Бога в собрании, подобном этому», — добавила Лори.

«Но утоляло ли оно твой голод, Лори?»

«Время от времени мне казалось, что да. Однако, оглядываясь назад, я понимаю: на самом деле — только раздражало. Собрание порождало голод, который не могло удовлетворить. Одновременно оно создавало чувство, что в этом ненасыщении есть моя вина. Я страдала, полагая, что может быть, я не достаточно понимаю или мало делаю».

«Как раз это и происходит тогда, когда организация пытается исполнить то, что она по определению не может. Предлагая уйму услуг для удержания масс, она невольно уводит прихожан от реальности духовной жизни. Высоко одухотворенные мероприятия создают иллюзию духовности, но они не могут преподать людям опыт того, как жить в Нем каждый день, как полагаться на Него в тяжелые минуты жизни».

Странный парадокс Христианства состоит в неумном желании упаковать себя в рамки организации. Есть ли такой ребенок, который захочет жить в детском доме при наличии семьи? Душа наша стремится к семейному общению. В семье дети познают себя как личность и находят свое место в мире. Если взглянуть на понятие приюта в целом — так это удобная система. В ней лучше всего выживают те, кто исполняют установленные в нем правила. Но Христос связывает нас с Отцом не таким образом. Для этой связи необходима семья — братья и сестры, которые откликнутся в нужный момент, и не будут дожидаться собрания или планировать семинар по этому поводу».

«Именно так ты мне и помогал! Ты всегда оказывался рядом как раз тогда, когда был больше всего нужен, хотя и не всегда, когда я хотел тебя видеть. Ты помогал мне разобраться в том, как исполнять то, что Бог полагал мне в сердце, и это дало мне возможность научиться держать Господа за руку. Теперь я не обменяю свою жизнь в Нем ни на что на свете».

«И я тоже»,— добавила Лори.— «Но тогда, что хорошего в этих структурах?»

«Может быть, они загружают делом тех, кто в них пойман настолько, что у них уже не остается сил, чтобы заразить религиозным вирусом весь мир»,— предложил я с усмешкой.

«Неплохая мысль»,— отреагировал Джон с улыбкой, но тут же посерьезнел. — «Однако я думаю, что ответ намного шире. Как ты уже сказал, хорошее учение может посеять семя, а также наладить связь между людьми, которую Бог может использовать многие годы. Тем не менее, это может оказаться небескорыстным. Со временем организованные структуры становятся навязчивыми — именно тогда, когда начинает превалировать принцип соответствия требованиям. Когда такое происходит, я всегда советую бежать прочь. Но нельзя сбрасывать со счетов те церкви, в которых достаточно здоровый семейный дух. Динамика духовных отношений любви и сострадания переплетается с организационными элементами и создается определенное христианское сообщество. Помните, например, начало деятельности Городского Центра?»

«Я помню!»— лицо Лори осветилось радостью.— «Значит, не все было плохо?»

«Вовсе нет. И на самом деле, когда организуется новая группа, ее центром всегда бывает Бог, а не нужды организации. Но такой настрой обычно пропадает, когда финансовое бремя и стремление организовать все по расписанию побеждает простоту следования за Христом. Отношения черствеют в рутине, и чем больше энергии высасывает из людей организационная машина для поддержания своего существования, тем менее важной она становится».

«Вы считаете, что именно так на это смотрит Бог?»— я заметил, что Джон уже несколько секунд смотрит поверх моего плеча, но я даже не догадывался, что кто-то мог присоединиться к нашей беседе. Я повернулся и увидел, что прямо за мной стоял Брюс.

«И давно ты тут?»

«Только что подошел. Я шел к машине, когда увидел, что вы тут расположились, и подумал, а не может ли этот человек быть тем самым Джоном».

Я ответил ему, что именно так и есть, и представил их друг другу. «Могу я присоединиться к вам? То, о чем вы говорите, беспокоит меня нынче больше всего».

«Конечно»,— отозвался Джон, подвигаясь и освобождая на лавочке местечко для Брюса рядом с собой.

«В течение нескольких прошедших месяцев мы с Джейком многое обсуждали. Мне очень нравится то, что Господь производит в нем».

«Правда?»

«Я знаю Джейка давно, но не близко, мне казалось, что он относился к людям свысока, хотя те так не думали. Потом поползли слухи, что он ушел из Городского Центра, и не посещает никаких собраний. Я решил, что он — еще одна горькая жертва церковного служения. Несколько месяцев назад его имя стало всплывать в беседах — и мне нравилось, в каком контексте. Тогда-то я и решил ему позвонить, и когда мы встретились, я был приятно удивлен. Это был не тот Джейк, которого я помнил. В нем изменилось практически все, а то, о чем он говорил, затрагивало самые глубокие мои чувства. Чем больше я живу жизнью во Христе, тем меньше у меня желания быть связанным всем этим»,— сказал он, обозначив указательным жестом остроконечное строение, блиставшее на ярком солнце.— «Рост паствы не приносит мне радости. Чем больше людей мы привлекаем, тем опустошеннее себя чувствуем. Это — чудное место, где можно спрятаться от всего, сюда приятно приходить, и даже чувствовать себя благословленным. Я все время говорю себе, что мы производим здесь нечто великолепное, и это помогает мне держаться. Но, когда я откровенен с собой, то не могу не ставить свои соображения под сомнение. Я бы без колебаний ушел, если Бог действительно думает, что это все менее и менее важно, как вы сказали минуту назад».

«Главное, что вы должны понять — я не имел в виду, что вы не важны для Бога или — все эти люди. Напротив. Но под этим я подразумевал то, что Бог смотрит сквозь организационные структуры и имеет дело непосредственно с людьми. Он желает, чтобы они познали Его и узнали, что такое — настоящее общение друг с другом. Он постоянно приглашает нас к этому на протяжении всей нашей жизни».

«Так значит ты не совсем против того, что я выступал сегодня в этом здании?» — спросил я, почувствовав облегчение.

«Конечно, нет, Джейк. У меня нет никаких возражений против того, чтобы идти туда, куда идет Господь, а Он уж точно будет здесь, привлекая людей к себе».

Брюс продолжил: «Но, при всей проводимой работе и затрачиваемых деньгах, окончательный духовный продукт весьма не впечатляющий. Новых людей познающих Бога — нет. Все те, кто составляет паству этого собрания, приходят из других церквей, в данное время переживающих проблемы. Я лично не знаю никого из тех, кто был бы на том же пути, что и Джейк. Есть всего несколько из тех, кто разделяет мой духовный голод, но мы настолько заняты, что не успеваем об этом даже поразмышлять», — голос Брюса сорвался, а переживания, которые я так часто в нем видел, снова оказались на виду.

Джон потянулся через стол и накрыл ладонь Брюса своей. «По-другому быть не может. Если люди влюблены в какую-нибудь программу и становятся зависимыми от нее, как от какого-нибудь духовного компонента своей жизни, они уже не видят ее ограниченности. Но она не может стать заменой их жизни в Боге, и производит лишь иллюзию христианских отношений, потому что основана на тех делах людей, которые производятся для поддержания деятельности организации».

«А разве не может быть по-другому? **Ярываюсь между ответственностью привнесения реформ в эту систему и желанием уйти из нее.** Но ни одно из этих решений не кажется мне оптимальным. Не думаю, что существующее можно реформировать, по крайней мере, своими силами я этого добиться не смогу. На данный момент есть уже такие служители, которые подвергают сомнениям мое положение пастора, когда я говорю о своих проблемах. С другой стороны, понятия не имею, как я вытяну финансово, если уйду из церкви».

Джон не ответил, и слова повисли в воздухе на несколько мгновений, я также не вмешивался. Я знал, что Брюс боролся с этим сакраментальным вопросом. Ответа для Брюса у меня не было, и я жуть как хотел услышать, что по этому поводу скажет Джон. Пока мы ждали я, глядя поверх плеча Джона, заметил еще один клин диких птиц, с шумом пролетавший на юг и на моих глазах, слившийся с еще одним, таким же.

«Что мне делать? Может бежать пока не поздно из этой порочной системы? Может лучше, если такие люди как Джейк будут существовать и служить своеобразным противовесом тем, кто желает служить машине?» Он взглянул на меня с улыбкой. На эту тему у нас с ним дискуссии уже были. Он даже спросил меня однажды, не хочу ли я подумать о том, чтобы прийти к нему на работу в церковь.

«Попытки реформировать эту систему продолжают вот уже две тысячи лет, а результат всегда один и тот же — рождается новая система, чтобы заменить собой старую, но со временем и она требует себе замены. Вы заметили, что те люди, которые разделяют с вами ваши стремления, не разделяют вашего желания реформировать этот механизм?»

«Да, я это заметил. Люди, чью духовную зрелость я уважаю больше всего, как-то отходят от участия в том, чтобы поддерживать дыхание жизни в этой машине. Я очень разочаровывался в их действиях. Буквально это означало, что на руководящих позициях у нас оказывались те, кто не очень хорошо знает Бога, но имеет твердое убеждение в том, что и как следует делать».

«Но это же должно было вам что-то открыть».

«Это открыло мне только то, что может они и не были достаточно духовны, поскольку не желали оказывать мне помощь».

«Может быть и так, но с другой стороны, может, они хотели, чтобы их время тратилось на реальную помощь людям, а не на бесконечную череду совещаний комитетов?» «Последнего я больше всего боялся», — сказал Брюс, и смущенная улыбка появилась на его лице. «Но при этом, машина, как вы ее называете, остается на попечение тем людям, которые даже не знают сущность Бога. С ними невозможно работать».

«Вот так проблемка, да? В основании структуры лежит власть, и стремление пробиться к ней любой ценой. А те, кто вырастают в познании Бога, в ней уже не нуждаются».

«И к тому же, бывают такие моменты, когда я не уверен, нужно ли применять все мои таланты к тому, чтобы продолжать вращать этот механизм, при условии, что он не эффективен для Царствия Божьего и обкрадывает мою семью, лишая ее отца, поскольку дома я бываю редко».

«Это вызывает и такие чувства?»

«Не у меня, но моя жена не перестает об этом говорить. И она права. Должен отметить, что я настолько вовлечен во всю эту деятельность на плотском уровне, что даже не замечаю такие подробности».

«Будет неплохо прислушаться к тому, что говорит жена, но еще более важно слушать, что говорит Христос. Знаете, что Брюс, мне кажется, что вы пытаетесь принять решение по поводу своего будущего, основываясь на принципиальном подходе, а не на простом послушании. Как, по-вашему, чего от вас ждет Господь?»

«Я надеялся, что вы поможете мне определить хотя бы какие-нибудь критерии, чтобы это сложное было легче понять».

«Да, и заодно украду у вас возможность прочувствовать то, как Он вдохнет свою волю в ваше сердце?!» — Джон ответил с уважительной улыбкой. — «Никогда. Это — между вами и Ним. Определение всех критериев вместе с Ним приведет к росту ваших отношений. Не ищите, какой ответ на ваш вопрос правильный или неправильный. В этом случае есть соблазн осудить других, кто не поступает так, как вы. Бог может желать оставить вас в этом собрании подольше, дать вам любви к этим людям, укрепить их примером вашего духовного голода».

«Лишь бы не ввести их в отчаяние этим», — поправил Брюс.

«Не исключены и оба варианта», — улыбнулся Джон. — «С другой стороны, Он может пожелать, чтобы вы ушли отсюда и узнали, такие разные выражения Его заботы, какие здесь просто невозможно познать. Я не могу знать, чего Он желает от вас».

«И я застрял на том же месте. Я просто не знаю. В какой день ни возьми я постоянно колеблюсь в своих решениях и нахожусь в невероятной зависимости от складывающихся вокруг меня обстоятельств».

«Вот почему важно оторвать свой взгляд от обстоятельств и взглянуть на Него. Он проведет вас через все и при этом завершит в вас свое намерение».

«Я просто не знаю», — сказал Брюс, покачав головой. — «Может быть, я просто боюсь потерять свой достаток». «А вы боитесь?» — спросил Джон.

«Я, конечно бы соврал, если бы сказал, что совсем не задумываюсь об этом. Я умею только то, что я делаю. Не думаю, что моей квалификации хватит на что-либо еще».

«Вы будете удивлены той работе, которую ваш Отец может попросить вас исполнить, и еще больше тем ресурсам, которые Он вам предоставит. Все, что требуется от вас — прийти к Нему со своими страхами и просить показать вам путь».

«Я уже так и делал — тысячу раз», — отвечал Брюс, все так же качая головой.

«Значит, время еще не подошло», — я удивился своему собственному голосу, и уголком глаза заметил, что Джон улыбнулся и кивнул в знак согласия.

«Что это значит, Джейк?»

«На этом пути иногда требуется исполнять то, что Он ясно открывает тебе. Если ты отдал это Господу, так позволь ему и разрешить все. Я уверен, что если бы Господь определил тебе уйти сегодня, то тебе было бы это четко ясно даже пред лицом всех твоих страхов. Если это не определено перед тобой ясно и четко, то жди. Просто продолжай любить Его, следуй за Ним каждый день своей жизни. Наука, которую я познаю сейчас — отдохновение в Нем — это когда я делаю то, что я знаю нужно сделать, и не делаю того, в чем я не уверен. Для усвоения — это самый трудный урок, но в то же время — самый освобождающий».

«Нет, я хочу на свой вопрос ответа по принципу “правильно” — “не правильно”», — слова Брюса кровоточили отчаянием.

«Все мы этого хотим», — сказал я, сочувствуя его состоянию, — «До тех пор, пока Он Сам не воплощается в ответ “довольно вам”. Все решения у Него, а не у тебя, и ответ станет явным в свое время».

«Спросите у Него, с кем Он хочет поставить вас на пути сейчас», — предложил Джон, — «Не пытайтесь принимать решения на основе своих желаний или того, что вы считаете наилучшим. Следуйте нарастающему чувству уверенности, которое Он вложит в ваше сердце».

«Кроме того, это возможно будет и не твое решение. За тебя его могут принять другие», — добавил я.

«Часто Он и так действует», — согласился Джон.

«Это как?»

«Ну, я вовсе не хотел увольняться из Городского центра, Брюс. Меня выгнали, как ты помнишь».

«Вот так перспективка»,— голос Брюса подернулся иронией.

«Джейк прав»,— начал Джон,— «Иногда мы не знаем, чего желает Бог, потому что вокруг нас еще не закончены сюжеты и остаются люди, чьи жизни еще не тронуты нашим к ним прикосновением».

«Таким образом, это действительно долгосрочное путешествие, в котором необходимо давать Иисусу возможность расчищать для нас путь»,— произнес Брюс.

«Именно так, Брюс, и если ты научишься жить таким образом, то никогда не согласишься вернуться в прошлое. Господь действительно прекрасно может показать тебе, как и что делать, особенно тогда, когда ты не будешь переплетать свое желание угодить Ему со стремлением сделать все по-своему или пойти более легким путем».

«Ну да, как-то: поставить свою финансовую безопасность превыше духовного горения»,— Брюс пробормотал больше для себя, чем для присутствующих.

«Да, и это, пожалуй, самое сложное. Пуританской рабочей этикой это не зря назвали»,— усмехнулся Джон.

«В это дело я вложил очень многое. Не знаю, смогу ли я уйти отсюда, если не буду уверен в том, что это именно то, чего Он от меня хочет».

«Вы правы, вы этого не знаете. Но вы будете удивлены тем, на что вы окажетесь способны, когда путь будет расчищен. Грядут дни, когда возможно вам придется справляться с более важными делами, чем сегодня здесь».

«А что же мне делать пока это не открылось?»

«Продолжайте двигаться туда, куда ведет вас ваш голод. Не задавливайте его в себе. И каждый день совершайте то, что Он положит вам в сердце».

«А что если это выльется в какой-нибудь серьезный конфликт?»

«Как, например...»

«Ну не знаю, я уже слышу отголоски нарастающего недовольства и в том, что я не достаточно настойчив в отношении пожертвований, и в том, что не заставляю людей оказывать помощь детской церкви. Когда я призываю паству полагаться на Бога, то другой пастор полагает, что я просто не исполняю свои обязанности».

«Поверьте мне, я знаю, о чем вы говорите»,— ответил Джон с ноткой грусти в голосе.— «Но необходимо следовать за Ним, даже в том случае, если это ведет к конфликту. Всегда будьте добры и милостивы ко всем, но никогда не идите на компромисс с тем, что противоречит убеждению вашего сердца, только лишь для того, чтобы продвигаться по службе. Не знаю, как это все обернется в вашей жизни, но, как правило, бывает так, как мы даже представить себе не могли бы».

«Но меня ведь и убить могут таким образом».

«Могут. Но если вы собираетесь следовать за Ним, вы думаете, у вас есть выбор? Продолжайте искать, где можно утолить свой духовный голод, Брюс. Этот поиск будет последовательно формировать вас, и укреплять пред лицом того, чему надлежит быть».

«Если я все-таки решусь уйти, мне советовать сделать это другим?»

«Для чего вам это делать?»

«Чтобы спасти их от всего этого и указать на что-то более существенное».

«Указать на Христа — всегда полезно. Сказать людям „уходите“ редко имеет добрые последствия. Что, если бы Джейк призвал вас к этому пять лет назад?»

«Я бы решил, что он водим духом разделения, и не имел бы ничего общего с ним».

«Разве вам бы это помогло? Напротив, это только ожесточило бы ваше сердце к восприятию того, что Бог произвел в вас за эти пять лет»,— Брюс был в глубокой задумчивости.— «Поймите Брюс, всякой правде есть свое время. Если вы откроете ее кому-то, кто еще не готов услышать, то оттолкнете этого человека прочь, и не важно, насколько благостны были ваши намерения».

«А как узнать, что они еще не готовы?»

«Вы же не считаете, что сотня людей будет готова одновременно, в один и тот же день и в одно и то же воскресение?»— Джон улыбался и Брюс вскоре тоже.

«Это то я понимаю, а как насчет конкретных людей?»

«Необходимо довериться тому, что Христос укажет. Он даст вам понять, когда люди готовы, а когда необходимо подождать. Смотрите только, чтобы у вас на уме было служить им, а не использовать их для того, чтобы поднять ценность своего собственного выбора посредством убеждения их согласиться с вашими выводами. Это никогда не производит должного результата. Прислушивайтесь к тем вопросам, которые задают вам люди, они являются показателем их духовного голода. Я и для Джейка забрасывал разные наживки, и наблюдал, что он с ними будет делать. Если он прислушивался, затруднялся и задавал вопросы, то мы продолжали в этом направлении. Если нет, то и не обращали на это внимания! Я пытался служить ему, а не повышать собственную значимость в своих глазах».

Я был удивлен таким ответом, и не мог не задуматься, что такое я мог пропустить, просто потому, что не понял, к чему тогда клонил Джон. Я еще тогда подумал, не потому ли Иисус говорил притчами и метафорами, чтобы помогать тем, кто готов слышать — познавать истину, не ожесточая при этом тех, кто был еще не готов. Надо бы развить эту мысль....

«Я полагаю, что, при подведении черты под нашим разговором, получается следующее: если я хочу найти такую христианскую церковь, которая полностью соответствует тому, о чем говорит Писание, то мне либо нужно реформировать существующую организацию, либо уйти из нее».

«...Либо прекратить ее искать».

«Как? Вы шутите?»

«Никакие институциональные образования не содержат в себе ничего того, что называлось бы церковью. Не ищите ее в организационном смысле, но ищите ее там, где есть общение. Конечно же, Новый Завет говорит о приоритетах вот какой церкви: Христос в ней душа, глава и центр внимания, среди верующих — ежедневное подкрепление, руководство — множественное и не в центре всего, открытое для всех участие в общении и свобода, в которой верующие могут прорасти в Нем».

«Как то, что я имею, общаясь с Джейком?»

«Будут и другие на вашем пути, которых Господь поставит, если вы просто будете следовать за Ним», — добавил Джон, — «Одни будут помогать вам в вашем росте, другим будете помогать вы, но при этом вы больше всего будете осознавать единство того общения в Нем, которое бывает при участии в Его теле».

«Ну, а если мы внесем немного структуры в это стремление....», — голос Брюса стих, стало понятно, что он не знает, как закончить свой вопрос. Наконец, он склонил голову на бок: «Структура и духовная жажда — полярные противоположности?»

«Нет. Не все структуры опасны. Простые структуры могут производить участие в жизни Божьей и могут быть невероятно полезными. Опасность возникает тогда, когда структура начинает жить своей жизнью и предлагать себя взамен Христа, подчиняя верующих себе».

«Значит, мне не стоит искать идеальную церковь или пытаться создать ее?»

«В том смысле, в каком вы об этом говорите, я бы сказал — нет. Но Господь Христос создает церковь без сучка и задоринки. И она включает в себя всех тех в вашей церкви и в других по всему свету, кто живет в постоянно укрепляющихся отношениях с Ним. И искать того, как эта церковь отображается каждый день в людях и событиях вокруг вас — замечательно! Просто не пытайтесь вогнать ее в рамки вашего контроля — это никогда не имеет достойного результата. Христос видел в церкви реальность жизни, а не проектное задание своим ученикам. Она растет прямо здесь, вокруг вас. Вы не видите этого лишь потому, что центр вашего внимания расположен ниже ее величия и великолепия».

«Как же мне изменить фокус своего внимания?»

«Есть один способ — сосредоточиться на ее Главе. Те церкви, где Господь центр внимания, расцветают невероятным образом. Он расположит вас в своем теле именно там, где пожелает. Рост в ваших взаимоотношениях приведет к тому, что вы вдруг заметите вокруг себя таких людей, которые именно сейчас желают быть более тесной семьей. Это невероятная вещь сама по себе, но она не повод, чтобы отводить взгляд от Него. Бывает так, что группы, начавшие свою жизнь, с Христом в центре, легко и быстро поддаются искушению организовать свои похороны. Когда Господь перестает быть центром нашего поиска, прикосновение к Его Телу превращается в мираж».

«Даже не знаю, что сказать»,— внутренняя борьба явно отражалась на лице Брюса.— «Это противоречит всему тому, чему я научен. Меня натаскивали в том, как все выстраивать, как держать под контролем. Я бессилён и не могу жить так, как вы мне рассказали».

«Вот так система нас и контролирует»,— Джон покачал головой в унисон переживаниям Брюса.— «Мы думаем, что можем устроить все посредством наших инициатив и усилий, но именно поэтому устраиваемое не производит той жизни, по которой у вас такая жажда! Жизнь эта — у Господа».

«И обретается тогда, когда оставляешь попытки ее контролировать».

«Или иллюзии того, что ты можешь это делать, Брюс»,— добавил я,— «Самым тяжелым вынесенным уроком из всего для меня было познать то, что я никогда ничего не контролировал. Хотя все время думал наоборот».

Джон молчал, и я продолжил. «Настоящее христианское братство — это никаким образом не то, что мы себе выдумываем и пытаемся соорудить. Это — дар, который дается от Бога».

«А это разве не в прямом противоречии с тем, что я делаю тут?»

«Вы думаете, что в противоречии?»— задал вопрос Джон.

«Я подозреваю, что да. Но мы так милостивы! Мы не откровенно манипулируем людьми, но из того, что мы делаем, ничто не помогает им жить такой свободной жизнью. Мы говорим о ней, мы желаем всем прилипнуть к ней, но фактически усилия вращаются вокруг развития и успеха этой организации. Мы не учим людей полагаться на Бога практически, а укореняем их в мысли, что покой — это причастность к тому, что мы делаем».

«Может быть, пришло время взглянуть на это по-другому?»— предложил Джон.

Брюс на мгновение замер в молчании: «Я вижу, что даже самое лучшее из того, что мы можем произвести далеко от той жизни, которую я наблюдаю у Джейка. Мы называем совместное пение „прославлением“, а регулярное посещение церкви „общением“; и уже убедили себя в том, что мы действительно делаем это, если приходим сюда — а истинны эти вещи у нас в сердце или нет — это вопрос второй. Мы научили свою паству быть постоянными в участии на службах и программах и приучили их к мысли, что это поднимает их христианскую ценность».

«И не важно при этом, приходят ли они сюда на самом деле познать Бога»,— добавил я.

«Абсолютно точно! За последние два месяца у меня появились такие глубокие отношения с тобой, Джейк, каких у меня не было ни с кем из тех, кого я знал годами. Тебе я могу открыть свою жажду и не получить осуждения. А здесь люди, похоже, ищут во всем какие-то скрытые мотивы».

«Свобода в исповедовании искренности и право на преткновения — и есть ключевые моменты, составляющие основы дружбы»,— отметил Джон.

«А здесь мы пытались представить ее верующим как обязательство. Мы говорим людям, что необходимо принадлежать к собранию и к одной из наших ячеек».

Господь Мой, как же давно я не размышлял уже такими понятиями! «Как же обязательства могут произвести настоящие взаимоотношения, Брюс? Обязательства необходимы только тогда, когда опыт неэффективен или мертв. Когда люди живут в Боге, они ценят всякую возможность воссоединиться со своими братьями и сестрами, идущими с ними по этому же пути. Это не то, к чему их надо призывать, а то, без чего они никогда не смогут жить».

«Как всегда возвращаемся к исходной — не правда ли? **Если мы ищем жизни в Нем — все остальное разрешается само собой. А если нет, то не важно, чем бы мы ни занимались, этого все равно не хватит, чтобы утолить нашу духовную жажду».**

«Абсолютно точно. Он и есть та центростремительная сила, которая нас притягивает. Без Него любые обязательства — поверхностны»,— в то время как я произносил эти слова, сама мысль становилась для меня гораздо яснее, чем раньше, когда я размышлял над этим.— «Я все больше и больше прихожу к такому убеждению, что та Церковь, которую выстраивает наш Господь,— превыше всякого человеческого понимания, в которое мы пытаемся ее обрядить, или, которым пытаемся ее наполнить».

«Ты хочешь сказать, что есть способ, которым мы все можем собраться как Господня Церковь, и тем самым восполнить надежды Новозаветной Церкви?»

«О да! Есть собрание, которое их восполняет»,— Джон сказал это с такой уверенностью, которая меня искренне удивила.

«Да? Я хотел бы о нем узнать поподробнее»,— сказал я.

Именно в тот момент еще один клин перекликающихся птиц пролетел у нас над головами. Мы долго не могли оторвать глаз от очередной партии, удаляющейся к югу.

«А они знают!»— сказал Джон с улыбкой, когда мы смогли вернуться к нашим баранам. «Знают что?»

«Происходит единение. Они все направляются к югу, в теплые края. И в данный момент не важно, в какой они стае, но они все двигаются в правильном направлении».

«Значит, надо подаваться на юг?»— вопрос Брюса выдал, что он не имел ни малейшего понятия, к чему вел Джон.

«Вы представляете себе собрание, только как те сходки, которые вы организовываете, пытаетесь найти для них такую форму, которая будет гарантировать превосходные результаты. Но вы еще не видите, что Господь Христос отбирает для себя свою паству. Люди со всего света обнаруживают в себе жажду познания Бога, которую они стараются заглушить всем, чем угодно; но все то, что они пытаются примерить к этой жажде, лишь усиливает ее и все больше и больше лишает их покоя. Держа взгляд на Нем, мы не только приближаемся к Нему с каждым прожитым днем, но и вдруг обнаруживаем, что нас окружают те, кто движется в одном с нами направлении. Птицы летят на юг стаями не потому, что их так заставляют, а потому что это облегчает им путь и потому что так ближе становится их цель».

Джон повернул взгляд снова в небеса, и мы тоже — теперь по небу летели уже не меньше четырех стай разных размеров, но все упорно, как стрелки компаса указывали на юг. «И все эти стаи будут вместе в одном и том же месте. Вот то, чего всегда желает наш Господь — привлечь паству, приходящую к Нему единственному, где по пути каждый облегчает ношу другого, которого встретит.

Вот это и есть собрание. И тут не важно, когда, где и как вы встречаетесь, но значимо, что во имя Его собраны сердца. Если так оно и есть, вам не долго придется проходить свой путь в одиночестве. Вы увидите спутников, двигающихся в том же направлении, и, продвигаясь вместе, вы сможете помочь друг другу в пути. Именно поэтому, когда вы ищете людей, которые хотят встречаться «только так и не иначе», когда подбираете тех, кто имеет именно такое же мнение, как и у вас обо всем, вы только наносите себе невероятный ущерб. Любой человек, появившийся на вашем пути,— верующий или не верующий, посещающий такие вот заведения, или стоящий вне них — ваш потенциальный спутник. Любя всех их той мерою любви, которая их устраивает, вы участвуете в этом общем Собрании.

При этом цель остается неизменной — это Он! И это всегда Он — а не стиль церковного собрания или заранее предложенная программа, не постоянный достаток и не обеспеченное будущее».

Никто не решался произнести ни слова, хотя внутри, глубоко во мне что-то перевернулось. Я знал, что произносимое здесь передо мной было гораздо шире того, что я мог объять в тот момент. Молчание повисло среди нас — и мы проводили взглядом птиц за горизонт.

«Но я так и не решил, что мне делать»,— улыбка надломила деланную озабоченность на лице Брюса.

«Я думаю, что решил»,— произнес с ответной улыбкой Джон.

«Да, знаю»,— продолжал улыбаться Брюс,— «следовать за ним каждый день! Звучит устрашающе, но в этом и есть истинная свобода. Так ведь?»

«Именно так. И этого можно достигнуть наилучшим образом, если раскрепостить свои движения в Его действии. Он не пытается усложнить для нас ничего, Он просто желает, чтобы вы познали само Царствие. Он ведет вас к той радости, которую дает Сам, а не к изматывающим обязанностям и пустым обещаниям».

На этой ноте тот, кто должен был забрать Джона в Лос-Анджелес припарковался на автомобильной площадке. После того, как мы его проводили, Брюс повернулся ко мне.

«Теперь понятно, почему он настолько тебе по сердцу».

«Я еще никого не встречал, как он».

«И я Джейк, тоже никого подобного не встречал... Никого...».

ГЛАВА 13. Последняя глава

Я увидел его знакомую фигуру, восседавшую на скамейке именно там, где мы с ним беседовали в первый раз уже более трех лет назад. Джон позвонил мне сегодня и спросил, не могли бы мы встретиться около шести часов вечера в парке, там, где началось все это мое приключение. Двигаясь в направлении парка, за рулем машины, я прокручивал в уме все, через что мы с Джоном прошли за эти неполные четыре года, и улыбался, благодаря Бога за эту помощь, которую он мне послал. Наши с Джоном отношения определенно поменялись. Много воды утекло с тех времен, когда я отчаянно бомбардировал его вопросами, теперь пришло простое наслаждение дружбой. И это была такая дружба! Я постепенно отошел от постоянного желания внезапно натолкнуться на Джона, когда складывались сложные ситуации, а мое доверие к Отцу выросло невероятным образом.

Я вышел из машины, в лицо повеяло весенним порывом ветра, донесшим сладкий запах цветения цитрусовых из ближайшего сада. Идя по направлению к Джону, я заметил, что он вел оживленную беседу с каким-то молодым человеком, который, похоже, совершал вечернюю пробежку и во время разговора продолжал бег на месте. Я приближался. Они с улыбкой пожали друг другу руки, и бегун продолжил свой путь. Джон подскочил со скамейки поприветствовать меня, когда я подошел.

«Привет, Джейк. Спасибо за то, что смог найти время. Я очень хотел увидеться с тобой до отъезда».

Мы обнялись. «До отъезда? Ты все время куда-то ехал».

«Против этого не поспоришь», — улыбнулся он. — «Но это были не дальние расстояния».

«Правда? И куда же ты направляешься?»

«Я на время уезжаю из страны. Нужно повидаться с некоторыми людьми в Африке, и не думаю, что скоро вернусь. Поэтому я и хотел увидеться с тобой еще разок».

Мое сердце в груди куда-то провалилось. Я не мог себе представить, что он больше не будет если не постоянной, то, по крайней мере, периодической частью моего бытия.

«Печальная новость», — сказал я. — «Но моя утрата — это их очевидное приобретение. Я уверен, что они будут невероятным образом также благословлены знакомством с тобой, как и я».

«Не всегда ты мог так сказать».

Вспомнить то отчаяние, в которое ввел меня Джон в первые дни нашего знакомства, не составило большого труда. Чем больше я его слушал, тем более глобальный размах приобретали разрушения, имевшие место в моей жизни.

«Да уж, в начале легко не было. Ты действительно стал началом моих проблем».

«Я — вряд ли. Я никогда не настоял ни на одном твоём решении. Я просто проводил наблюдения, задавал вопросы и выдвигал варианты ответов. Выбор всегда оставался за тобой».

«Я понимаю, но не всегда мой выбор разворачивался положительными последствиями».

«Да и как это было возможно? В тебе боролись два желания».

«Что ты имеешь в виду?»

«В тебе жила невероятная жажда к познанию Бога и следованию за Ним. Но ты также хотел иметь гарантированно безопасные обстоятельства и быть всеми любимым. А последнее не возможно совместить с первым. Мы в безопасности, потому что Он с нами, а не потому, что обстоятельства у нас благоприятные; да и попытки быть для всех хорошим всего лишь лишали тебя возможности стать тем, кем тебе назначил быть сам Бог. Когда ты стал стремиться к тому, что Господь вложил тебе в сердце, другое царство должно было просто рухнуть. Это было неизбежно, если не сказать — желаемо. Видеть, как это происходит, редко составляет удовольствие».

«Но я рад, что у меня в жизни это было».

«Что оно есть, Джейк!» — поправил Джон с усмешкой.

«Я даже представить себе не мог, насколько реальным может стать Христос для меня и моей семьи. Кроме того, я и понятия не имел, как было перевернуто мое понимание следования за Богом. Я рад, тому, как все разрешилось. При всех перенесенных тяготах, я могу с уверенностью сказать, что живу той жизнью, к которой всегда стремилась моя душа. Даже самые светлые мои дни в рамках религиозной организации оставляли меня с непроходящим

чувством пустоты и гнетущим ощущением, что надо бы делать больше, да и Богу бы не мешало тоже. Теперь это ушло. И даже в самые трудные дни теперь я счастлив и благодарен Господу за то, что Он устраивает во мне, и за ту свободу, которой я могу наслаждаться в Нем. Не проходит ни одного дня в конце которого, ложась спать, я и Лори не возносили бы благодарность Господу нашему за то, каким образом Он нас меняет и за тех людей, с которыми Он нас сводит».

«Это прекрасно! Довольство — это один из самых благодатных даров в этой жизни».

«Но и это еще не все. Раньше я был сосредоточен на том, что я хочу получить от Бога и как подвести Его к тому, чтобы мои желания были исполнены. А теперь я просто хочу познавать Его и позволять Ему менять во мне все, чтобы отражение Его славы было очевидно. Это даже словами выразить трудно. Раньше я стремился вести себя как христианин. Теперь я ловлю себя на том, что говорю и делаю такие вещи, которые удивляют меня самого. Он меня изменил, Джон, и моих заслуг в этом нет никаких».

«Так и должно быть, Джейк».

«Единственное о чем я жалею, что слишком много времени утекло напрасно, до того, как все разрешилось должным образом».

«Время — это не тот вопрос, который стоит остро для Отца нашего Небесного, Джейк. Ему доставляет радость исправлять в нас неправильное, и не важно, что иногда это требует времени. То, что ты познал теперь, никогда не может быть у тебя украдено, и не важно, куда Господь тебя поведет и с кем назначит пройти путь».

«Наша нынешняя жизнь во Христе — это то, о чем мы с Лори всю жизнь мечтали, при этом, ни одна часть ее не укладывается в те программы, в которых мы ее искали. Вчера со мной произошел невероятный случай, Джон. Воспоминания о нем оставляют во мне чувства благоговения перед Богом».

«И что же это такое?»

«Я должен был принять участие в дежурном заседании присяжных, которого я не очень то и ждал. Пока мы сидели в общем зале, я читал журнал Time. В моем ряду больше никого не было, и вдруг молодая и красивая девушка подошла и села рядом со мной. Я понятия не имел, что ей от меня нужно, но повернулся и вежливо ее поприветствовал. Она сказала, что ее зовут Николь. Мы обменялись общими фразами о работе, семье и недовольствами, связанными с дежурством в заседании присяжных; я не мог понять, в каком направлении вести беседу и поэтому вернулся к чтению своего журнала.

Внезапно она схватила меня за руку. Я не мог не повернуться в ее сторону — она заплакала и поделилась со мной, что, как она считает, отец ее просто ненавидит. Когда я спросил, откуда у нее такие выводы, она рассказала о жуткой ссоре, которая разгорелась у них накануне. Те детали, которые всплыли в процессе рассказа, явно раскрыли мне, что она просто не понимала, о чем с ней вел разговор ее отец. Я даже представлял себя на месте ее отца и знал, что сказал бы своей дочери то же самое, но ни в коей мере не подразумевал бы то, как это интерпретировалось девушкой. Я пояснил ей, что она, скорее всего, не понимала своего отца.

Потом мы посмотрели на ситуацию глазами отца, и она была удивлена тому, что могла понять все настолько неправильно. „Так вы думаете, что мой отец меня любит?“ — спросила она. Я ответил, что не знаю его совсем, но знаю, что на этот вопрос ей сможет ответить только ее отец, и предположил, что выяснить эту правду стоит. Девушка сказала мне, что после своего заседания она обязательно заедет к отцу и выяснит, что на самом деле он имел в виду».

«Замечательный случай!» — произнес Джон.

«Но это еще не конец истории. Спустя несколько минут ее вызвали на слушание. Она встала, чтобы собраться и последовать за остальными в назначенный зал судебных заседаний. Когда мы прощались, я вдруг тронул ее за руку и спросил, не ответит ли она на один мой вопрос. Она кивнула. „А как у вас отношения с вашим Небесным Отцом?“ Не было ни капли сомнений в том, что она понятия не имела, о чем я говорю, ее лицо приняло озадаченное выражение. В конце концов, она рискнула спросить, не о Боге ли я спрашиваю. Я кивнул. Никогда не забуду ее ответ, которым она, можно сказать, огрызнулась: „Я выросла с этим всем. Я Его ненавижу».

Я улыбнулся и произнес ей в ответ: «Николь, точно также как вы ошибались по поводу своего родного отца, вы определенно ошибаетесь в отношении своего Небесного Отца. У вас есть такой Папа, который любит вас, как никто никогда не мог бы любить вас на этой планете». На ее лице отразилось недоумение, она задалась вопросом, а может ли это быть на самом деле,

и спросила меня, если это так, то, что ей надлежит делать. Поскольку ей необходимо было уже срочно идти, я успел ей сказать: «Если бы я был на вашем месте, то сразу же после того, как вышел из этого здания, я бы обратился к Богу с вопросом о Его любви ко мне и просьбой, если Он действительно любит меня так, как мне было сказано, чтобы Он открыл это мне». И она уверила меня, что именно так и сделает. Я знаю, что Господь держал на ней свою руку, и было здорово участвовать в такой вот беседе и после нее не мучиться мыслями о том, что надо или не надо было сказать».

«Чем больше мира находим мы сами в себе, тем легче Господу достигать других через нас. Эта история на самом деле — ошеломительна!»

«И это происходит не только со мной. И другие наши друзья познают, как следовать по этому пути с радостью и в свободе. Помнишь ту нашу домашнюю группу?»

«Конечно, я хотел спросить тебя, что из нее вышло.»

«Даже не знаю, как ответить на твой вопрос. Мы собираемся вместе, но регулярными эти встречи не назовешь. Они редко напоминают те собрания, которые были раньше. Но мы научились жить как семья и больше уделять времени тем людям, которых Господь приводит в нашу жизнь. Моя история с Николь — это один из многих случаев, которые имеют место, когда Бог открывает нас другим. Лори и я недавно по вечерам во вторник начали встречаться с группой только что пришедших к Богу верующих, которые попросили нас помочь им разобраться в их отношениях с Богом. Более замечательного в нашей жизни еще ничего не было».

«А как Брюс?»

«Не знаю, как все для него разрешится. Мы продолжаем встречаться с ним, и ведем замечательные беседы. Он продолжает возрастать, но все еще разрывается между реальностью своей души и достижением тех планок, которые выставлены для него другими людьми. Это производит определенное разделение между теми, кто разделяет его духовную жажду и теми, кто ими напуган. Наверное, следующий месяц будет решающим».

«Ты будешь с ним рядом?»

«Однозначно, хотя путь впереди нелегкий. Это ясно, даже притом, что пока неизвестно, чем он устлан».

«После всего того, что было с тобой, я не удивлюсь, если ты захочешь быть подальше от ситуации, подобных этой».

«Где-то в глубине души я и правда хочу. Но оставить его наедине со всем этим просто не могу».

В этот момент мы были прерваны шумом голосов, заглушавших нашу беседу. Мы почувствовали характер накала еще до того, как смогли разобрать слова. Голоса были напряженными и озлобленными. Мы оба посмотрели в ту сторону, откуда доносились голоса и увидели дюжину человек, направлявшихся в нашу сторону, в руках у всех были сумки для пикников, а дети уже рассеялись по парку в поисках места для игры. Компания направлялась в павильон для пикников, спрятанный в деревьях прямо у нас за спиной. С приближением этой группы людей более ясно становилось содержание их беседы.

Если меня заставят просидеть еще одну церковную службу, я живым оттуда просто не «выйду».

«Мы оба!» — отреагировал его товарищ.

«Я бы советовала вам быть поосторожнее с подобными высказываниями», — отреагировала одна из женщин.

«А то что? Меня поразит огонь небесный?»

«Нет, но это может дойти до ушей пастора и тогда придется пожалеть о сказанном».

«Эта церковь была живой, когда я в нее пришел, люди заботились друг о друге. А теперь — чувство вины вливают в тебя доза за дозой. Такое ощущение, что никаких дел недостаточно, чтобы Бог был доволен. Мы уже заняты четыре вечера на неделе со всей этой церковной деятельностью. Я просто вымотан. Больше с меня взять нечего».

«Погоди, может, он вовсе и не о тебе вел речь».

«Не обо мне? Но отчего я чувствую себя виноватым?»

«Я не знаю. Мысли у него всегда верные, хотя и он не всегда правильно их выражает. Но это же не лишает его полномочий помазанника Божьего».

«Если я еще раз это услышу...» — начал было один из них, но тут же был прерван.

Слова были настолько эмоциональными, что я невольно обернулся посмотреть, откуда они доносились. В компании была женщина маленького росточка, которая до сего момента не произнесла ни слова, но то, чем она прервала мужчину, вырвалось у нее изнутри как прорыв плотины: «Божий помазанник, чтоб его... Он тут строит свое собственное царство, а служители, такие как вы просто сидите, сложа ручки, и позволяете ему делать, что заблагорассудится. Все это разрушает мою сущность, мою семью, а никто даже гроша ломаного не положит».

Некоторые из тех, кто стоял рядом с ней, затаили дыхание, открыв рты от изумления в оглушающей тишине. Женщина и сама была шокирована своими словами. Осознав, что произошло, она закрыла лицо руками и разрыдалась. Две женщины подошли к ней поближе, чтобы утешить, остальные остались недвижимыми.

Я повернулся посмотреть на Джона. Глаза у него были прикрыты, как в молитве, на лице отразилась боль и сожаление. Когда он взглянул на меня, показалось, что его лицо осветила мимолетная улыбка. «Сам справишься с этим, или хочешь, чтобы я?»

«Справлюсь с чем?»— задал я вопрос, не вполне уверенный в том, что понимаю, о чем он говорит.

Джон кивнул головой в сторону и павильона, прямо за нашими спинами, и неловкой тишины, которая повисла над группой людей. В это время некоторые из них уже начали распаковывать сумки и доставать продукты. «Мы же не можем вот так просто сунуть свой нос в их дела».

«Не думаю, что для них сейчас это будет выглядеть как то, что мы суем нос в их дела»,— ответил Джон.

«Ты хочешь, чтобы я поговорил с ними?»— мне было трудно представить, как это может произойти.

«Думаю, что ситуация как раз для тебя, если ты до нее возрос»,— с улыбкой произнес Джон.— «А мне все равно уже пора двигаться дальше». С этими словами он встал, и я поднялся вместе с ним. «Прощай, Джейк»,— сказал он с такой нотой завершенности, что слезы навернулись у меня на глаза.

«Мы что, больше не увидимся?»

«Не думаю»,— произнес он,— «По крайней мере, не на этой стороне вечности».

«Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал»,— слезы приходилось глотать, не давая им ходу.— «Я не знаю, как бы я выжил во всем произошедшем, если бы тебя не было рядом».

«Это был не я, Джейк»,— сказал Джон, прерывая наше объятие и потянувшись за туристической сумкой, лежавшей под скамейкой.— «Это был Отец — все это время. У Него много путей решения того, что Он задумал».

«Все равно, я рад, что это был ты».

«Я тоже рад, что это был я. Теперь кое-кто другой ждет твоей помощи, Джейк, если ты, конечно, желаешь помочь».

«Я желаю, но не знаю, что говорить».

«Это придет. Просто иди к ним с любовью».

С этими словами Джон похлопал меня по плечу и отправился к выходу из парка. Я смотрел ему вслед и, наконец, познал ответ на тот вопрос, который мучил меня так долго. Теперь я знал, кем был Джон, и ответ был предельно простым. Я покачал головой и глубоко вздохнул.

Потом я шагнул в сторону парковых столиков для пикников, все еще пытаюсь понять, что в этой ситуации возможно сказать. В этот момент один из мужчин, тыча пальцем в ту женщину, из которой минуту назад слова излились болью, объявил: «Тебе должно быть стыдно за себя, Салли. Иисус никогда не говорил такими словами».

Вот тогда-то нужные слова и пришли сами собой — те, что я услышал вечность назад, и что уже, казалось, были из другой жизни.

Я гармонично влился в их маленькую группу и так тихо, как только мог, спросил: «Похоже, что вы и понятия не имеете о том, кто такой Христос, не так ли?»

И тут началась новая беседа и новая история, на которую у меня теперь нет времени.